

**КОЭВОЛЮЦИОННАЯ ДИНАМИКА
И СТРАТЕГИИ ИННОВАЦИОННОГО
РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Монография

Минск
БНТУ
2010

УДК 177

А в т о р ы:

А.И. Лойко (глава 1), В.П. Старжинский (глава 2),
Н.И. Мушинский (глава 3), Е.Б. Якимович (глава 4)

Рекомендовано кафедрой философских учений БНТУ (протокол № 2, от 19 октября 2009 года); советом ФТУГ (от 26 октября 2009 года)

Козволюционная динамика и стратегии инновационного развития Республики Беларусь: монография / А.И. Лойко [и др.]. – Минск: БНТУ, 2010. – 296 с.

ISBN 978-985-525-315-1.

В монографии с философско-методологических позиций рассматриваются актуальные аспекты коэволюционной динамики, внедрения высоких технологий, изучения идентичности. Содержащийся в издании материал может быть использован аспирантами, соискателями, магистрантами, молодыми учеными в собственных научных исследованиях в качестве методологического инструментария, а также в процессе подготовки к сдаче кандидатского минимума по философии и методологии науки.

Библиограф. 80 назв.

Р е ц е н з е н т ы:

д-р филос. наук, профессор (БГПУ им. Максима Танка) *П.В. Кикель*;
д-р филос. наук, профессор (БНТУ) *В.А. Семенюк*

ISBN 978-985-525-315-1

© БНТУ, 2010

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Инновационно-коэволюционная модернизация.	6
Глава 2. Инновационное развитие и высокие технологии.	95
Глава 3. Социокультурная устойчивость в условиях техногенеза.	163
Глава 4. Инновационная деятельность и идентичность: визуализация архетипических образов родной природы, души народа, семьи.	223
Заключение	295

Введение.

Республика Беларусь находится на этапе активной технико-технологической модернизации существующего агропромышленного комплекса. Поскольку страна не располагает достаточными природными ресурсами валообразующего характера, то ей приходится делать ставку на значительные интеллектуальные и высокотехнологичные национальные и мировые ресурсы с учетом трансформации глобальной экономической системы в коэволюционную структуру, в рамках которой природа приобретает статус наблюдаемого, требующего учета обратной связи с точки зрения подаваемых ею сигналов в виде глобального потепления, загрязнения воздушного, водного, наземного пространства. Коэволюционный параметр стал решающим при характеристике качества продукции, ее энергоемкости, экологичности и безопасности. Для большинства специалистов сегодня очевидно, что Беларусь интуитивно, при решающем личностном факторе главы государства, уловила акценты общемировой трансформации и реализовала важный этап выхода на параметры устойчивости и высокотехнологичной модернизации. В условиях мирового финансово-экономического кризиса эта работа стала достаточно очевидной по результатам. Темпы экономического развития в процентном отношении снизились, но сохранилась системотехническая основа устойчивости, сформировавшаяся на акценте активного использования потенциала родной земли, вековых традиций крестьянства и соответствующих подходов рачительной переработки сырья с учетом особенностей национальной кухни(производство молочных, мясных продуктов, сахара, льняных тканей). Под эту вовремя актуализированную деятельностную идентичность подстроилось машиностроение и в результате Беларусь, в условиях растущего дефицита продовольственных ресурсов в мире, приобрела, соответствующую национальной сути страны, высокотехнологичную культуру с непрерывно возобновляемой собственной ресурсной базой. Это достижение является важным показателем наличия в Беларуси коэволюционной динамики, включенности страны в новейшие общемировые тенденции налаживания взаимовыгодного диалога общества с природой. При этом возможности модернизации далеко не исчерпаны в нашей стране и соот-

ответственно стоит задача активного использования потенциала этого технико-технологического менеджмента. Очевидно, что у всякой инженерно-управленческой деятельности есть социокультурная ценностная мотивация, которая коренится в потенциале самого народа. Этот потенциал обозначается в современной философии как идентичность. Именно с позиций этого феномена в монографии будет осуществлен анализ новейших тенденций деятельности и тем самым сделан шаг к глокализации категориального аппарата социальных наук, прочитыванию ряда терминов (модернизация, коэволюция, высокие технологии, инвайронментализм, глокализация, идентичность, архетип, визуализация, инновационная деятельность) через общественное сознание народа центрирующего Европу, выполняющего важнейшие транзитивные и трансграничные функции, демонстрирующего ответственность и самодостаточность интеллектуального потенциала, управленческой культуры.

Глава 1. Инновационно-коэволюционная модернизация.

По проблематике связанной с модернизацией социокультурной реальности, различных структур деятельности, выходит достаточно большой объем научной литературы. Большинство авторов использует это понятие в контексте обсуждения актуальных вопросов научно-технического прогресса, межцивилизационной динамики.

Слово «модернизация» имеет два значения. Одно вытекает из понятия модерна и ассоциируется с процессами осовременивания социокультурных систем в духе уже определившихся эталонов модернити. Например, в XX столетии применялось значение современности как критерия по которому определялось наличие или отсутствие в той или иной стране прав человека, свободы, демократии, рыночной экономики, основанной на достижениях НТП.

Модерн связывается многими авторами с определенными социокультурными центрами. Право на статус одного из них одними из первых добились европейцы в лице античных греков с их рациональностью, демократией, наукой, частной собственностью, рыночной экономикой и социокультурной инновационной активностью.

В последующем европоцентризм дополнился христианством и понятие центра расширилось до всего Средиземноморья со столицей в Иерусалиме. Переселение европейцев в XV-XVI веках в Америку сделало европоцентризм трансатлантическим.

Раскол европейского мира на иудейско-христианский и исламский, а также последовавший внутрехристианский цивилизационный раскол на западно-римскую и восточно-византийскую части привел к тому, что европейцы приобрели разные культурные векторы развития.

Западный вектор, как наиболее открытый достижениям НТП и свободы, стал несомненным лидером на планете в формировании содержания модерна(современности). Это лидерство оформилось в стратегию экспансии в другие регионы планеты(колониальная политика) и вызвала альтернативные западному типу поиски модерности с точки зрения достижений НТП. Подобный процесс начался в XVI веке в России, а затем в XIX столетии в Японии и Юго-Восточной Азии.

Смена колонизаторских установок произошла на Западе во второй половине XX столетия и оформилась в идеологию догоняющей

модернизации, в рамках которой американские специалисты из крупнейших университетских центров США попытались найти новые способы либерализации и вестернизации получивших, в результате национально-освободительной борьбы, независимость стран третьего мира.

После ослабления связи коммунистической идеологии с практикой государственного этатизма начались процессы континентальной консолидации евроцентризма. Они сопровождались активным вступлением бывших социалистических государств Европы в единое экономическое либеральное пространство. Этот процесс продолжается и в настоящее время.

Однако мы должны помнить и о другом значении слова «модернизация», связанном с обновлением социокультурных систем в духе последних достижений НТП. Обновлению, в данном случае, в первую очередь, подвергается существующая инфраструктура деятельности и коммуникации, образ жизни населения. Фактически речь идет об универсальной тенденции социального развития, в основе которой лежат ценности преемственности, поскольку речь идет о сохранении культурных объектов посредством повышения их функциональных возможностей с помощью новейших научно-технических разработок.

В переводе с французского языка модернизация обозначает действие, связанное с обновлением, осовремениваем чего-либо в свете научно-технического прогресса. Модернизировать «- делать современным, изменять соответственно требованиям и вкусам современности, в частности, обновлять оборудование, технологический процесс» [19С.419].

Модернизация является одним из механизмов социального развития. Ее основными детерминантами являются научно-технический прогресс и моральное и физическое старение технизированной инфраструктуры деятельности и системы коммуникаций, а также ускоренными темпами эмансипирующее общественное сознание через потребности, цели, интересы, идеалы, идеи формулирующее опережающее видение социокультурной реальности.

В узком смысле модернизация трактуется как одна из технологий обновления промышленного оборудования, жилищного сектора.

Модернизация как процесс связана с определенным типом деятельности человечества. Этот тип характеризуется инновационностью, постоянным стремлением субъекта деятельности к новизне. Это стремление реализуется через механизмы научно-технического, организационно-управленческого, эстетического, духовного творчества.

Народонаселение приверженное ценностям модернизации и располагающее соответствующей волей к инновационной деятельности, образует ядро модернизирующейся социокультурной системы. С точки зрения мотивационных характеристик речь идет о людях придерживающихся креативной рациональности, в основе которой лежит «1) твердая убежденность в существовании зависимостей и причин, которые поддерживают непрерывный, систематичный изобретательский научный поиск; аналитико-каузальная установка на творческий поиск, расширение круга знаний; 2) мультипликация инструментов и технологий, вызываемая первым аспектом и одновременно поощряющая его; 3) готовность принимать непрерывные изменения на индивидуальном и социальном уровнях при одновременном сохранении(...) индивидуальной и социальной идентичности» [15 С.13].

С точки зрения методологического анализа бросается в глаза непроработанность основных механизмов модернизации как процесса, особенно в части оперирования понятиями трансформации, модификации.

В современной научной литературе контексты модернизации и трансформации практически не разводятся. В отечественной социальной методологии сформировалась позиция, согласно которой трансформация как механизм намного предпочтительнее модернизации, поскольку в ней нет ограничений в вопросе выбора направления и содержания социально-политических изменений. С модернизацией при этом связываются западные ценности и механизмы осовременивания гражданского общества и государства.

В словаре иностранных слов находим, что латинское слово transformation в русском языке звучит как «1) преобразование, превращение; 2) понижение или повышение напряжения переменного электрического тока при помощи трансформатора» [19 С.652].

В диалектико-материалистической трактовке к достоинствам трансформации приписывалось то, что на фоне таких форм отрица-

ния как негация и снятие, трансформация обладает свойствами преемственности. На языке идеологии модернизация трактуется как возврат, реконструкция капитализма. Преемственность модернизации заключается в осовременивании общества на традиционных принципах рыночной экономики, что не всегда приемлемо для ее противников

Если принять за основу диалектико-материалистическую трактовку трансформации, то в рамках этого контекста мы можем обнаружить определенную ее связь с модернизацией. Но только при том условии, что последняя будет трактоваться не идеологически, а научно-технически - как процесс, вытекающий из закона морального и физического старения технизированной инфраструктуры деятельности. В рамках этой трактовки к содержательному контексту слова модернизация близки такие слова как реконструкция, капитальный ремонт, реструктуризация. Все они указывают либо на функцию сохранения инфраструктуры как памятника культуры и производственного здания, либо обновления с целью повышения ее эффективности, надежности, экологичности, безопасности. К аспекту обновления и имеет прямое отношение слово модернизация. В этом ракурсе есть все основания говорить о трансформационной модернизации, в рамках которой преемственность, трактуемая как сохранение труда и технологической культуры многих поколений людей, сочетается с неизбежностью обновления морально и физически устаревающей технизированной инфраструктуры деятельности. Научно-технические инновации дополняются технологической оптимизацией, в основе которой лежат принципы четкой организации деятельности, ответственности, порядка и дисциплины.

Если спроецировать эту модель на Республику Беларусь то окажется, что в ней есть трансформационное ядро, фиксируемое принципом преемственности, и модернизационный пояс, в границах которого происходит апробация и адаптация к отечественной культуре новейших технологий. Благодаря трансформационному ядру белорусская промышленность и сельское хозяйство не только сохранили свой потенциал и инфраструктуру, но и перешли к стадии трансформационной модернизации, в рамках которой обновленные предприятия и организации становятся все более привлекательными для мировых инвесторов.

Долгосрочность всех начинаний государственной власти в Беларуси определяется сочетанием установки на максимальное сохранение стабилизационной функции трансформационного ядра с формированием мощного инновационного центра на базе национальной академии наук. Практика показала, что именно в Беларуси попытались сохранить трансформационный аспект модернизации.

Таким образом, модернизация и трансформация тесно взаимосвязаны, поскольку трансформация в функции преемственности обеспечивает стабилизацию социокультурной системы в условиях ее непрерывного обновления. В переводе с латинского *modification* обозначает «1)видоизменение; 2)различные состояния многих твердых тел ... напр. Модификации углерода: уголь, графит и алмаз»[19 С.419].

Модификация – это специфическая форма объекта или явления, характер сложности которой зависит от условий ее создания. У одного и того же объекта может быть множество модификаций, определяемых условиями его существования. Аналогичное определение можно отнести и к социокультурной системе. Например, у такой страны как Беларусь исторически были и будут иметь место различные социально-политические, экономические и культурные модификации. Принципиально важным в данном случае является констатация наличия такого объекта, поскольку она позволяет видеть его модификации.

В социально-политической сфере Беларуси претерпела исторические модификации, связанные с периодом Киевской Руси, Великого Княжества Литовского, Речи Посполитой, Российской империи, СССР. Национально-государственные процессы были теснейшим образом вплетены в непрерывную ориентацию местной политической элиты на федерализм и конфедерализм, региональную интеграцию.

Экономические модификации Беларуси предстают в виде досолянской охотничьей культуры финно-угорских и балтских племен, земледельческо-ремесленной культуры периода Киевской Руси с элементами товарно-денежных отношений, собственности («Русская правда»), товарно-рыночного аграрного хозяйства в виде магнатов и дворянских (шляхетских) владений периода Речи Посполитой и Российской империи, социалистического народного хозяйства

периода СССР, постсоветского государственно-рыночного народного хозяйства социально ориентированной экономики.

Культурные модификации Беларуси выстраиваются в преемственный процесс, в основе которого лежит формирование белорусского этноса с характерной для него сельской и городской народной культурой, образа жизни, духовных верований.

Если рассматривать модификацию как процесс, в рамках которого изменения затрагивают только форму объекта безотносительно его содержания, то тогда ее отношение к модернизации будет неоднозначным, поскольку посредством изменения внешнего антуража нередко консервируют содержание, создают лишь иллюзию перемен, ориентации на новизну. Претерпевшие формальную модификацию социокультурные системы оказываются перед лицом одних и тех же экономических, политических и организационно-управленческих проблем.

Модернизация как универсальный и достаточно неоднозначный исторический процесс обновления человечества, связана с таким скачкообразным качественным механизмом развития как революция.

В философской литературе наиболее активно используется понятие научно-технической (НТР) революции.

Научно-техническая революция характеризует яркие открытия и изобретения, оказавшие огромное воздействие на все сферы социокультурной жизни. Долгое время наука и изобретательская инженерная культура развивались параллельными путями пока не соединились на основе ньютоновской механики.

Технико-технологическая линия революций предстает в виде скачкообразных и эволюционных периодов становления человека и орудийной деятельности(2 миллиона лет назад судя по находкам супругов Лики в Олдовайском ущелье в Восточной Африке произошел этот скачек), земледельческо-ремесленной культуры (неолитическая революция), индустриального типа деятельности(промышленная революция), постиндустриального социума(компьютерная революция).

Научные революции в первоначальном своем виде имели мировоззренческое и методологическое выражение и явно не проявлялись в практической деятельности(фалесовско-пифагорейский, коперниканский, кантианский перевороты в науке). И только в XIX

веке научные революции нашли свое продолжение в инженерно-технических разработках и технологиях (электротехническая, ядерная, кибернетическая, генетическая революции).

Научно-технические революции вызывают ускорение модернизационной динамики и одновременно обостряют проблему соразмерности технико-технологических преобразований и социальной мобильности.

Весь комплекс проблем связанных с общественным сознанием (человеческим фактором) трактуется в современной литературе как социальные последствия НТР.

В этот комплекс входят вопросы, касающиеся 1) профессиональной мобильности народонаселения и занятости; 2) адаптации его к научно-техническим новшествам; 3) миграции; 4) урбанизации; 5) психологической устойчивости народонаселения к инновациям.

В понятии модернизации тесно переплетены два смысла. Один указывает на имеющую место тенденцию осовременивания человечества, т.е. речь идет об определенном процессе непрерывного обновления социальной жизни народонаселения с момента ее появления. Второй смысл акцентирован на том, что у процесса осовременивания есть субъект, который периодически выдвигает рационально осмысленные проекты социума в контексте его обновления. Эти проекты трактуются как модерн. Наиболее активно обсуждается судьба проекта сформированного в средние века. О нем обстоятельно пишет Ю.Хабермас. Он называет его незавершенным. Немного ранее Ф.Ницше констатировал завершение этого проекта и его полную неудачу (Бог мертв и мы его убили). Историко-теологическая основа обновления уступила место просветительской с лозунгами свободы, равенства и братства. Этот проект дал начало либерализму и марксизму. Их противостояние, в котором известную роль играл и консерватизм закончилось разочарованием, получившим отражение в философии и искусстве модернизма конца XIX-начала XX столетий. Однако этот критический модерн стал лишь продолжением идей Просвещения в инженерно-технической сфере. Начиная с XVIII века промышленный модерн принял устойчивую тенденцию ускорения научно-технических революций, индустриализации. Идеологическая составляющая его разнообразилась принципами конкуренции, соревнования, борьбы за рынки,

территории, колонии, противостояния научно-технических комплексов (ВПК). Борьба с прежним – историко-теологическим модерном – выразилась в освобождении нравов, создании индустрии развлечений и свободного времяпровождения. Оставшийся наедине с собой индустриальный модерн увлекся внутригрупповыми социальными конфликтами в виде колониальных и мировых войн, социально-политических революций. Его отношения с природным комплексом на планете характеризовались разрушением экосоциального пространства, складывавшегося миллиарды лет. К семидесятым годам XX века в силу вступили экономические регулятивы жизнедеятельности человечества связанные с понятиями эффективности, рентабельности, производительности, наукоемкости и инновационности, экологичности и безопасности. Мировой энергетический кризис только подтвердил неизбежность смены социокультурного проекта. Фукуяма Ф. Заговорил о конце мировой истории. Но как оказалось речь шла лишь о том, что проект модерна был заменен на другой - постмодернизма.

Не успел постмодернизм как следует обосноваться в структурах общественного сознания как началось его философское осмысление и концептуальная реконструкция. Многие философы совершили непосредственную эволюцию из под влияния модерна в постмодерн. В первую очередь это относится к творчеству М.Фуко, М.Хайдеггера и в большей степени касается структурализма и психоаналитической философии.

Постмодернизм верен модернизационной стратегии обновления человечества. Но он более осторожен в вопросах, касающихся устойчивости социокультурного пространства на планете. Вследствие этого радикальной критике был подвергнут принцип бинаризма, за которым скрывалось глобальное противостояние социокультурных систем.

Осторожность постмодернизма не избавила его от вопроса о его временной ограниченности. Во многом ускорению этой тематики поспособствовали историцистские обобщения К.Поппера и Ю.Хабермаса. В результате возник аспект завершенности постмодернизма. И теперь уже культурологам и философам приходится анализировать перспективы постмодернизма с точки зрения наличия у него реальной социокультурной основы в условиях начала XXI века. Пока все данные говорят о том, что «вряд ли есть осно-

вания говорить о «завершенности» все еще актуальных культурных процессов». [2, С.65]

Европоцентристский подход к анализу глобального прогресса не позволил философам заметить качественную трансформацию неевропейских миров, появление новых субъектов социально-политического проектирования.

Понятие модернизации было разработано в шестидесятых годах XX века американскими интеллектуалами в русле решения проблем стран Третьего мира. И в этом отношении сразу же возникла трактовка проблемы их осовременивания в русле следования образцам западного модернити (модерна). После распада СССР к обсуждению этой проблематики был подключен евразийский регион. В результате сформировались две трактовки модернизации. В рамках одной модернизация трактуется как целенаправленная активность субъекта заключающаяся в приведении инфраструктуры деятельности в соответствие с актуализировавшимися в форме НТР новациями. Наибольшей инициативностью в этом направлении отличается трансатлантический субъект. На планете существуют и другие очаги модернити. Однако в силу социокультурных особенностей они не столь настойчивы в пропаганде и практическом использовании научно-технических достижений.

Второй смысл модернизации связывается с тем, что на планете существует большая группа стран, которая не обладает собственным источником модернити, но хотела бы пользоваться благами, которые вытекают из научно-технического развития. В результате они целенаправленно следуют стратегии освоения имеющихся образцов техники и технологий, производства. Они то и формируют представление о субъекте догоняющей модернизации. В этом процессе принципиально важную роль играет вопрос о том в каком спектре должны реализовываться заимствования. Трансатлантический центр модернити заинтересован в том, чтобы заимствования не ограничивались только технико-технологической составляющей и распространялись на образ жизни и идеологию. В результате участники процесса сталкиваются с острейшим вопросом о том, на какой социокультурной основе должна проходить догоняющая модернизация – идентичной или заимствованной.

У догоняющей модернизации может быть несколько уровней. Так после распада СССР Россия стала представлять первый уровень

догоняющего развития и активно заимствовать не только технологии, но и ценности либерализма из трансатлантического очага модерности. Остальные государства региона оказались на втором уровне модернизации. Это дало им возможность дистанцирования от прямых заимствований и более объективной оценки идеологической составляющей подобной поспешной модернизации. В результате та же Беларусь отказалась принимать модифицированную в российских условиях либеральную трансатлантическую модель осовременивания деятельности и сделала ставку на потенциал собственной науки и инженерии и социокультурную специфику. Это сделано было в немалой степени под влиянием провала модернизации как прямого переноса не только технологий, но и образа жизни из одних регионов в другие. Такие программы не удались в африканском регионе, в России и даже в Юго-Восточной Азии.

Речь идет не о том, что догоняющая модернизация невозможна или неэффективна, а о том, что необходимо пересмотреть ее мотивационную составляющую. В рамках осовременивания универсальные требования могут выдвигаться только к научно-техническим составляющим процесса но не культурным традициям.[2]

Модернизация отражает непрерывный процесс обновления человечества во всех сферах жизнедеятельности и мировосприятия. Научно-технический прогресс является более узким по содержанию и имеющим более короткую историю процессом. К тому же мы должны отметить несовпадение объемов понятий модернизация и прогресс.

Прогресс как понятие фиксирует концептуальное представление о том, что изменения в жизнедеятельности человечества носят направленный характер в сторону усложнения и разнообразия его функций, богатства культуры и внутреннего мира, моральности и духовности общества, социальной справедливости, материального благополучия. В какой-то момент концептуальный язык прогрессистского дискурса переходит на уровень долженствования, поскольку обновление человечества не носит однозначного характера. Оно сопровождается значительными издержками как во взаимодействии с внешней природой, так и с точки зрения готовности народонаселения к происходящим переменам. И тогда возникает множество проблем связанных с обратными движениями. Например,

как объяснить с точки зрения прогрессистской логики возврат многих постсоциалистических стран к капитализму.

В русле модернизационной парадигмы подобные нелинейности вполне объяснимы если на первое место ставить не саму жесткую логику прогресса, а тот результат и то состояние к которому на самом деле стремится человечество. На уровне здравого смысла речь идет о повышении уровня материальной жизни человечества, его научно-технической и информационной оснащенности, совершенствовании духовной культуры, безопасности, наличии реальной свободы связанной с правами человека, росте ответственности как осмысленного состояния индивида, социальной группы. При решении большинства этих задач социализм оказался неэффективен в длительной перспективе. На языке модернизационной парадигмы неэффективность продемонстрировала определенная модель общества, в рамках которой слишком большое значение придавалось не рыночным, а распределительным функциям. Общественное сознание оказалось не готовым к самостоятельности в решении всего комплекса организационно-управленческих вопросов. Рыночные механизмы вводят человеческий фактор в весьма четкие правила жизнедеятельности. Они не всегда приемлемы и не идеальны, но зато очерчивают контуры возможного и достижимого.

Язык модернизационной парадигмы задает широкий интервал видения истории обновления социокультурной системы. Это позволяет дистанцироваться от идеологических предвзятостей и неадекватных оценок отдельных периодов истории.

В самом широком определении модернизация предстает как непрерывный процесс обновления человечества. Закономерен вопрос о том чем определяется это обновление. Оно кем то рационально планируется или детерминируется опосредованной логикой научно-технического прогресса(технологический детерминизм), или же является стечением определенных стихийных факторов. Из анализа проектов модерна выяснилось, что определенная часть народонаселения планеты инициирует выдвижение определенных проектов, в рамках которых предполагается обновленное будущее. Однако ни один из предложенных социокультурных проектов не достиг цели вследствие несоответствия действительности и ее идеальных образов. Распад СССР и социалистического лагеря продемонстрировал неудачу еще одного проекта модерна.

Известный российский исследователь В.М.Межуев полагает, что модернизация относится к типично рациональному виду деятельности, в рамках которой реализуются задачи догоняющего типа и предполагается отказ от собственной идентичности. «В отличие от «проблемы современности» «проблема модернизации» (перехода к современности) возникает в ситуации глубочайшей хронологической травмы, вызванной сознанием «несовременности», «отсталости» своей страны по сравнению с другими»(10С.142).

Когда речь идет о модернизации то возникает вопрос о том, что является объектом изменения. В наибольшей степени модернизация как комплексный и многоуровневый процесс происходит в социокультурных системах.

Система – это определенным образом структурированная совокупность элементов.

Социокультурная система на планете создана человечеством для более эффективной жизнедеятельности в рамках общественного разделения труда. Ее важнейшими составляющими являются народонаселение, инфраструктура, природа.

Народонаселение – это совокупность людей проживающая на планете в определенное историческое время. Оно характеризуется расовыми, этническими, половозрастными, религиозно-духовными, нравственно-эстетическими особенностями.

Народонаселение имеет также социальные особенности связанные с организацией общества в форме семьи, клана, касты, классов, страт, маргинальных групп, наций и народностей.

Инфраструктура – это созданная человечеством техносфера, представленная артефактами различного инструментального назначения и подверженная моральному и физическому старению. Речь идет о продуктах инженерной деятельности в виде архитектурных сооружений, промышленных зданий, коммуникаций.

Природа в социокультурной системе представлена геологической, биосферной, антропогенной сферами и используется в качестве ресурсной, декоративной, фильтрационной базы жизнедеятельности человечества.

В реальном измерении социокультурная система неоднородна и одновременно включает сферы материально-производственной деятельности человечества, социальной жизни(социальной структуры

общества), политической (организационно-управленческой) активности, культурно-духовной консолидации.

В территориальном отношении социокультурная планетарная система исторически раздробилась региональными подсистемами(западноевропейской, североамериканской, латиноамериканской, тихоокеанской, евразийской, арабо-мусульманской, дальневосточной, юго-восточной, центральноафриканской, южноафриканской). Различия вытекают из особенностей культурно-духовных, ментальных, архетипных.

Западноевропейская подсистема стала базовой для формирования дочерних подсистем(североамериканской, латиноамериканской, тихоокеанской, южноафриканской). Зародившиеся в ней образцы науки, инженерии, экономики, политики, духовности, образа жизни стали предметом ассимиляции и подражания для остальных подсистем.

Трактуемая в узком смысле модернизация как трансатлантический проект для других участников социокультурной жизни предстает как эталон, который они могут принимать или оспаривать. Если они его принимают то оказываются в состоянии догоняющей модернизации. У этого процесса есть как свои достоинства так и недостатки. Если же данный эталон не принимается, то участники инновационного процесса ищут альтернативные пути и эталоны для собственной социокультурной подсистемы.

Модернизационный плюрализм неизбежно вытекает из права выбора. Но он не абсолютен, поскольку есть общеловеческие ценности связанные с безопасностью всех участников инновационного процесса. В связи с этим используются нормы международного контроля. Эти функции обычно возлагаются на экспертов ООН.

Вопрос о соотношении модернизации и социокультурной системы имеет продолжение в том аспекте, что их синтез означает выход на проблемы развития. Традиционно ими занимается философия. И в рамках этой науки разработана диалектическая и синергетические концепции развития.

Диалектическая концепция развития мира достаточно хорошо структурирована в виде принципов, законов, категориальных структур.

Принципы вводят исходную основу реконструкции развития с точки зрения требований объективности, системности, взаимосвязи и взаимообусловленности, преемственности.

В законах находят отражение ответы на вопросы 1) что является источником развития, 2) каков механизм развития, 3) каков механизм преемственности в развитии.

Источник развития видится в свете этой концепции в наличии противоречий. В рамках любой системы они предстают как определенным образом иерархизированное множество (главные – неглавные, основные – неосновные, внутренние – внешние, природные – социокультурные, антагонистические – неантагонистические и другие противоречия).

Само по себе противоречие есть процесс в рамках которого осуществляется взаимодействие противоположностей с точки зрения прохождения ими стадий тождества, нарастания различий и борьбы. При этом речь идет о конструктивных формах борьбы. Деструктивные формы не могут трактоваться как источник развития, поскольку их результатом является разрушение противоречия.

Наличие противоречий и развертывание их в конструктивных формах борьбы предстает как закономерность которая фиксируется в законе единства и борьбы противоположностей. В этой динамике модернизация предстает как одна из сторон социокультурного процесса и как механизм обновления социокультурной реальности. Ее основным представителем является субъект инновационной деятельности. Еще одна противоположность в рамках анализируемого социального развития предстает как консервативное ядро общества. Их конструктивная борьба позволяет перевести модернизацию в трансформационное русло обновления социокультурной реальности с учетом эффективного использования потенциала существующих традиций и форм жизнедеятельности народонаселения. Если конструктивное основание не формируется то тогда деструктивные тенденции берут верх в содержании борьбы, что сказывается на устойчивости социокультурной системы.

Механизмы развития связываются в диалектической концепции с количественными и качественными изменениями в системе в определенных границах меры, выход за которые означает формирование обновленной системы с характерной для нее мерой количественных и качественных изменений. Нарушение меры проявляется

в скачкообразном изменении параметров и состояний системы. Народонаселение планеты за миллионы лет освоило основные механизмы функционирования меры. Однако оно так и не смогло адаптироваться к скачкообразным изменениям в социокультурных системах особенно в той части что касается экономических кризисов. В данном случае роль играет противоречие между конструктивным накоплением труда в виде модернизационных фондов и потребительской расточительностью. Деструктивный фактор нередко приобретает тенденцию снежного кома, что выражается в экономической дестабилизации социокультурной системы.

В динамике количественных и качественных изменений в системах прослеживается определенная закономерность. Она фиксируется в законе взаимного перехода количественных и качественных изменений.

Механизм преемственности в развитии реализуется через двойное отрицание. Первое отрицание носит радикальный характер. В его содержании преобладает инновационная составляющая доходящая до максимализма. Второе отрицание минимизирует последствия первого переводя процесс в трансформационное русло. В данном случае в силу вступает фактор детерминизма. Он раскрывается на концептуальном уровне анализа в виде категориальной структуры, включающей определения причинно-следственных (каузальных) связей, необходимости и случайности, возможности и действительности, вероятности.

Особое место в трактовке детерминизма занимают категории необходимости и случайности. Исторически в науке прослеживалась тенденция к нивелированию роли случайности в закономерных процессах. Достаточно жесткую позицию в этом вопросе занимает лапласовский детерминизм. Он недооценивает фактор случайности. В его позиции торжествует строгая однозначность. В подобном духе однозначности и предопределенности трактуется технологический детерминизм. Считается, что у человечества нет альтернативы.

Диалектико-материалистический детерминизм исходит из утверждения о том, что закономерности проявляются как в однозначной(динамической), так и неоднозначной(статистической) формах. В данном случае позиции необходимости и случайности уравновешены формой проявления закономерности.

Наука в XX веке вышла на объекты и явления, которые в большей степени указывают на особую роль в природной и социокультурной динамике факторов случайности (математика, физика, технические науки). Эти накопившиеся факты и теории (нечетких множеств, катастроф и др.) привели к актуализации еще одной концепции развития. Она была разработана в шестидесятых годах XX века.

Когда обсуждается проблематика развития то очень важную роль играет понятие самоорганизации мира и образующих его природных и социокультурных систем, а также вопрос о линейности функционирования организационных структур.

Синергетика исходит из того, что мир включает особый тип диссипативных структур открытого типа, чувствительных к малейшим случайным отклонениям в среде и готовых к вторжению флуктуаций. Процессы самоорганизации в такой структуре сопровождаются генерацией и отбором различных структурных конфигураций-аттракторов. Все эти конфигурации соответствуют одному и тому же предметному целевому полю, в границах которого происходит схождение траекторий к одной точке, в пределах которой регулярно колеблется состояние системы. Точка схождения не зависит от начальных условий движения системы. Аттрактор в данном случае выступает как детерминирующий и исправляющий систему фактор. Эта детерминация идет не от настоящего и прошлого, а от будущего. Для социокультурных систем это означает особую ценностную роль научно-технического прогресса.

С точки зрения механизма обновления синергетика вносит в содержание модернизации акцент связанный со случайностью и нелинейностью перемен.

Если же синергетику трактовать как содействие, сотрудничество, то тогда из нее вытекает коэволюционный аспект модернизации указывающий на проблему комплексного обновления социокультурной реальности с учетом того что она находится в природной среде.

Синергетический аспект перехода социокультурной реальности из состояния порядка в состояние хаоса и к последующей самоорганизации вытекает из закона физического старения инфраструктуры. Максимально изношенная инженерная система при внешнем воздействии может оказаться в состоянии хаоса и частичного или

полного разрушения. Это событие влечет последствия для человеческого фактора. И именно в этом факторе социокультурной динамики содержатся начала самоорганизации.

В самом широком онтологическом смысле синергетика трактуемая как нелинейный процесс вводит значительный фактор случайности в эволюцию человечества на фоне космических процессов. Обновление человечества идет в условиях нейтрального поведения факторов извне. Единичные случаи падения метеоритов, включая тунгусский, не повлияли на темпы и содержание модернизации. Однако все возрастающие объемы информации о Вселенной заставляют человечества продумывать возможные механизмы защиты человечества и созданной им социокультурной реальности от возможных критических воздействий извне, хотя бы и случайных.

Эта проблема указывает на актуальность согласованного поведения элементов в рамках социокультурной системы(синергизм). Согласованность актуальна и в рамках информационных контактов различных социокультурных систем. На социально-политическом языке речь идет о государственной идеологии, в рамках которой утверждается ценность консолидированного сообщества, принимающего информацию извне. Для Беларуси в условиях постсоветской модернизации(обновления) этот аспект стал приоритетным в силу формирующегося национального самосознания.

В социологии понятие модернизации используется для обозначения конкретно-исторического перехода социокультурных систем с традиционного на техногенный уровень развития. Этот переход происходил в границах XV-XIX столетий. Его результатом стала культура модерни. Ее отличает приверженность рационализму и воинствующему индивидуализму, научному знанию и стремлению человека к комфорту и благосостоянию путем производства материальных вещей, к непрерывным изменениям в окружающем мире посредством покорения природы, совершенствования материальных орудий этого покорения, завоевания нового пространства и освоения новых форм человеческих отношений(17 С.353).

В процессе модернизации социум трансформировался на всех уровнях его функционирования.

В экономике произошло: 1)расширение использования капитала и новых технологий; 2)широкое освоение природных ресурсов; 3)расширение вторичного(переработка, торговля) и третичного

(услуги) секторов хозяйства; 4) развитие рынков товаров, капиталов и труда.

В социальной сфере наблюдается 1) ослабление аскриптивных типов социальности и общих типов социальной принадлежности, 2) фрагментация религиозных связей, 3) расширение сферы целерациональных связей, основанных на профессиональных и рыночных критериях.

В политической сфере имеет место 1) подрыв традиционных форм легитимности династических режимов, 2) введение некоторых элементов демократии.

В культурной сфере происходит 1) дифференциация духовных систем и ценностных ориентаций, 2) секуляризация и плюрализация общественного сознания и образования, 3) распространение грамотности, 4) формирование национальной культуры и языка, 5) плюрализация идеологических течений, 6) развитие массмедиа.

В институциональном плане очевиден рост дифференциации институтов, осуществляющих функцию регуляции новых форм деятельности [6 С.381-383].

Возникновение культуры модернити в ее индустриальном облике не означает, что модернизация исчерпала свои исторические функции. Переход общества с ее помощью на техногенные основания обновления лишь означает, что инновационный образ жизни и деятельности стал нормой и будет определять всю последующую динамику социокультурных систем. Образующие их элементы вынуждены соответствовать этому новому качеству. Народонаселение оказалось перед лицом проблем связанных с мобильностью, адаптацией и устойчивостью общества.

Модернизационная динамика все более приобретает глобальный характер и формирует единое планетарное общество, в котором в силу закона дифференциации системы по мере ее усложнения имеют место конкуренция и конфликты. В связи с этим необходимо иметь в виду, что представление о едином мире означает лишь «наличие соотнесенности, универсальной системы координат, позволяющей описывать даже непримиримые и воинствующие идеологии или группы в этих общих рамках... Глобализация в данной перспективе – это, прежде всего, невозможность «не знать ничего другого», поскольку даже практическое применение самых жестких ограничивающих предписаний в едином мире требует их интерпре-

тации с точки зрения всепроникающих реалий этого мира: как должен истинно верующий относиться к клонированию людей? Может ли мусульманин приобретать долю в активах немусульманского банка? Следует ли члену жреческой касты ездить в метро?»[5 С.10-11].

Модернизация исторически протекала в универсалистской форме первобытных сообществ. Синхронность перемен обеспечивала этот универсализм. После неолитической революции универсальность потеряла непосредственную очевидность из-за усилившейся регионально-культурной идентичности. Вследствие этого восстановление глобального единства мира стала одной из ключевых задач. Наиболее активно ее восприняли западноевропейцы в силу открытости их культуры. Задача решалась путем миграции европейцев в другие регионы планеты, в форме колониализма, догоняющей модернизации как специально разработанной программы для стран Третьего мира, наконец, транснациональной экономической и культурной глобализации. В связи с этим в социологии оформился устойчивый интерес к проблеме глобального и локального, «потоков» и «мест». Понятие глокальности стало одним из ключевых и методологически важных. «По глокальному критерию разнятся страны, города, регионы, организации и отдельные индивиды. Анализируя их, конечно же, можно говорить о неравномерности их развития по отношению к друг к другу и неравномерности их статусов, но такое сравнение сегодня уже не образует символического капитала и вряд ли может использоваться солидаристически – в политическом ли смысле, или при формировании новых идеологий развития.

Идентичность места сегодня, скорее, детерминирована глокально, то есть структурирована пространственно, нежели predeterminedена логикой символического времени»[20С.67].

В качестве нового «мотора» современности специалисты выделяют глокальную(глобально-локальную) бинарность, в рамках которой любое глобальное ускорение, основанное на открытости локальных мест информационным и финансовым потокам «провоцирует на местах обратный процесс искусственного социального «конструирования» локально-культурной самобытности, порождающей новое, для конца столетия, явление – «коммунитарный фундаментализм»[20С.70].

Р.Робертсон в связи с этим утверждает о завершении эпохи простой модернизации, под которой понималась ситуация вестернизации мира, основанная на универсалистских законах символического времени (лидер задавал образец а остальные участники процесса его копировали). Более сложная – дивергентная модернизация – трактуется им как глобальное пространство непрерывно растущих партикулярностей [30Р.28-29].

Поскольку сохранение глобализационной и модернизационной динамики зависит от формирующейся территориальной партикулярности, то весь интерес социологии сконцентрирован на гетерогенных концепциях модернизации. В них фиксируется тенденция ускорения социального времени, его сжатия и фрагментации социального пространства. Внутри бинарного глобального мира формируются принципиально новые жизненные стратегии и культурные практики. Они реальны постольку, «поскольку общецивилизационный порядок и легитимность мировых потоков поддерживаются глобально. Если что-то нарушается на локальном уровне, то это, как правило, неизбежно приводит к последствиям глобального масштаба, не говоря уже об обратной зависимости локальных сообществ от любых глобальных изменений» [20 69.].

Глобализационные процессы неизбежно инициируют идентификационный поиск «мест». В результате глобализация вынуждена адаптироваться к местным условиям. Часто она это делает только с одной целью – монополизации производства на местном рынке. В результате она наталкивается на альтернативную модернизацию, проводимую местами на основе этатистской методологии. Беларусь стала одним из таких мест в Евразии. Страна не приняла либеральную простую модернизацию. В ней возобладали процессы выработки модернизационной идентичности, основанной на традициях советского этатизма. В результате бывшая советская республика стала страной, где ценится социальная стабильность, социальная поддержка государства, нормативное формирование культуры через механизмы государственных программ и декретов по наведению порядка и дисциплины. Транснациональная глобальная экономика так и не смогла проникнуть через механизмы собственности на внутренний белорусский рынок.

Таким образом, модернизационная тематика в социологии эволюционировала на уровень микроанализа локальных структур и из

идеологически простой стала многоуровневой и диалектически акцентированной.

В политологии модернизация рассматривается с точки зрения идеологических и геополитических следствий по отношению к той или иной цивилизации или национальной общности.

Поскольку западная социокультурная система обладает наиболее высокими темпами техногенного обновления, то она выступает в роли лидера модернизационных преобразований и претендует на статус эталонной системы.

Другие социокультурные системы эта ускоренность беспокоит по той причине, что им приходится решать проблему геополитического и экономического соответствия научно-техническому потенциалу Запада.

Ситуация для этих социокультурных систем усугубляется тем, что Запад является системой открытого типа. Поэтому в его планы входит стратегия вестернизации остального мира. Именно в русле этой задачи и было введено в научный оборот понятие догоняющей модернизации в 50-х годах XX века. Методики разрабатывались на основе либеральной идеологии США (К.Кларк, Г.Мюрдаль, Р.Пребиш, П.Розенштайн-Родан, Я.Гинберген и др.) и предназначались для применения в странах Третьего мира. Предполагалось вместе с частной собственностью внедрить в них ценности свободного мира, политической демократии.

Догоняющая модернизация в виде вестернизации вызвала значительную оппозицию в Латинской Америке, Азии, Восточной Европе. Однако протест вызвала не столько сама модернизация сколько вводимые в ее содержание либеральные ценности и идеология.

К концу XX столетия стало очевидным, что догоняющая модернизация в духе вестернизации потеряла своего инициатора в лице Запада вследствие того, что в информационную эпоху интересы США и Европы сосредоточились на собственной трансатлантической экономике.

Происшедшая перемена фиксируется в создании глобализованного социокультурного пространства. Кроме США, Канады, Японии, стран Евросоюза туда вошли Бразилия, Индия, ЮАР, Турция, Южная Корея, Китай, Аргентина, Мексика, Индонезия.

К соискателям предъявляются несырьевые требования, в первую очередь участие гарантируется 1) высокотехнологичными и инфор-

мационными продуктами, 2)товарами, занимающими преобладающий объем на рынке.

Глобальная экономика включает уже модернизовавшиеся постиндустриальные страны, которые из суммативных пространств превращаются в синтетические. Этот синтез обеспечивается международной финансовой системой , методологией транснациональной и трансграничной деятельности

Республика Беларусь активно реализует инновационную стратегию транснациональной деятельности крупнейших отечественных производителей в форме создания совместных предприятий, сборочных производств, сервисных центров на территории стран, являющихся традиционными и нетрадиционными потребителями белорусской техники.

Огромный потенциал инновационного развития Беларуси заложен в трансграничном сотрудничестве. Эти возможности проистекают из геополитического положения страны и Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей, подписанной в Мадриде в мае 1980 года. В законе Республики Беларусь об основных направлениях внутренней и внешней политики, принятом в 2005 году трансграничное сотрудничество отнесено к ключевым стратегиям инновационного развития страны. В рамках реализации этой стратегии Беларусь принимает участие в функционировании еврорегионов «Буг», «Беловежская пуца», «Неман», «Озерный край», «Днепр».

Важную роль в трансграничном сотрудничестве играют свободные экономические зоны. В Беларуси они только накапливают необходимый потенциал инвестиционной привлекательности. Но то, что это стратегия правильная свидетельствует опыт КНР, в частности провинция Гуандун. 40% импорта провинции приходится на Японию и Тайвань, а 70% экспорта – на США И страны Евросоюза[13]

Трансграничность является важнейшим условием инвестирования в логистику страны. Эта отрасль в большинстве европейских стран составляет 20-30 % ВВП. Беларусь, как и ФРГ, имеет значительные геополитические достоинства в области логистики в Европе. Инжиниринговые немецкие компании и иранская инженерно-строительная компания Kayson начали реализацию крупнейшего в

Восточной Европе проекта по строительству транспортно-логистического центра «Прилесье».

Важнейший потенциал инновационного развития скрыт в реализации интеллектуальных возможностей национальных регионов, поскольку локальная среда оказывает влияние на модернизацию экономической деятельности через местные институциональные структуры и центры науки каковыми являются университеты. В Беларуси проведена огромная работа по созданию обучающихся регионов, обеспечению промышленного и аграрного секторов научно-исследовательской и инжиниринговой базой. Сфера инновации в данном случае призвана обеспечить соединение интеллектуальной собственности с технологической деятельностью. Осознав важность этой стратегии даже некоторые крупные столичные вузы Беларуси пошли по пути локализации и принимают действенное участие в развитии центральных регионов Минщины, в частности, БНТУ. В рамках Европейского Союза реализуется целая серия проектов, призванных поддержать устойчивое развитие обучающихся регионов, в частности, проекты региональных стратегий инноваций. Сеть инновационных регионов в Европе включает 235 объединений из 31 страны.[23]

Потенциал интегрировавшихся постиндустриальных экономик многократно возрос и создал предпосылки для ускоренного собственного развития на основе наукоемких технологий.

Для тех участников мировой динамики, что стремятся догнать уровень постиндустриального обновления и Запад как определенный эталон в форме материального благополучия и демократии настали трудные времена, поскольку экономически такая погоня уже практически невозможна.

В результате догоняющая модернизация в вестернизированной версии превращается в рецидивирующую[10].

Именно в состоянии рецидивирующей модернизации находится постсоветская Россия, принявшая вестернизированный вариант модернизации, в основе которой лежит активное заимствование либеральных ценностей. В результате модернизация была подменена изменением социально-политического строя.

Поскольку вестернизированная модернизация в конце XX столетия уступила место глобализации, то естественно возник вопрос о судьбе модернизации как таковой.

Большинство специалистов полагает, что модернизация как непрерывный процесс обновления социокультурных систем не потеряла своей актуальности. Речь идет о том, что разнообразились ее специфика, задачи и трактовки. []

Для региона глобализирующейся экономики наступил период новой модернизационной волны. Как пишет У.Бек, подобно тому «как в XIX веке модернизация привела к распаду закостеневшее в сословных устоях аграрное общество, так и теперь она размывает контуры индустриального общества, а последовательное развитие модерна порождает новые общественные конфигурации»[1, С.10].

Если еще в XIX веке модернизация трактовалась как переход от одного качественного состояния социокультурной системы к другому (традиционного к техногенному), то в XX-XXI веках речь идет о модернизации как трансформации техногенной социокультурной реальности в собственных границах ее бытия. Речь идет о том, что в пределах этой реальности теряет свое значение научно-техническое понимание классического индустриального общества, связанного с ним образа жизни, форм труда, профессии, семьи.

Под новую специфику модернизации формируются территориально-региональные комплексы, в которых на первое место ставятся приоритеты интеграции и синтеза.

На стадии постиндустриальной модернизации в мировоззрении населения начинают доминировать ценности общерегиональной и межрегиональной коммуникации. В результате возникла экономоцентрическая цивилизация. Она сконцентрировала огромные ресурсы Северной Америки, Евросоюза, тихоокеанского региона. В ее пространстве сосредоточено 72% инвестиций от мировых (данные 2000 года). 50% пользователей Интернета живут в Канаде и США. Это при том, что население этого региона составляет 5% от мирового. При ВВП мира (1993 год) равном 23 триллиона долларов, 18 – были созданы этой цивилизацией.

Перейдя из суммативного в синтетическое состояние экономоцентрическая цивилизация приобрела ускоренные темпы развития, которые влияют на общие показатели мировой экономики. Так, в XX веке ВВП мира вырос с 2,3 триллиона долларов США (по курсу 1997 г.) до почти 40 триллионов долларов. Увеличение составило цифру в 17,3 раза.

Секрет подобного успеха и живучести трансанглоязычной цивилизации достаточно подробно изучал М.Вебер. Он обнаружил важнейшую составляющую модернизации в форме протестантской этики труда и прагматичного и целенаправленного мышления, сумевшего трансформировать христианство в важнейший инструмент мотивации инновационной деятельности, нормативного регулирования мировоззрения в условиях многочисленных соблазнов, проистекавших из материального изобилия и гражданских и политических свобод.

Предсказания заката Европы(О.Шпенглер), гибели капитализма(К.Маркс, Ф.Энгельс, В.И.Ленин), техницистской цивилизации(Н.Бердяев) оказались несостоятельными.

Трансанглоязычная цивилизация смогла сохранить устойчивость даже в условиях двух мировых войн, великой депрессии 20-30-х годов. Более того, ее организационно-управленческий потенциал настолько значителен, что ускоренное развитие не приносится в жертву устойчивости социокультурной системы как таковой.

Устойчивость в данном случае трактуется не как цель, а как важнейшее условие, обеспечивающее успех инновационной деятельности(стабильное законодательство, политическая ситуация, финансовый рынок и т.д.).

Ускоренная внутренняя модернизация глобализовавшейся трансевропейской цивилизации ставит перед остальными субъектами мирового процесса вопрос об их соответствии происходящим переменам, настроенности на модернизацию как таковую. Особенно важным для альтернативных цивилизаций является то, что модернизация – «это учение не о том, как кого-то догнать и победить, а о том, как собраться с силами, организовать и вырваться из трясины застоя, отсталости, архаичности, примитивности, лени, пьянства, нищеты, провинциальной убогости и патриархальщины»[14, С.63].

В связи с такой постановкой вопроса возникает несколько аспектов. Модернизация вне глобализовавшегося трансевропейского мира может рассматриваться как временный инструмент достижения постиндустриальных стандартов для последующего приема данной страны в Глобальный экономический клуб. Этот вариант достаточно успешно отработан в Германии, Японии, Китае, Тай-

ване, Южной Корее, Сингапуре, других странах Юго-Восточной Азии.

Подобная модернизация связывается с методологией этатизма, в рамках которой государство рассматривается как важнейший фактор ускоренной модернизации – организатор этого процесса[27].

Благодаря организационному контролю государства экономическая система послевоенной Германии приобрела устойчивую модернизационную основу. Л.Эрхард обосновал ключевые направления деятельности государства в экономике, связанные с 1)ростом производительности труда и объема продукции, 2)увеличением номинальной заработной платы, 3)снижением цен.

В Японии была успешно реализована теория «гусиного клина», исходящая из того, что по мере развития технологического прогресса и его распространения за пределы развитых стран, менее развитые приобретут способность обеспечить столь же высокую эффективность производства. Для реализации подобного замысла было необходимо государство, ориентированное на цели развития(developmental state).

Главными характеристиками такого государства являются:

- сосредоточение в государственном аппарате значительной экономической власти;
- относительная автономность государственного аппарата от групповых интересов, дающая возможность контроля над гражданскими процессами;
- лидирующая роль государства в механизмах взаимодействия институциональных и предпринимательских структур.

Государство обеспечивает ускоренное развитие экономики через 1)систему прогнозирования(государственные программы развития страны), 2)определение приоритетов развития, что отражается в специальных государственных программах, 3)таможенную политику, 4)установление дифференцированных процентных ставок, 5)предоставление монопольных возможностей отдельным группам производителей, 6)стимулирование импорта технологий и экспорта готовой продукции, 7)осуществление протекционистских мер, направленных на защиту внутреннего рынка, 8)привлечение иностранных капиталов, 9)развитие фондового рынка, 10)подгоовку кадров в системе государственного образования, 11)культурный

обмен, инициируемый институциональными структурами[16 С.57-58].

Вспомогательная роль этатизма в достижении стандартов Глобального экономического клуба не всех участников мирового процесса устраивает, поскольку речь идет о заранее спланированной догоняющей модернизации, имеющей конечную цель в безальтернативном социокультурном пространстве.

Для многих цивилизационных и национально-государственных структур такая модернизация означает потерю идентичности. Но поскольку собственная инновационная база этих структур недостаточна для генерирования и реализации всего комплекса идей, то одной из важнейших проблем является поиск оптимального соотношения между заимствованиями и собственной инновационной деятельностью. В подобных условиях модернизация выступает как достаточно противоречивый и многоплановый процесс, в ходе которого происходит мобилизация внутренних эволюционных сил, направленных на обеспечение экономического роста, благосостояния населения[15 С.11].

Не менее важным фактором является соотносимость темпов ускоренного развития, характерных для внешней и внутренней систем. На пересечении этих тенденций возникают противоречия между 1) необходимостью достаточно быстрого обновления социокультурной системы и консервативным стремлением общественного сознания к сохранению в неизменном виде существующих структур, 2) чисто технократическим представлением о резервах ускорения и социально-культурной озабоченностью за адаптационный резерв населения, 3) пониманием неизбежности заимствований и установкой на сохранение самобытности культуры.

Альтернативная модернизация сталкивается не только с противоречиями, вытекающими из факта ее вынужденного контакта с технологиями, опытом и культурой Глобального клуба, но и с противоречиями внутреннего порядка. Одним из ключевых противоречий подобного рода является несоответствие установок этноцентризма и цивилизационного единства[5 С.447].

Для евразийской социокультурной системы подобное противоречие является одним из актуальнейших, поскольку сепаратизм стал одним из факторов, дестабилизирующим положение в этом территориально-экономическом сообществе.

Таким образом, в политологии сформировалась практика анализа проблемы модернизации через идеологические процессы конкуренции социокультурных и национально-государственных образований.

Экономический анализ модернизации включает несколько уровней. В его основе лежит методология системного подхода, моделирования.

На макроэкономическом уровне рассматриваются аспекты мирового хозяйства как целостной системы с учетом региональных и национально-государственных подсистем. В первую очередь речь идет о материально-производственной деятельности находящейся в условиях общественного разделения труда, мотивирующей механизмами потребностей и рекламы, социально-политическими факторами безопасности.

Экономическая деятельность в условиях общественного разделения труда мотивируется акцентами получения прибыли (либеральный подход), обеспечения повышения уровня жизни населения (социальный подход), военно-политического превосходства, мирового лидерства (этатистский подход).

Динамика экономической деятельности включена в системные территориальные комплексы, различающиеся

1) уровнем научно-технической обеспеченности, производственно-технологической и маркетинговой культуры, потребительским разнообразием,

2) базовыми идеологическими моделями хозяйствования.

Специфика территориальных экономических комплексов определяет стратегии их внутреннего развития с акцентом на исторически обозначившиеся либеральную и этатистскую модели хозяйствования. Запад традиционно ориентирован на либерально-этатистские модели деятельности, в рамках которых предпочтение отдается частной собственности, развитой гражданской банковской системе, акционированию, глобализации как одному из способов снижения издержек производства и создания необходимого для товарного производства рынка. В этих моделях государству отводится второстепенная роль как гаранта гражданской транснациональной деятельности. Национально-территориальные образования трактуются как один из этапов перехода к региональной экономике с еди-

ной финансовой системой, внутренним рынком товаров и рабочей силы.

Гражданское общество выступает как основной субъект экономической деятельности. Достижение материального благополучия обеспечивается через механизмы приобретения собственности, производства, эффективной торговли и сервиса. Государство спонсируется через систему налогообложения в рамках исторически определенной территориально-экономической идентичности. На определенном этапе гражданское общество в своей экономической деятельности выходит за границы стартовой территории и переходит на ценности транснационального хозяйствования.

Мобильность является важнейшим качеством либерально-экономических моделей экономической деятельности. Благодаря этому модернизация научно-технической базы тесно увязывается с гибкими технологиями, мобильностью рабочей силы и работодателей, социальных служб.

Важным является то, что рыночные принципы рентабельности, прибыльности, эффективности уравнивают системные показатели экономической деятельности гражданского общества и позволяют аккумулировать труд в виде денежного банковского капитала. Этот капитал стал важным основанием модернизационных преобразований по всему спектру нововведений. Он позволяет обновлять материально-техническую базу производства, совершенствовать организационно-управленческие структуры, решать социальные вопросы, осуществлять масштабные проекты по технизации и автоматизации производства, переводу отраслей в более эффективные территориальные условия. К денежному фактору в данном случае добавляется и фактор глобализации мировой экономики.

Модернизирующаяся либерально-экономическая экономика решила ключевую проблему, связанную с наличием модернизационного капитала. Но она сталкивается со значительными проблемами занятости рабочей силы и ее перепрофилирования. В чисто либеральном варианте одной из ключевых проблем является бросающееся в глаза социальное расслоение. На одном полюсе небольшая группа миллиардеров и миллионеров (не более 5% от всего населения) а на другом люди живущие ниже черты бедности(их абсолютное большинство). В связи с этим государственное регулирование используется

для создания среднего класса, в который бы смогли перейти беднейшие слои. Но для этого необходимы специальные программы.

Этатистские модели хозяйствования и экономической деятельности сформировались исторически в силу специфики некоторых регионов планеты. В Египте, Южной Америке, Междуречье, Китае, России была необходима государственная концентрация рабочей силы и ресурсов для осуществления крупных проектов в области мелиорации, строительства, защиты экономических границ. Концентрация ресурсов и людских сил лишало свободное общество и инициативы гражданское общество. Государство мерами принуждения и обязательств настаивало на определенных видах деятельности. Однако набор его мотивационных средств был ограничен. Даже малая доля инициативы сводилась к минимуму государственным бюрократизмом и коррупцией.

К XIX веку регионы с этатистским типом хозяйствования оказались неконкурентоспособными по отношению к либеральному миру. Большинство их перешло в разряд колониально зависимых экономик. Исключением лишь стала модель советского экономического этатизма. Она позволила осуществить массовую индустриализацию евразийского региона, отстоять СССР независимость в годы второй мировой войны и реализовать восстановительные послевоенные мероприятия. Однако в спокойных мирных условиях хозяйствования она стала уступать по эффективности и уровню жизни либеральной. А главное у нее не оказалось устойчивого механизма финансирования инновационных технологий. Техногенная экономика была создана но она не стала модернизирующейся.

В одних странах от этатистских моделей экономической деятельности полностью отказались (Россия и др.), в других пошли по пути синтеза этатистских и либеральных методик (Китай, Беларусь). При этом государство доминирует в решении экономических вопросов, особенно на стратегическом уровне, и в тоже время допускает рыночное регулирование и даже определенную предпринимательскую нишу.

Однако в рамках этой компромиссной модели сохраняется проблема поиска и аккумуляции финансовых средств для осуществления технико-технологической модернизации инфраструктуры в виде промышленных и аграрных предприятий.

Большинство этатистско-либеральных экономик трактуется как переходные. В их рамках решаются задачи адаптации территориально-экономического комплекса к условиям рыночной деятельности, принципам и правилам глобальной экономики.

В рассматриваемом контексте модернизация превращается в сложный процесс связанный с этапами реструктуризации(предварительный), привлечения инвестора и собственно создания модернизирующейся экономики.

Макроэкономическая реструктуризация предполагает достижение целей связанных с:

1) адаптацией предприятий к рыночным условия хозяйствования,

2) созданием необходимой сопутствующей инфраструктуры(финансовой, кадровой),

3) определением приоритетов хозяйствования с точки зрения потребностей и возможностей внутреннего и внешнего рынка,

4) обеспечением привлекательности предприятий для потенциальных инвесторов,

5) сохранением промышленной и аграрной инфраструктуры как национального достояния и как важнейшей предпосылки решения проблем местной занятости и местных социальных программ за счет градообразующих предприятий. Государство с этой целью концентрирует банковские ресурсы в своих руках и в соответствии с определившимися приоритетами модернизирует предприятия. Эта акция становится одним из решающих условий для обеспечения устойчивости социокультурной системы.

Привлечение инвестора предполагает решение задач правового порядка. Речь идет о создании имиджа благополучной страны, в которой имеют место порядок и дисциплина, постоянство нормативной базы, гарантии частной собственности и капиталовложений.

Модернизирующаяся экономика является конечным итогом переходн

ого этапа деятельности. Она самодостаточна, устойчива и может на равных участвовать в международном разделении труда. Наукоемкие технологии и производимые высококачественные товары широкого потребительского ассортимента позволяют ей стать членом Глобального клуба.

Известный российский макроэкономист В.Л.Иноземцев полагает, что догоняющая модернизация как экономическое понятие не имеет под собой никаких оснований, поскольку ускоренное развитие может осуществляться лишь на естественной основе. Заимствования же носят фрагментарный характер и не отражают готовности социокультурной системы к предполагаемым переменам. К тому же существует качественное различие экономических уровней развития социокультурных систем. Так производство информации «радикально отличается от производства любых иных материальных благ: во-первых, оно требует высокого, а не низкого, как в индустриальном обществе, уровня образования работников; во-вторых, в процессе производства происходит совершенствование рабочей силы, а не ее истощение; в-третьих, потребление научно- и информационноёмкой продукции становится фактором, способствующим, а не препятствующим накоплению капитала, и, наконец, в-четвертых, информационный продукт может быть реализован многократно, принося владельцу доходы и прибыли, но оставаясь при этом его собственностью. Именно с этого момента, как западные экономики оформились в своем новом качестве экономик основанных на знаниях, любые попытки «догоняющего» развития, основанные на мобилизации традиционных факторов производства, оказались обречены...»[7 С.23].

На уровне микроэкономики модернизация связывается с конкретным субъектом, выступающим под определенной торговой маркой. Это может быть предприятие, фирма, концерн, компания.

Предприятие является лишь одним из звеньев в цепи производства и движения товарных потоков. Его нельзя рассматривать вне национально-территориальной специфики экономики и мировых тенденций, связанных с концентрацией производства в рамках транснациональных корпораций.

С точки зрения корпорации предприятие является лишь одной из единиц, проблемы которой могут быть решены за счет общего баланса компании. Если же предприятие выступает на рынке как самостоятельное то возможности его в области накопления оборотных средств сужаются и тогда на помощь приходят механизмы вхождения его в корпорацию или его проблемами занимается государство как это характерно для этатистской модели хозяйствования в Беларуси.

Реструктуризация предприятия является наиболее распространенным видом микроэкономической деятельности в странах переходного типа.

С точки зрения всех уровней экономической деятельности модернизация трактуется как механизм перехода к эффективным способам хозяйствования, предполагающий процедуры реструктуризации, санации, акционирования, укрупнения, разукрупнения, логистики. Рыночные принципы лишь фиксируют методологию преобразований. Этатистский фактор используется в функции контроля, обеспечения условий реструктуризации, сохранения производственной инфраструктуры. Конечной целью преобразований является модернизирующаяся национально-территориальная экономика или предприятие, корпорация. С точки зрения достигнутого качества государство может рассчитывать на стабильного налогоплательщика, самостоятельного субъекта хозяйственной деятельности и международного разделения труда. Этот субъект может содержать социальную базу и облегчать решение многих вопросов, связанных с экономией расходных статей бюджета.

Таким образом:

- мировоззренческо-идеологические интерпретации модернизации имеют не только культурно-историческое, но и предметное основание, связанное со спецификой социологии, политологии, экономической теории;

- предметные интерпретации модернизации значительно разнятся и требуют соотнесенности с социальным развитием в свете таких категорий как «переход», «экспансия», «глобализация», «неравномерность»;

- идеологическая компонента модернизации в условиях нового тысячелетия достаточно жестко детерминирована обострившимся столкновением региональных культурно-исторических сообществ, активно формирующим за счет друг друга пространства своего влияния и экономической деятельности. Вследствие этого границы этих пространств еще окончательно не сформировались;

- европоцентризм в модифицированной форме является одной из активнейших идеологий, формирующих модернизационные процессы.

Человеческая деятельность за два миллиона лет стала многофункциональной системой, в основе которой лежат научно-

технический прогресс и общественное разделение труда. С деятельностью связаны задачи 1)удовлетворения потребностей человека в материальных и духовных ценностях, 2)занятости, 3)получения эффективной отдачи от затраченного труда и времени, 4)обеспечения стратегических интересов государства. Названные задачи указывают на инструментальный характер деятельности. Входящие в нее элементы также обладают подобным статусом (рабочая сила, технические средства, природные ресурсы, информация).

Кроме инструментального смысла, как наиболее очевидного, деятельность включает ценностный аспект, в рамках которого приобретают значение понятия опредмечивания и распредмечивания, творческого начала деятельности, ее преемственности.

Реальная деятельность людей является предметом изучения многих наук. В философии она представлена в виде категории, используемой для отражения активности человека связанной с преобразованием, освоением и созиданием мира и самого себя.

Деятельность людей рациональна и детерминирована социальными программами, синтезирующими назревшие потребности, интересы общества.

С задачами освоения внешнего мира и самого человека непосредственно связана познавательная деятельность, в рамках которой нарабатывается и обрабатывается необходимая информация, создаются теория и модели и таким образом оптимизируется уже существующая система жизнедеятельности людей, предлагаются новации, изучается опыт деятельности прошлых поколений.

Преобразование является прерогативой материально-производственной деятельности. В его рамках материалу природы придается определенная культурная форма и потребительские функции.

Преобразование имеет применение не только на уровне природного материала, но и уже созданных образцов культуры и социальной организации. В этом плане говорят об особом типе социальных преобразований, касающемся переустройства общества.

С задачами созидания связана творческая деятельность, в рамках которой актуализируются новые формы культуры, обеспечения деятельности.

Совершенствование потребительской культуры человечества, запросов государства актуализировало задачи модернизации (осовременивания) деятельности с учетом достижений научно-технического прогресса. Субъективные факторы модернизации дополняются законами морального и физического старения инфраструктуры деятельности. Особенно актуально это сочетание детерминант для постиндустриальных обществ, создавших мощную техническую инфраструктуру деятельности. На ее обновление необходимы значительные финансовые ресурсы. При этом возникают более глубокие вопросы о целесообразности содержания всех элементов этой системы в свете важнейших экономических критериев эффективности, оптимальности и экологичности.

Кроме чисто технических и экономических проблем модернизация связывается и с определенными мировоззренческими вопросами. В русле этого контекста обсуждаются аспекты модернизации в русле следования западной модели научно-технического прогресса с характерными для нее ориентациями общественного сознания на ценности демократии, прав человека, частной собственности, англоязычной шоу-индустрии. Для многих стран подобная модернизация неприемлема. В данном русле обсуждаются различные альтернативные варианты модернизации (славянофильский, исламский, китайский, чучхе и др.).

Несмотря на разнообразие публикаций по проблемам модернизации деятельности до сих пор не был реализован комплексный (системный) подход к изучению этого феномена. Кроме объективно назревшей стороны задачи автор учитывал необходимость развёртывания собственных исследований по данной тематике, на первом этапе работы зафиксированных в монографии «Модернизация деятельности: философско-аксиологический аспект»- Мн.: Право и экономика, 1997.[9]

Существует несколько подходов к концептуальной реконструкции деятельности. В их числе наиболее известны и функциональны антропологический, социокультурный, кибернетический, психологический, методологический.

Антропологический подход в качестве исходного определения деятельности принимает тезис о наличии у людей важнейших атрибутов, связанных с сознанием, деятельностью, творчеством, общением, поведением.

Сознание определяется как важнейшее свойство человеческого мозга отражать и обрабатывать информацию, вырабатывать ценностно-нормативные регулятивы активности как раз и проявляющейся в формах деятельности, творчества, общения и поведения. Сознание причастно к целеполаганию и опережающему отражению, оценке результатов активности мозга.

Рациональная составляющая сознания является важнейшим условием осуществления деятельности. Именно посредством сознания у человека формируется необходимая мотивационная основа деятельности представленная потребностями, ценностями, интересами, целями. В рассматриваемом контексте деятельность может быть определена как социальная активность людей, связанная с целенаправленным преобразованием внешней природы, созиданием социокультурной реальности как адаптированной к особенностям людей среды с необходимой для их жизнедеятельности инфраструктурой и системой коммуникаций.

Деятельность подразделяется на 1)материально-практическую (удовлетворение первичных потребностей людей в пище, еде, одежде, жилье, орудиях труда через изменение внешней природы), 2)научно-познавательную (ориентирована на изучение закономерностей функционирования и развития природных и социокультурных систем для последующего использования полученных знаний в материально-практической и социально-политической сферах деятельности людей), 3)инновационно-техническую (инженерную, ориентированную на использование потенциала творчества для создания необходимой инструментальной базы деятельности), 4)общественно-политическую(различные формы воздействия на общественные отношения, организацию общественной жизни), 5)духовную, связанную с конституированием мировоззренческих представлений населения в форму религиозных институтов.

Приоритетная роль в системе человеческой деятельности и социокультурном жизни людей принадлежит материально-практической сфере, ядро которой образуют производительные силы общества, структурированные в виде определенного целого, включающего субъект, средства, предмет.

Творчество – активность человека связанная с созданием чего-нового, ранее не существовавшего или рационализаторским усовершенствованием существующего(инфраструктуры, коммуника-

ций, знаний, технологий). В зависимости от сфер реализации творчество делится на техническое, научное, организационно-управленческое, художественное, духовное.

Творчество присутствует в деятельности в виде инновационной составляющей. По этому признаку деятельность делится на репродуктивную и творческую. Модернизация как процесс наиболее близка к творческой компоненте в деятельности, поскольку обновление и совершенствование возможны только на основе инновационного мышления.

Общение – это активность человека связанная с его социальной(групповой) природой. Она выступает как цель и средство решения многих проблем, в том числе деятельности.

В общении реализуется чувственная, логическая, информационная составляющие. В деятельности присутствуют аспекты инструментальных отношений между людьми связанные с организационно-управленческими вопросами, обменом информацией, производством артефактов и знаний. Неизбежно возникает вопрос о соответствии содержания общения и отношений между людьми логике деятельностного процесса. Если такое соответствие нарушается то отношения корректируются в адекватном направлении.

Поведение – это активность человека выступающая как дополнительный аргумент коммуникации(общения). Она реализуется в форме поступка. Деятельность связана с поведением людей, поскольку в качестве поступка в ней выступает признание ответственности за принятое решение.

В социальном аспекте деятельность предстает как важнейшая характеристика народонаселения и выражается в форме социальных действий людей. Одни из этих действий характеризуют содержание материально-практической деятельности, другие – указывают на преобразование социокультурного пространства, входящих в него институтов. Эти действия подразделяются на рационально-продуманные и спонтанные(эмерджентные). Кибернетический аспект деятельности указывает на способность технических устройств к выполнению мыслительных операций, в рамках которых обрабатывается необходимая для формулирования цели информация, определяются эффективные пути достижения намеченной цели. Искусственный интеллект в данном случае трактуется как один из субъектов деятельности. Однако в большей сте-

пени приходится говорить о том, что техническую систему человек загружает определенным набором технологий деятельности и поручает ей выбор наиболее оптимальных из них в каждом конкретном случае если он соответствует существующему алгоритму.

Психологический аспект деятельности указывает на внутреннюю активность психики человека и связывает ее содержание с характером внешней деятельности субъекта. В связи с этим труд трактуется как важнейший фактор формирования личности и характерного для нее внутреннего мира и активности. Еще один акцент делается на игровую активность, поскольку она рассматривается как необходимая репетиционная предпосылка контрольной деятельности в рамках выполнения каких-либо конкретных задач. В самом общем виде деятельность делится в связи с этим на теоретическую и практическую связанную с определенными навыками.

Методологический анализ деятельности связан с изучением познавательного процесса в контексте инструментальных, текстуальных, операциональных действий субъекта инновационного цикла.

С точки зрения субъекта деятельность делится на глобальную(общечеловеческую), цивилизационно-региональную, обусловленную социокультурной спецификой, национальную(государственную), групповую и индивидуальную.

В аспекте характеристики средств деятельность делится на инструментальную, технизированную, технологическую, автоматизированную.

Динамика деятельности определяется характерными для нее внутренними противоречиями. Один из блоков этих противоречий связан с мотивационной сферой общественного сознания и темпами материально-производственной и социально-политической деятельности. Опережающий рост потребностей приводит к неудовлетворенности народонаселения от существующих темпов и качества практической деятельности. Научно-техническое разрешение этого противоречия в виде процессов автоматизации производства вызывает обострение взаимоотношений между теми кто нанимает рабочую силу и теми кто ее предлагает. Работодатель отдает предпочтение техническим устройствам и высококвалифицированным категориям работников.

Еще одно мотивационное противоречие связано с ценностями (со значимостью некоторых функций деятельности). В угоду преоб-

разовательной функции часто игнорируется адаптационная (приспособительная). В первую очередь речь идет о том, что деятельность абстрагируется от внешних партнеров по общему процессу, в частности, природы. Но эта отстраненность носит чисто умозрительный характер, поскольку фактор взаимодействия деятельности с внешней природой остается в силе и противоречие неизбежно обостряется в форме экологической проблематики.

В основе созидательной функции деятельности лежит противоречие между опредмечиванием идей и их распредмечиванием. Это противоречие между традициями и инновациями сознания.

Еще одно противоречие связано с тем, что посредством деятельности человек актуализирует те формы бытия, которые сами по себе не способны к проявлению. Актуализировавшись с помощью человека эти формы в виде технизированной среды начинают негативно влиять на природу и самого человека. Для минимизации последствий этого противоречия необходима модернизация как основной механизм предполагающий обновление социокультурной реальности через корректирование творческой деятельности.

Деятельность человечества имеет четко выраженную социальную направленность и детерминируется множеством культурных факторов, выступающих в виде ценностей, потребностей, интересов, идеалов, норм.

Исторически конституировавшись базовые ценности культуры сформировали матричное поле деятельности, в границах которого выявляются конкретные стратегии достижения целей человечества. В совокупности все эти установки и мотивационные компоненты образуют методологическую основу для функционирования и смены социокультурных программ деятельности человечества.

Термин «программа» многофункционален и употребляется в различных смыслах, начиная от программы концерта, политической партии, алгоритма, государства до международных документов касающихся стратегии развития человечества. Все эти программы могут быть обозначены как человекозаданные, поскольку в них максимально отражаются целевые и ценностные ориентации различных социальных групп народонаселения. Они разрабатываются с учетом потребностей, интересов, идеологических приоритетов, научной теории. Каждое из выделенных оснований является как источником объективности, так и субъективности программ. Даже научная тео-

рия может быть источником ошибок, поскольку «существует опасность неточного перевода знаний в нормативы метода, а следовательно, нарушения взаимосвязи предписаний программы». Свести к минимуму вероятность ошибки можно путем соблюдения правил преобразования одних выражений(предложений, формул, знаковых последовательностей) в другие; точности, ясности и однозначности терминологии. Но речь может идти только о минимизации ошибки, а не полном ее устранении, поскольку нормативы точности, ясности и однозначности складываются исторически[21С.32.].

Второй тип программ вытекает из естественно-исторического процесса формирования человечества как субъекта деятельности. В основе этих синтетических программ лежит логика естественно-исторического процесса. В ней доминирует нерелексивное начало, поскольку общественное сознание не может охватить все разнообразие и многообразие проявления действительности, а тем более охватить историю как многофункциональную целостность.

Неявно формируясь и функционируя эти социокультурные программы задают конкретно-исторический тип реальности и опосредованно детерминируют деятельность человечества. Специфика модернизационного процесса в широком его общечеловеческом масштабе заключается в том, что он состоит не только из периодов формирования и функционирования социокультурной программы деятельности, но и перепрограммирования(смены программ деятельности).

За всю историю человечества имманентно формировались, функционировали и сменяли друг друга адаптационно-орудийная(2миллиона лет назад – 15000 тысяч лет назад), созидательно-преобразовательная(15000 тысяч лет назад – 3-4 века нашей эры), духовно-аскетическая(3-4 века нашей эры – 14 век нашей эры), технократическая(14-15 века нашей эры – вторая половина 20 века нашей эры) программы деятельности.

Со второй половины 20 века начался процесс смены технократической программы деятельности техноаксиологической.

Адаптационно-орудийная программа деятельности выражала приспособительные установки формировавшихся из приматоподобных существ людей к окружающему миру. Эта ориентация достаточно хорошо просматривается в форме тотемизма, анимизма, магии, табу, мифологии, культовой практики.

Приспособительная активность сочеталась со стремлением освободиться от слишком большой зависимости от внешней природы. В этих целях была использована стратегия орудийной деятельности. Количественный и однообразный процесс к концу периода функционирования первой социокультурной программы деятельности человечества перешел в качественную фазу, ознаменовавшуюся функциональным разнообразием орудий труда (мустьерские технологии).

Созидательно-преобразовательная программа деятельности обусловила переход человечества к оседлому образу жизни, градостроительству, созданию аграрной и городской инфраструктур, ремесленной культуры. О созидательных возможностях человечества в этот период говорят мегалитические сооружения (Стоунхендж, истуканы острова Пасхи, пирамиды Египта и Америки, Акрополь, Коллизей и другие сооружения и архитектурные комплексы). Размах инженерной деятельности сопровождался становлением интеллектуальных школ, занимавшихся рефлексивным осмыслением и реконструкцией природы и культуры.

Преобразовательный фактор выразился в том, что огромные территории Земли приобрели форму окультуренного сельскохозяйственного пейзажа, а многие дикие растения и животные стали домашними.

Наиболее древние земледельческие культуры найдены археологами на территории Ближнего Востока. Город Иерихон стал символом градостроительной техники древности.

В Центральной и Южной Америке прославились ольмеки, майя, ацтеки, инки.

Ольмеки занимались земледелием и мегалитическим строительством. Они изготавливали гигантские скульптуры. Майя строили прекрасные дороги, соответствующие самым строгим требованиям дорожно-строительных технологий. Они возвели в джунглях города оригинальной архитектуры (Чичен-Ица, Паленке, Тулмин и др.). Особо выделяются огромные комплексы ступеньчатых пирамид.

Ацтеки построили в Центральной Америке город Теночтитлан, который выделялся как размерами, так и размерами и миллионным населением.

Инки возводили пирамиды, строили каналы, горные дороги с висячими мостами. Они освоили технологии сейсмостойкого строительства. Крепость Мачу-Пикчу является воплощением эффективности этих технологий. В земледелии были решены вопросы водоснабжения с помощью закрытых каналов и террасовых технологий.

Древняя Индия также выделяется своими градостроительными технологиями, связанными с духовными традициями брахманизма, буддизма, индуизма. Известность в мире получили пещерные храмы, ирригационные системы. Стела из нержавеющей стали свидетельствует о том, что местные мастера располагали знаниями из области химии, физики и математики.

Древний Китай известен Великой Стеной, большим количеством изобретений(пороха, шелкопрядения, книгопечатания, сейсмографа, компаса, туши, фарфора и др.). Арабы и европейцы многие из этих изобретений использовали в модернизационных целях.

Древний Египет прославился уникальной культурой сооружения гигантских пирамид и пещерных храмов. Высота пирамид превышала сто метров. Благодаря усилиям А.Македонского в этой стране возник крупный центр античной науки и инженерии. А построенный на побережье город Александрия был дополнен Фаросским маяком.

Междуречье выделилось городами шумеров, мелиоративной культурой, Вавилоном с висячими садами Семирамиды.

Античные греки заявили о себе градостроительной практикой, архитектурными стилями (дорийским, ионийским, коринфским). Возведенный Каликратом и Иктином Акрополь стал величайшим достижением человечества. Созидательные интенции греки распространили на спортивно-игровую, интеллектуальную сферы(Фалес, Пифагор, Демокрит, Сократ, Платон, Аристотель и другие мыслители). Архимед придал этим устремлениям практическую, а Птолемей мировоззренческую направленность(геоцентрическая система мироздания).

Римляне прославились аграрными, строительными, военными технологиями. Местные инженеры изобрели бетон, спроектировали и построили акведуки. Дорожное строительство приобрело трансевропейский характер.

Духовно-аскетическая социокультурная программа деятельности переориентировала усилия человечества на служение Богу. Созида-

тельно-конструктивная активность людей в этот период была направлена на формирование инфраструктуры богослужения. В остальных сферах деятельности наблюдалась стагнация и как следствие резкое обострение социальных вопросов, сопровождавшееся преследованиями за свободомыслие и атеизм.

Технократическая программа деятельности первоначально проявилась в мотивации западноевропейского народонаселения. Ее основными модификациями стали гуманистическая и социально-экономическая философия, протестантизм, новоевропейская наука, географические открытия, мануфактурное производство, товарно-денежные отношения, отдававшие преимущество тем, кто был способен к накоплению и промышленному использованию капитала. Этот интерес привел западноевропейцев к осознанию факторов рентабельности и прибыльности деятельности. В результате сформировалась финансово-промышленная элита, которая стала искать наиболее производительные источники самовозрастания капитала. В какой-то момент (промышленная революция) была осознана ограниченность только человеческого труда и в структуре средств деятельности начала расти доля и значение научно-технического фактора. В результате финансово-промышленная элита превратилась в технократическую. Ее власть стала опираться на высокоэффективное производство и военно-промышленный комплекс. Узкогрупповой классовый интерес усиливал социальное напряжение, которое сопровождалось конфликтами. Этот же эгоизм и высокомерие распространялись на внешнюю природу. Технократизм стал антиэкологичным мировоззрением. Но он создал невиданные ранее условия для развития науки и инженерии, которое получило продолжение в индустриализации Запада, России и Японии. Техно-технологическое модернизационное обновление и совершенствование социокультурной реальности привело к возникновению и сосуществованию техногенных цивилизаций. Их групповые интересы получили региональное и государственное идеологическое выражение, за которым последовали мировые конфликты в виде войн.

Технократизм распространялся несколькими волнами в общественном сознании. Сначала он приобрел доминирующее положение в трансатлантическом регионе. Затем он получил распространение в евразийском, дальневосточном, латиноамериканском, южно-

африканском, тихоокеанском регионах. Эти процессы стали обозначаться как догоняющая модернизация.

Третья волна распространения технократизма пришлась на ближневосточный регион и осуществляется в форме исламизации других регионов. Она породила религиозный терроризм и привела к столкновению разных поколений технократизма.

Технократическая программа деятельности мотивировала принцип экстенсивного освоения действительности, под воздействием которого проводилась политика силового захвата территорий и ресурсов. Этот же принцип поощрял развитие крайне неэффективных технологий переработки и потребления природных ресурсов. Еще один принцип неограниченного материального потребления (потребительства) формировал основы бездуховности. Социокультурная система на планете стала полярной и начала терять устойчивость. В таких условиях ускоренные темпы научно-технического прогресса стали источником угрозы для цивилизационных процессов.

Некоторые интеллектуалы пытались придать технократической программе деятельности более конструктивный смысл. Особо в этом ряду выделяются работы Т.Веблена. Логика рассуждений у него следующая:

- общество приобрело новую основу развития. Таковой является техника. Промышленная революция ознаменовала начало индустриальной стадии развития техногенной культуры;

- индустриальная система механизирована и питается техническими и технологическими нововведениями;

- логике техниктского развития противостоит логика групповых финансовых интересов, создающая препятствия на пути развертывания научно-технического прогресса;

- основным субъектом научно-технического прогресса являются инженеры, как специалисты непосредственно связанные с техникой. Их отличает альтруизм и отчуждение от потребительства;

- все рычаги управления экономикой и государством должны быть сконцентрированы в руках технических специалистов.

Т. Веблен предложил один из проектов трансформации технократизма. Однако эта заявка не была востребована участниками реального исторического процесса. Стало очевидным что социокультурная программа деятельности человечества имеет определенное

основание в практике и образе мышления людей. Поэтому теоретический проект не может быть равнозначен предметно-чувственной реальности.

Углубившиеся противоречия в социокультурном пространстве жизнедеятельности человечества выявили предпосылки формирования новой – техноаксиологической – социокультурной программы деятельности человечества.

Новая программа деятельности уже практически конституировалась в форме ядра, состоящего из принципов ценностной детерминации, коэволюции, научно-технического развития, социальной мобильности, социокультурного плюрализма, наукоемкости и ресурсосбережения, культурной субординации, прагматизма с человеческим лицом, герменевтики, коммуникации, феминистски-мужской солидарности перед лицом общечеловеческих угроз.

Ценностная детерминация отводит приоритетное значение в жизни общества чувственно-рациональным состояниям человека не отягощенным жадной наживы, богатства любым путем. Гуманизм и гуманизация, гуманитаризация деятельности становятся ключевыми понятиями. Аксиологические параметры общественного сознания определяются шкалой ценностей, механизмами оценки, навыков ценностного представления и ценностного восприятия действительности. Ценностные ориентации вводятся как важнейший параметр, характеризующий потенциал личности и ее профессиональную вменяемость.

Коэволюция указывает на необходимость координации деятельности человечества с учетом возможностей биосферы, параллельного и взаимодополняющего сосуществования социокультурной деятельности и природы. В этом сосуществовании ценностная детерминация играет ведущую роль. Отсюда вытекает необходимость переориентации технологий на принципиально новые основания планирования и проектирования деятельности. Нормативный экологический контроль призван ускорить достижение намеченных социокультурной ситуацией XX века условий деятельности. А такие организации как «Гринпис» всякий раз лишь напоминают о том, что процесс должен иметь необратимый характер, а экологическое воспитание и его продукт, представленный экологическим сознанием, должны получить статус априори.

Научно-техническое развитие в новой программе принимается как базовая ценность техногенной цивилизации. Из этого следует, что сама по себе наука и техника не могут быть объектом критики. Претензии следует выдвигать к тем технократическим ориентациям, что в конечном итоге способствовали их негативному образу. Пересмотр и критика этих ориентаций составляют основу смены социокультурных программ деятельности.

Наукоемкость и ресурсосбережение вытекают из требований самоорганизации системы, ее рентабельности и коэволюционной стратегии деятельности человечества. Пока человек ориентирован на ресурсы Земли и ее пространство, он просто вынужден быть рациональным и экономным. Из громадности технизированной инфраструктуры издержки на ее содержание начинают приобретать принципиальное значение. Из этого обстоятельства вытекает понятие прагматизма с человеческим лицом.

Человечеству ради экологии и эстетики нет необходимости отказываться от материальных благ. Реализация этой установки возможна только при посредстве нового типа наукоемких технологий и эстетического(дизайнерского) отношения к процессам деятельности, сервисной инфраструктуре.

Культурная субординация призвана решить проблему отношений между поколениями. Конфликты поколений слишком часто сопровождались драмами и потерями. Молодые и пожилые люди не понимали друг друга. При этом материальные аспекты никогда не оставались вне внимания общества, поэтому социальная работа становится важным способом гуманизации и упорядочивания отношений между различными группами населения как по возрасту, так и по трудоспособным функциям(инвалиды адаптируются к условиям жизни полноценных людей. С этой целью создается специальная инфраструктура и система образования).

Социокультурный плюрализм – это назревшая потребность общества в новой модели духовности. Технократические образцы ее основывались остром противостоянии религии и атеизма, настоящей войне, в ходе которой разрушались храмы, сопутствующая инфраструктура, произведения искусства. В духовном вакууме возникали организации под вывеской духовности еще более разрушавшие понятие моральности. Новая социокультурная программа

допускает духовные инновации, но если они только не разрушают принцип гуманности общества.

Герменевтика конкретизирует принцип ценностной детерминации в аспекте того, что многие базовые ценности выступают как традиции.

Техногенная культура является достаточно молодым образованием. Поэтому она активно ищет свои основания в традиционных европейских обществах и традициях Востока, в частности, в античном мире, иудейско-христианском мировоззрении. Герменевтика востребована фактом социокультурного кризиса как неизбежного спутника смены социокультурных программ деятельности. В этом процессе человечество интересуется прочностью механизмов преемственности и устойчивости базовых ценностей техногенной цивилизации.

Каждая цивилизация с неизбежностью оказывается перед проблемой преемственности и тогда она формирует ради собственного же сохранения мощную герменевтическую методологию. В результате прошлое, настоящее и будущее сливаются в бытие (М.Хайдеггер).

Коммуникативная сущность техногенной цивилизации придает герменевтике явно выраженный семиотический контекст, в рамках которого реконструкция и развенчание негативных языковых смыслов деструктивного характера приобретают вид приоритетной задачи (постмодернизм в лице Ж.Дерриды, М.Фуко и других философов и ученых как раз отражает эту интенцию общественного сознания).

Информационные технологии стали важным инструментом трансформации общественного сознания, поскольку превратили его из замкнутого и монологичного в интерактивное и открытое миру информации и знаний. Новая программа деятельности придает информационному плюрализму и мобильности ключевое значение, поскольку таким путем решаются многие политические и экономические проблемы. Население планеты приобретает активно деятельностные функции, начинает ценить открытый диалог, освобождается от многочисленных предрассудков и ограничений, разрывает со старыми идеологиями ярко выраженной антигуманной направленности. Одновременно возникает проблема адаптации человечества к атмосфере открытого диалога.

Принцип феминистской и мужской солидарности перед лицом общей угрозы указывает на то, что несмотря на допускаемые представителями обоего пола крайности (гомосексуализм, лесбиянство, наркомания, курение) люди способны не только сохранить базовые ценности деторождения, воспитания, семьи, но и объединиться, если это потребует, для более решительных действий в свете наметившихся тенденций научно-технического прогресса, связанных с генной инженерией.

Техноаксиологическая социокультурная программа деятельности формируется и в отдельных секторах жизнедеятельности человечества проявляет признаки влияния. Но технократические установки общественного сознания все еще сильны в связи с тем, что цивилизационный научно-технический процесс носит волнообразный характер. Гребни одних цивилизационных волн уже полны нового содержания, а другие только наполняются технократическим властным содержанием. Исламская технократическая модель перешла в разряд религиозной модернизации, основанной на нефтегазовом бизнесе. Аналогичная структура интенсивно формируется как противовес в евразийском регионе. В результате противостояние технократических финансово-промышленных элит принимает новые формы. В таких условиях встает вопрос об основных модернизационных приоритетах человечества.

Технические специалисты видят в модернизации неизбежный процесс обновления оборудования, связанный с его моральным и физическим старением. Чисто техническая закономерность дополняется экономическими факторами рентабельности и эффективности производства. Качественно новое оборудование при соответствующей технологической культуре является одним из важнейших условий обеспечения конкурентоспособности продукции.

Инженерно-техническое понимание деятельности предполагает нормативное оперирование такими понятиями как ремонт, модернизация, реконструкция. В основе двух последних практик лежит принцип применения новой техники и технологий. В данном контексте осуществляется изобретательская деятельность, которая сопровождается технико-технологическими революциями, а в последние столетия и научно-техническими революциями.

Ремонт ограничен задачами репродуктивной восстановительной деятельности, в рамках которой объекту возвращается первоначаль-

ный вид и восстанавливаются его прежние функции, например, ремонт деталей. В ряде случаев это позволяет сэкономить ресурсы, рабочее время и деньги организации или предприятия.

Модернизация предполагает использование достижений науки и техники в рамках обновления объекта. Но при этом полностью сохраняются его функции. Перепрофилирование исключается. Новое оборудование и технологии призваны повысить эффективность существующего производства и позволить ему решить задачи конкурентоспособности на рынке.

Реконструкция как механизм обновления объекта отличается большей глубиной воздействия на него, поскольку сохраняется лишь только его данность. Функции же в свете новых требований НТП и рынка изменяются для более эффективного использования внутреннего пространства.

После каждой из научно-технических революций происходила модернизационная адаптация инноваций к существующей системе деятельности, производственно-технологическим процессам, что в конечном итоге выражалось в качественно новом образе инженерной деятельности. Так, компьютерно-кибернетическая революция создала качественно новую ситуацию модернизации деятельности с точки зрения ее автоматизации и управленческой оптимизации.

Вторая стратегия инновационной деятельности связана с рационализаторством – с раскрытием дополнительных возможностей уже функционирующей техники. В данном случае модернизация рассматривается как усовершенствование определенного поколения технических устройств. Инженеры в их структуре обнаруживают дополнительные резервы и технологии восстановления производственных функций отдельных деталей и подсистем, например, с помощью напыления осуществляется функциональное восстановление узлов.

Изобретательские и рационализаторские аспекты инженерной деятельности образуют ее инновационное основание, которое реализуется в виде определенного процесса с характерными для него этапами.

Инженерная деятельность структурирована определенным процессом, в рамках которого происходит 1)наработка необходимых технических, технологических, организационно-управленческих, эргономических, экологических знаний; 2)осуществляется иннова-

ционно-поисковая активность (техническое и технологическое творчество); 2) проектирование и конструирование технических объектов, 3) осуществляются деловые отношения по поводу внедрения изобретений, 4) организуется серийное тиражирование инновационных образцов техники и изделий, 5) происходят деловые отношения между участниками производства и потребительской сферы по поводу реализации серийно произведенной продукции. б) осуществляется утилизация отработавших свой ресурс надежности и безопасности технических устройств.

Первый этап инженерной деятельности, связанный с техникознанием и техническим творчеством в большей степени созвучен проблемам этики научного исследования, в рамках которой вводятся понятия моральной ответственности ученого за результаты своих исследований, этического научной деятельности, гуманитаризации образования.

На первом этапе инженерной деятельности моральный аспект задается или социальным заказом, или мировоззрением изобретателя, инициирующего создание какой-либо технической системы, независимо от существующего на нее запроса со стороны общества. В классическом представлении инженерная деятельность была связана с изобретательством, конструированием и технологией производства. Поэтому изобретательство в основном основывалось на природных задатках отдельных людей и было связано с реализацией возможностей творческой интуиции. Как только таковая генерировала идею тут же наступал этап конструирования образца и происходила его демонстрация обществу. В современных условиях первый этап дополняется инженерными исследованиями, в рамках которых изучаются закономерности функционирования технических систем, разрабатываются научно-технические дисциплины, научно-техническая теория и методы.

Техническая теория связана с задачами конструирования технических систем. Она представлена функциональными, поточными, структурными схемами.

Функциональные схемы отражают общее представление о каком-либо классе технических систем. Это позволяет связать ее с конкретными физическими процессами, применить методы идеализации и формализации и отождествить с какой-либо типовой схемой математических расчетов, например, матричного типа. Строит-

ся алгоритм функционирования технической системы и определяется ее конфигурация.

Поточные схемы содержат описание естественных(физических, химических, биологических) процессов, обеспечивающих функционирование технической системы.

Структурные схемы выступают как модели технических объектов, задающие представление о конструктивном расположении элементов в рамках какой-либо системы с учетом функциональной их реализации и представляют образ, который может быть положен в основу инженерно-проектной деятельности. При этом для его формирования привлекается целый блок научно-технических дисциплин разного профиля и назначения, с тем, чтобы в нем были учтены эргономические, физические, химические и другие факторы. Вот как описывается первый этап инженерной деятельности В.Г.Гороховым: «Сначала формируется инженерная задача создания определенного инженерного объекта. Затем она представляется в виде идеальной конструктивной(т.е.структурной) схемы, которая преобразуется в схему естественного процесса, отражающую функционирование инженерного объекта. Для расчета и математического моделирования этого процесса строится функциональная схема, отражающая определенные математические соотношения. Инженерная задача переформулируется в научную проблему, а затем в математическую задачу, решаемую дедуктивным путем». Второй этап функционирования технической теории связан с конкретизацией полученных результатов на уровне идеальных объектов структурной схемы, непосредственно связанной с эмпирическими знаниями, практикой инженерного проектирования. Тем самым проектная стадия конкретизируется тем, что «идеальным объектам обязательно должен соответствовать класс гипотетических инженерных объектов, которые еще не созданы. Поэтому в технической теории важен не только анализ, но и синтез теоретических схем инженерных объектов»[4.С28].

Техническая теория выступает как важнейшая основа инженерной деятельности, но не достаточная. Одним из актуальных направлений первого этапа поиска и формулирования технической задачи является разработка эффективных поисковых(эвристических) методов

Логическая основа эвристических методов представлена различными формами индукции(аналогией, гипотезой, редукцией, сравнением , статистическими методами). Метод идеализации создает условия для использования потенциала мысленного эксперимента, в рамках которого инженер-исследователь оперирует с воображаемыми, виртуальными объектами. Некоторые инженерные задачи алгоритмируются и таким образом делают возможным метод решения изобретательских задач(ТРИЗ), который применяется на компьютерной основе.

Определенная иррациональность технического творчества, связанная с нечеткостью временных границ выхода продукта творчества актуализировала проблему интенсификации поисковых методик. При этом большая роль отводится фактору коллективного мышления. А там, где коллектив существует не только чисто логические и творческие аспекты, но и моральные. Наибольшую известность получили методики 1) сведения проблемы к уже известной проблеме; 2) мозгового штурма; 3) синектики; 4) морфологического анализа; 5) дельфи-метода; 6) двойного кольца Сократа.

В рамках первой методики выясняется не было ли уже решения подобной задачи. Если да, то она принимается за основу и это значительно ускоряет поиск ответа. Мозговая атака предполагает наличие двух групп специалистов – генераторов и экспертов. Естественно генераторы предлагают идеи, а эксперты оценивают их по определенным критериям. Синектика – это профессионально подготовленная мозговая атака. Это выражается в продуманности основных этапов поиска. Таковыми считаются: 1) фиксация проблемы; 2) анализ ее и реконструкция ее истории с учетом применявшихся методов ее решения; 3) констатация достигнутого и определение того, что еще нужно сделать; 4) выдвижение недостающих идей; 5) обсуждение их достоинств и недостатков; 6) общая оценка проделанной работы, в первую очередь положительного вклада каждого из участников в создание и поддержание творческой атмосферы.

Морфологический анализ предусматривает выдвижение идей и их анализ по заранее предложенной классификации. Дельфи-метод используется для статистического обобщения мнения независимых экспертов об основных тенденциях развития какого-либо инженерного направления. Двойное кольцо Сократа – это методика основанная на сочетании возможностей свободной от оценочного ком-

плекса группы генераторов идей(они могут говорить все, что им приходит в голову по поводу решения данной проблемы) и заком-плексованной оценочной методологией группы аналитиков, выис-кивающих продуктивную идею из числа предложенных и детально ее рассматривающих.

На первом этапе инженерной деятельности моральная ответ-ственность ученого определяется степенью понимания того, чем он занимается в широком социокультурном контексте. Характерный пример связан с творчеством Р.Оппенгеймера.

В период великой депрессии 20-30-х годов XX века ученый, как и многие из его коллег, не смог заниматься теоретическими разра-ботками из-за недостатка финансирования. Возможность занимать-ся работой близкой к научной, существовала только в военном ве-домстве США, заинтересованном в разработке современных видов оружия. Работа над сверхсильным оружием трактовалась как долг и объяснялась необходимостью борьбы с фашизмом. В результате многие ученые стали наемными работниками военно-промышленного комплекса. Среди них оказался и Р.Оппенгеймер. Однако после того, как на полигоне прошли испытания созданной им атомной бомбы, ученый стал менять свою позицию. В новом качестве она проявилась в ходе обсуждения вопроса о создании термоядерной бомбы. Главными инициаторами проекта были физик Э.Теллер и банкир Л.Страусс. Р.Оппенгеймер открыто не выступил против проекта. Он принимал в нем участие и одновременно про-должал думать, как ограничить применение новой бомбы. Его непо-следовательность стала объектом надзора и осуждения. Видного ученого в конечном итоге лишила права заниматься наукой. Пона-добилось время, чтобы социально-политическая ситуация измени-лась в пользу Р.Оппенгеймера, и он опять получил возможность полноценной работы. Многие ученые не считают нужным дохо-дить до таких осмысляющих рассуждений и тогда их открытия и изобретения используются для решения не только гуманитарных, но и насильственных задач той же геополитики. Этнос научной деятель-ности представляет исторически сформировавшуюся совокупность идеалов и норм исследования, связанную с понятиями точности, ясности, доказательности, обоснованности, непротиворечивости, имплицитности, демаркации. Особо осуждается плагиат, поскольку он нарушает авторские права, принижает значимость исследова-

тельского труда. В области изобретательской деятельности моральные проблемы могут быть исключены существующей практикой патентования. Правовая культура снимает многие аспекты, связанные с воровством чужих идей и изобретений. При этом она не устраняет переживаний, вытекающих из чувства вины, того, что характеризуется как совесть.

Наибольшее беспокойство у мировой общественности вызывает геополитический технократизм, связанный с созданием вооружений. Дело в том, что они все больше приобретают черты аморальности и жестокости. Химическое, биологическое, ядерное, нейтронное, высокоточное оружие дополняется ионизирующим, инфразвуковым, радиочастотным, генетическим, этническим, геофизическим, радиологическим, психотронным.

Неоднозначная роль конструктивистской методологии в социальной динамике привлекает к ней повышенное внимание специалистов и общественности. Если конструктивистская деятельность понимается как конструкторская, то к ней не может быть особых претензий, поскольку суть ее состоит в таком видоизменении уже известной инженерной идеи, чтобы получилась лишь новая конструкция, но не новое изобретение. Если же полномочия инженера в конструировании распространяются на право создания культуры, то тогда его превращают во властелина Вселенной и моральные проблемы становятся открытыми для пограничных ситуаций и даже серьезных мировоззренческих трансформаций. Абсолютизация и субстанциализация деятельности позволяет развивать представление о ней как самостоятельной и самосозидающей сфере реальности. А раз такая сфера существует, то для нее разрабатываются специальные методологии. Последние по предложению Г.В.Щедровицкого были выведены за границы философии и тем самым не подлежали ее мировоззренческому контролю. Онтологические же основы этого подхода были обоснованы в работах И.С.Алексеева. Безобидная на первый взгляд инициатива в новых техногенных условиях приобрела достаточно неоднозначный смысл. Эта неоднозначность беспокоила отечественных философов, в частности, В.С.Степина. Действительно системно-мыследеятельностная (конструктивистская) методология строится на организационно-деятельностной онтологии (дает изображение структуры профессиональной деятельности) и объектной онтоло-

гии(дает представление о технологиях формирования различных виртуальных объектов). Как таковые реальные объекты только подразумеваются. Они становятся реальными проходя стадию виртуального конструирования(мыследеятельности). Но в данном случае они не являются объективными, а скорее заданными по определенным методикам. А это и есть не что иное как субъективный идеализм, наконец то получивший технологии самореализации.

Классический субъективный идеализм был морален потому, что он никогда не распространялся на сферу практической деятельности. Он даже сам стеснялся своих крайних солипсистских форм, утверждавших существование только субъекта. Его неопасность была заключена в его созерцательности. В новых исторических условиях XX-XXI столетий он стал независим от религии(теологии) и традиционной морали и, как результат, амбициозен.

Проектирование и конструирование технического объекта неизбежно включает моральные аспекты человекаразмерности, безопасности и надежности, эргономичности, экологичности, гуманизма(например, если проект предполагает нормальные условия для труда инвалидов и т.д.).

Заканчивается первый этап или юридически оформленной инновацией, предлагаемой на рынок, или проектом, соответствующим потребностям социального заказчика. Как в том, так и в другом случае неизбежны деловые отношения. А они строятся на правилах этики, экономической и экологической целесообразности.

Второй этап инженерной деятельности связан с серийным тиражированием приобретенных или разработанных собственными специалистами инноваций(образцов). Инженеры в данном случае включены в целую систему вертикальных и горизонтальных отношений производственно-технологического и юридического характера. Этика в этих условиях сочетается с задачами целесообразности отношений между специалистами различных квалификаций и организационно-управленческого уровня деятельности. Она включена в обсуждение актуальных производственных задач и контроль над их выполнением. Благодаря ей профессиональные дискуссии не переходят границы приличия, а конфликты получают адекватную оценку самих участников. Психологическое напряжение может выводить специалистов за границы допустимых форм диалога. Но эта спонтанность может быть объяснена и через понимание протранс-

лирована в общественное сознание. Тем самым будут созданы условия для немедленного корректирования общественного мнения и послеконфликтного диалога.

Производственные отношения связаны с проблемой языкового слэнга, что в культурном аспекте означает наличие особого пространства деятельности. Этика не может прямо влиять в виде запретов на культивирование другого языка, поскольку в силу вступают факторы определенной традиции и так называемой трудовой целесообразности, связанной с краткостью и емкостью слэнгового языка. Но через систему образования, уровень квалификации это явление может быть постепенно устранено. В значительной степени на решение этой проблемы влияет включенность трудового коллектива в систему деловых отношений. Многое зависит также от того насколько в управленческом механизме принятия и исполнения решений культивируется теория человеческих отношений.

Особый блок производственных задач морального наполнения связан с модернизацией предприятий, поскольку в ходе их осовременивания меняется не только техническая база, но и решаются непростые вопросы сокращения низкоквалифицированного труда, переквалификации, смены места работы. А если модернизация дополняется вопросами смены форм собственности, то отношения между производителями и акционерами и государством могут приобретать форму конфликта. Поэтому, для того, чтобы избежать подобного рода развития событий необходима высокая точность информации, корректность, тактичность, отсутствие двусмысленности, непоследовательности.

Произведенная на предприятиях продукция требует реализации через систему товарно-денежных отношений. А это уже прямое указание на то, что производственный процесс был или заранее предопределен социальным заказом, или осуществлялся с расчетом на последующий поиск потребителя. Если социального заказа не было, то производителю предстоит активно включиться в деловые отношения с тем, чтобы не нарушать ритм деятельности предприятия, или организации. В любом случае это уже будет активность с определенным эффектом запаздывания, поскольку пик деловых отношений должен быть связан с опережающей рекламой и зондированием рынка(маркетинговая деятельность).

Третий этап инженерной деятельности связан с сервисным обслуживанием реализованной технизированной инфраструктуры и коммуникаций. В этой деятельности важную роль играет аксиологическая основа в виде определенного понятийно-смыслового дискурса, представленного категориями отражающими ценностную проблематику.

Ценность – это категория культуры, отражающая значимость человека, окружающей его культуры и природы. Значимость предметов культуры вытекает из факта материализованного в них труда, оригинальной творческой идеи. Значимость природы проистекает из духовных и утилитарных представлений и потребностей людей. Например, лес для белорусов значим не только как место сбора грибов и ягод, но и как часть их внутреннего мира. Значимость индивида определяется как его личными качествами, включая профессиональные, так и культурой коммуникации и поведения. В рамках философии все эти проблемы постепенно доводились до системного их представления. Пользуясь ценностной проблематикой философия, да и инженерное сообщество, долгое время (вплоть до конца XIX столетия) не вырабатывали четкого ее определения. Это было связано с тем, что в общественном сознании существовало устойчивое мнение о большей важности других вопросов.

В конце XIX века положение изменилось в связи с тем, что выяснилась амбивалентная сущность техники. Те, кто ратовал за научно-технический прогресс столкнулись с оппозицией, утверждавшей, что техника ведет человечество к гибели. Нужно было выработать четкие критерии ценностной проблематики, изучить механизм образования и функционирования ценностей. Первыми ценностную проблематику обозначили представители баденской школы неокантианства (В. Виндельбанд, Г. Риккерт и др.). Особые заслуги связываются с деятельностью Р. Г. Лотце, акцентировавшего в своих работах внимание читателя на понятии «значимости». Тем самым было отмечено различие значимости и полезности.

Интерес у философов вызвал и механизм переоценки ценностей. Речь шла о том, что в культуре есть какой-то устойчивый неизменный набор ценностей, который имеет определенное содержание. В какой-то исторический момент содержание перестает удовлетворять общество и тогда старые ценности наполняются новым содержанием. Весь вопрос заключается только в том, какие должны

быть технологии переоценки ценностей. Марксизм видел их в форме социальной революции. Он был ориентирован на значимость будущей жизни. Другие философские направления выявили тесную связь ценностной проблематики с историческим временем(прошлой деятельностью людей на планете).

Прикладные философские разделы сконцентрировались на исследовании особенностей функционирования моральных, эстетических, правовых, экономических ценностей и приоритетов.

Выявление значимости предметов, идей и природных объектов(их ценностных смыслов) сопряжено со специальными процедурами оценки. Для осуществления этих процедур необходима ситуация ценностного отношения. Во многом она определяется готовностью субъекта не только к взаимодействию с внешним миром, но и к состоянию оценки.

Ценностное отношение – это взаимодействие между индивидом и внешним миром, ориентированное на ценностную проблематику, создающее условия для оценки.

Оценка – это процесс получения и обработки информации, основанный на сравнении ее с определенными критериями значимости. Такие критерии фиксируются или в виде категорий, или норм. Так, эстетическая оценка основана на категориях прекрасного и безобразного, возвышенного и низменного, трагического и комического. В технической области для успешного осуществления оценки(экспертизы) разрабатывается нормативная база стандартов и требований, следование которым обеспечивает объективность процедур оценки. Важно, чтобы нормативные требования соответствовали объективным ценностным смыслам. Последние становятся доступными благодаря процессам научного познания и технической практики. Они проходят в общественном сознании ряд этапов осознания, поскольку то, что открыто одним индивидуальным сознанием автоматически не переходит в другие индивидуальные сознания. Понимание занимает определенное время и выражается в формах ценностного восприятия, ценностного представления и ценностной ориентации.

Ценностное восприятие отражает готовность субъекта к пониманию значимости тех, или иных предметов и идей. В них фиксируется способность субъекта формировать оценочные образы, основанные на непосредственном взаимодействии с объектом. Продол-

жительность контакта играет важную роль, но не решающую, поскольку субъект только после контакта начнет формировать методику более глубокой и основательной оценки объекта. В психологическом плане индивид неуверен в правильности оценки и не готов к ответственности за нее.

Ценностное представление отражает способность субъекта оценивать объект не только при непосредственном контакте, но и без него, исходя из нормативных установок и абстрактно-образных построений, инженерного опыта. Но и в этом случае субъект еще не готов к фактору ответственности за объективность оценки. Он готов лишь к заключениям рекомендательного характера. Суть процесса и его значимость он понимает, но лично не идентифицирует его.

Ценностные ориентации отражают высокую степень отождествляемости субъекта с объектом оценки, проявляющуюся в четко определенных приоритетах активности и восприятия. Подкрепленные практикой они приобретают вид убеждений в правильности полученных результатов оценки.

В процессах профессиональной деятельности ценностные ориентации могут трансформироваться в определенную ценностную шкалу, или нормативные предписания. Как шкала они входят в структуру оценки и выполняют функции эталона при экспертной оценке результатов профессиональной деятельности. Главное заключается в том, чтобы их содержание было максимально приближено к объективным ценностным смыслам.

Технизация деятельности обуславливает необходимость совершенствования шкалы ценностей как в количественном, так и в качественном наполнениях. Все большую роль в ней играют такие параметры как надежность, безопасность, здоровье, экология, эффективность, оперативность, мобильность, многофункциональность, эргономичность. Профессиональная оценка дополняется целым рядом предметных параметров(стандартов), характерных только для конкретной области деятельности. В сочетании с универсальными нормативными ориентациями они образуют единое целое.

Ценностные представления и ценностные ориентации в значительной степени отражают индивидуальные особенности восприятия субъектом значимости тех, или иных компонентов реальности. Содержание их варьируется и в совокупности может включать при

высокой степени объективности, предпочтения по приоритетам. Тогда в силу вступают механизмы ценностного предписания. В них отражаются аспекты необходимости, обусловленности, нормативности, обязательности, объективности.

Структурно ценностное предписание включает механизмы концептуально-мировоззренческого обоснования приоритетов инженерной деятельности и их нормативно-методологической реализации. В совокупности эти механизмы образуют технико-технологическую программу деятельности, но не исчерпывают ее содержания. В него еще входит социальный заказ, интересы, цели.

На форму проявления ценностного смысла влияет не только человек, но и та реальность, значимость которой этот смысл отражает. Например, для архаичного производителя ценностное отношение к внешней природе выстраивалось не только в форме оценки, но и табу(запретов). незнание природы сразу придавало нормативному регулированию запретный характер. Недостаток мышления компенсировался харизматическим диалогом с природой. Последняя рассматривалась как сильный партнер, способный на ответный удар. Поэтому более жесткие предписания выдвигались к человеку. Проступок означал для него смерть.

Человек техногенной цивилизации воспринимает внешнюю природу уже не как сильного партнера и не харизматически, поскольку он знает, что его мышление может объяснить практически все проблемы. Он больше полагается на процедуру интерпретации(истолкования) существующих смыслов. В инженерной деятельности интерпретация включает статистические, концептуально-понятийные, эргономические и этические истолкования, в совокупности определяющие социальную значимость изобретения и перспективы его практического использования.

С точки зрения пространственного воздействия на общественное сознание ценности делятся на глобальные, региональные, национальные и этнокультурные.

Глобальные ценности выполняют функцию объединения человечества в решении актуальных проблем. В их число входят ценности гуманизма и экологизма.

Ценности гуманизма отражают важную роль человека в историческом процессе, его уникальность как разумного существа, индивидуальную неповторимость и творческое своеобразие. Они кон-

кретизируются философией ненасилия, концепцией прав человека, теорией эмансипации, концепциями плюрализма и демократии, эстетически-натуралистической идеей совершенства и красоты человеческого тела и духа.

Ценности экологизма отражают значимость для человечества географической среды, сложившейся на Земле под влиянием живых организмов как наиболее благоприятной с необходимыми механизмами очистки водных ресурсов, выработки кислорода, утилизации отходов. Этот уникальный биотехнологический комплекс как будто специально созданный для начинающего свой путь в историческом времени человечества. Однако и у него есть предельные возможности саморегулирования и сохранения благоприятной среды для человека. В конечном итоге географическая среда может обрести под влиянием деятельности человека совершенно новые характеристики. И весь вопрос заключается в том, будут ли они значимыми для человечества.

Региональные ценности общественного сознания специализированы блоком экономических и политических интересов народонаселения конкретной территории, стремящегося к объединению усилий в создании более благоприятной среды жизнедеятельности. Такие значимые приоритеты демонстрируют народы Северной Америки, Латинской Америки, Западной(Евросоюз) и Восточной(СНГ) Европы.

Национальные ценности вытекают из уважительного отношения народонаселения к истории и традициям какой-либо страны. Они могут иметь полиэтническую и моноэтническую основу. Для большинства техногенных наций характерно смешение этнических групп и племен. В рамках этого процесса обнаруживаются общенациональные ценности, а этнические отходят на второй план.

Этнокультурные ценности связаны с культивированием отдельными группами населения местных традиций, образа жизни. С подобными ценностями инженеры сталкиваются в слаборазвитых странах, или отсталых национальных регионах.

В аспекте исторического времени ценности выступают в форме традиций. С этим понятием связаны три основных значения: 1) акт передачи права владения имуществом(юридические традиции); 2) устный способ закрепления и передачи от поколения к поколению некоторой информации(фольклор) и образа жизни(народные тради-

ции); 3) вероисповедная(религиозная) традиция; 4) технико-технологические традиции инженерной деятельности, например, протестантская этика труда.

Традиции выполняют функции социальной стабилизации и преемственности в процессах жизнедеятельности общества; создания необходимых условий и предпосылок для эффективного осуществления инноваций. Как стереотипы поведения и деятельности, характерные для конкретных сообществ, традиции не только осваиваются и транслируются, но и выступают в качестве социокультурных формирований структур сознания, обозначаемых как ментальные.

Ценности поведения и коммуникации, закрепившиеся на уровне ментальных структур сознания, наиболее устойчивы и жизнеспособны с точки зрения преемственности. Они создают немало проблем для индивидов, находящихся в процессе культурной ассимиляции.

С точки зрения сущности человека и деятельностной формы ее проявления, ценности делятся на познавательные, социальные, нормативные, духовные, эмоциональные, витальные(жизни), гедонистские(наслаждения жизнью), творческие, утилитарные, коммуникативные(любви, дружбы, общения), профессиональные(карьеры и др.), дионисийские(ценности естественной жизни), гераклитовские(власти, признания, власти), прометеевские(борьбы со злом), аполлоновские(научного, артистического, технического творчества), сократовские(самопознания, саморазвития), нарциссистские(замкнутости, одиночества), идеологические(производства и культивирования идей). В совокупности все эти ценности обозначаются как ценности сознания. Они образуют сложный внутренний мир человека, являются источником его противоречий и придают ему необходимую динамику.

В более узком контексте деятельности ценности делятся на ценности цели, инструментальные ценности и предметные ценности.

Ценности цели актуализируют аспект значимости деятельности и предполагают обоснование последней и ее пропаганду как чего-то самодостаточного и важного.

Инструментальные ценности указывают на важную проблему выбора средств достижения цели и значимость технологической

культуры. Нередко технология более значима, чем сама цель. Подобный пример имел место в автомобилестроении, когда технология конвейерного производства фактически обеспечила условия для существования целой отрасли.

Предметные ценности отражают значимость творчества и труда человека, материализовавшегося в предметах культуры. Вся инженерная инфраструктура культуры является предметной ценностью. Значимость ее элементов обуславливается выполняемыми ими функциями. Постепенно некоторые предметные ценности переходят в разряд музейных экспонатов и памятников культуры, охраняемых государством и ЮНЕСКО.

Практический аспект ценностей раскрывается в форме совокупностей норм. Каждая сфера деятельности имеет свою нормативную базу, которая является продуктом человеческого разума и обобщает наиболее важные аспекты практической деятельности. Эти нормативные предписания закладываются в содержание технологии как определенной и последовательной совокупности операций и действий. Серийный продукт деятельности также подлежит нормативному контролю на соответствие его требованиям качества, безопасности, эксплуатационной надежности и долговечности.

Нормативная база инженерной деятельности корректируется в соответствии с новейшими тенденциями научно-технического прогресса, технического дизайна, экологии. Она сопровождается профессиональным этикетом и международным аспектом деловых отношений.

Важная роль в которых отводится решению глобальных проблем. В этом списке выделяются вопросы экологии, сохранения мира на планете, продовольственной обеспеченности народонаселения, преодоления социальной отсталости, эффективного использования ресурсов.

Все эти проблемы актуализировали задачу устойчивого развития человечества. Ее решение связывается с выработкой рекомендаций и специальных программ по сохранению биотического равновесия на планете. Практические решения наталкиваются на мировоззренческое недопонимание кризисности ситуации.

В связи с этим перед философией возникла задача выработки и обоснования адекватной сложившейся ситуации на планете стратегии деятельности человечества. У этой стратегии уже есть название.

Она обозначается как коэволюционная. В ее основе лежит методология универсального эволюционизма.[11.] Она фиксирует природные, социокультурные процессы с точки зрения устойчивости, нелинейности, равновесности.

Социокультурная деятельность человечества в данном случае рассматривается на фоне происходящих во Вселенной изменений. Эти изменения дают людям запас времени для жизнедеятельности на планете в 5 миллиардов лет. При том, что Земля не столкнется с каким либо крупным космическим телом. В свете теории катастроф вероятность таких столкновений не исключена.

Однако этот фактор не играет ключевой роли. В большей степени речь идет о коэволюции как способности человечества максимально адаптировать культивируемый тип деятельности и культуры к возможностям биоты.

Термин «коэволюция» был актуализирован биологами во второй половине XX века для обозначения специфики взаимодействия организмов в процессе совместной эволюции.

Были выделены мутуалистическая и немутуалистическая ее формы, в рамках которых анализируются взаимоеволюция организма и паразита, хищника и добычи; птиц, насекомых и опыляемых ими растений, крупных животных и сопровождающих их санитаров-чистильщиков и т.д.

При проекции понятия коэволюции на социокультурную деятельность людей возникает ассоциация о взаимной эволюции человека и растений, человека и животных через их одомашнивание. При этом человек выступает как основной потребитель этих представителей биосферы. На уровне самого предельного обобщения речь ведется о взаимной эволюции биосферы и цивилизации.

Хронологически эти процессы абсолютно неравнозначны. У биосферы был длительный доцивилизационный период адаптации к особенностям Земли. Поэтому ее «опыт» более основателен и у науки есть основания говорить о ней как эффективной самоорганизующейся системе.

Биосфера – это живые организмы и заселенное ими пространство Земли в форме литосферы, гидросферы и атмосферы, а также вовлеченные в органический обмен минералы и молекулярно-атомарные структуры.

Биосфера через живые организмы поглощает вещество и энергию извне, которые многократно используются в обменных процессах. В этих процессах задействованы продуценты, консументы и редуценты.

В качестве продуцентов выступают автотрофные организмы. Они используют солнечную энергию для выработки из неорганических соединений (воды и двуокиси углерода) богатых энергией органических веществ собственного тела, биомассы. Речь идет о зеленых растениях, сине-зеленых водорослях, фотосинтезирующих бактериях.

Консументы – это, с одной стороны растительоядные животные, а с другой, поедающие их хищные животные.

Редуценты выполняют важную функцию утилизации отмерших растений и водорослей, а также погибших животных. Они разлагают органическую массу до уровня минерализации. К тому же биосфера использует механизмы утилизации связанные с формированием осадочных пород, в которых при определенных условиях формируются механизмы аккумуляции энергии в виде энергоресурсов (торфа, угля, сланцев, нефти, газа).

В технизированной деятельности есть продуцирующая и потребляющая инфраструктура (консументы). Но не хватает технологических мощностей деятельности, связанной с утилизацией продуктов жизнедеятельности человечества (редуцентов). Речь идет как о качественном, так и количественном параметрах. Ограничительные меры и альтернативные стратегии экологической деятельности не могут считаться достаточными и реалистичными по отношению к уже функционирующей и достаточно инерциальной системе производственной деятельности, активно воспроизводящейся в новых центрах индустриализации (Китай, Индия, Бразилия).

Это свидетельствует о том, что модернизация находится на начальном этапе освоения экосоциальной практики. Она постепенно освобождается от технократических установок и берет за основу техноаксиологизм, в рамках которого формируется концепт природно-ландшафтного комплекса с характерными для региона особенностями деятельности и ресурсной базы.

В Беларуси функционально обозначились восточный промышленный регион с мощной строительной ресурсной ба-

зой(Могилевский), центральный(Минский), южный(Полесский), западный(Гродненский) и северо-восточный(Витебско-Полоцкий).

Козволюционные тенденции определяют конституирование системотехнических комплексов, в пределах которых значительная роль отводится малым и средним городам. Природная составляющая введена и по отношению к населению страны и обозначается как демографический ресурс.

Возникает комплекс вопросов относительно способности человечества перестроиться в данном направлении с учетом возможных экономических и культурных последствий. В мировоззренческом контексте правомерно говорить о максимальной задаче перевода материально-производственной деятельности человечества на принципы коэволюции, поскольку необходимо время для осознания человечеством неизбежности перехода на новые ценностные параметры. С методологической точки зрения соблюдение принципов коэволюции экономикой начала XXI века даже в лучшей ее высокотехнологичной части представляется проблематичным, поскольку ни одна из стран мира в настоящий момент не готова нести тяжесть экологических издержек. Поэтому в 1992 году в Рио-де-Жанейро был актуализирован термин *sustainable development*. Он указывает на необходимость такого развития популяции, которое бы было согласовано с развитием экосистемы, к которой эта популяция принадлежит. Фактически речь идет о сохранении экологической ниши человечества. Соответственно этой рекомендации выстраивается система нормативного регулирования глобальной деятельности человечества в виде протоколов.

Вторая стадия реализации коэволюционной стратегии требует определенной теоретической подготовки, в рамках которой должна быть проведены исследования механизмов обратной связи как на уровне биосферы, так и собственно взаимодействия техногенных и биотических компонентов экосоциальной реальности. В рамках биосферы важнейшая роль отводится биоте(совокупности живых организмов), поскольку организмы выполняют ключевые функции формирования горных пород, почвы, атмосферы, гидросреды.

Научный подход не может ограничиваться изучением только очевидных отрицательных обратных связей, существующих между техногенной деятельностью человечества и биосферой. Необходимо учитывать положительные обратные связи, поскольку они демон-

стрируют возможности коэволюции с точки зрения уже имеющегося исторического опыта человечества.

Трудности теоритического описания экосоциальной реальности сопряжены с тем, что биосфера является живой нелинейной многофункциональной системой. Поэтому описание ее в рамках теории динамических систем, посредством использования математических методов затруднено. В решении этой задачи эффективным считается только компьютерное имитационное моделирование, позволяющее просчитывать тенденции в поведении биосферы с учетом все возрастающих объемов антропогенного воздействия на биоту и поддерживаемую ею среду обитания человечества. Очевидно, что сценарии будущего могут дать определенный эффект воздействия на общественное сознание. При этом все больше специалистов склоняется к мысли о необходимости реализации комплексной междисциплинарной стратегии изучения биосферы в интервалах больших исторических длительностей и соответствующих геологических, геофизических, климатических циклах. Поскольку то, что называется потеплением техногенного характера может быть проявлением определенной термодинамической динамики, в рамках которой даже Антарктида и Арктика оказываются частью глобального тропического климата. Именно в такие периоды истории биосферы реализовывался накопительный потенциал биоты в виде гигантских осадочных пород органического происхождения, ставших местом формирования энергетической базы человечества. Естественно планета оказывается и в ситуациях ледниковых периодов. Важную информацию о тепловой динамике биосферы может предоставить океанология и подводная геология, поскольку именно гидродинамический перенос тепловой энергии играет важную роль в обеспечении устойчивого климата в отдельных регионах мира.

Естественнонаучное направление исследования биосферно-техногенной реальности должно дополняться антропологическими исследованиями возможностей человека перестраиваться в ключевые исторические периоды

Первый вопрос касается переоценки ценностей.

Второй вопрос - необходимости более глубокого изучения техники как разновидности природы, актуализирующей творчеством человека.

Представители философии жизни предприняли решительный шаг в направлении синтеза культуры и природы. При этом они руководствовались универсальными закономерностями эволюции биотической реальности, связанными с принципами борьбы за существование, наследственности. В этой среде они не видели места для оторвавшегося от природной реальности человека. По мнению Ф.Ницше, на смену изнежившимся и потерявшим чувство ответственности поколениям должен прийти сверхчеловек как новая генерация людей, чувствующая пульс жизни и ценящая универсальные закономерности бытия. Фактически речь шла о смене антропологического мировоззрения.

Метафоричный и мифологизированный стиль работ Ф.Ницше только затруднил выделение рациональных аспектов его философии и дал повод для неадекватной интерпретации. Многие из философов были задеты выдвинутым мыслителем в отношении сократовского человека обвинением. В нем утверждался тезис о том, что этот человек не просто слаб но и лицемерен в своей слабости, что он позволяет себе прикрывать свою позицию институтом религии. Даже Бог им используется в инструментальных целях. Когда же эта функция была исчерпана, то именно этот человек отказался от Бога путем его убиения(Бог мертв и мы его убили).

Психологи поняли неклассических философов достаточно конкретно. Они задались вопросом о психическом мире человека и его мотивационном основании. Заинтересовала их и определенная статистика роста неврозов и стрессов, вызванных интенсификацией социально-политической жизни общества. Все это создало условия для прихода в медицину талантливых исследователей и практикующих врачей. Одним из таких молодых людей был З.Фрейд. Он анализировал не только собственный практический опыт лечения больных, но и знакомился с методами работы других практикующих врачей. В Париже он собрал дополнительную информацию по интересующей его проблеме и пришел к выводу, что в основе внутренней мотивации личности лежат как социальные, так и психические факторы мотивации, вытекающие из особенностей полового воспитания. Идея имела вид гипотезы и была изложена в работах «Толкование сновидений» и «Психопатология обыденной жизни». Именно она образовала основу концепции психоанализа.

З.Фрейд полагал, что психическая жизнь человека определяется активностью трех базовых структур сознания – бессознательной, предсознательной, сознательной.

Бессознательное аккумулирует инстинктивные мотивационные детерминанты поведения человека, связанные с самосохранением и сексуальной активностью. Каждое из выделенных оснований обладает автономной энергией, имеющей количественное и качественное выражение.

Применительно к области сексуальной активности ученый предпочел использовать понятие либидо. «Это либидо мы отличаем от энергии, которую следует положить вообще в основу душевных процессов, в отношении ее особого происхождения, и этим приписываем ей также особый качественный характер. Отделением либидоносной психической энергии от другой мы выражаем наше предположение, что сексуальные процессы организма отличаются от процессов питания организма особым химизмом. Анализ перверзий и психоневрозов убедил нас в том, что сексуальное возбуждение возникает не только из так называемых половых частей, но из всех органов тела»[23, 79.].

Сексуальная энергия может модифицироваться через сублимирование в культурные формы деятельности людей. В результате жизненная энергия может полностью переходить на другую основу реализации в которой начинает доминировать внешняя форма индивидуальной демонстрации.

Предсознательное накапливает психические переживания, которые не осознаются индивидом, но могут стать таковыми, если их актуализирует интуиция. Основная область реализации подсознательного – сновидения. Это сфера где становятся возможными свободные фантазии.

Сознательное отражает господство нормативной составляющей в психике индивида. Оно контролирует бессознательное. Однако делать ему это удастся не всегда.

В более новой интерпретации З.Фрейда сознательное предстает как Я и Сверх-Я. Бессознательное обозначается как Оно. Сверх-Я и Оно ведут между собой внутреннюю борьбу. Ее импульсы сходятся на Я. Ему то и приходится делать выбор в ситуации бинарной оппозиции двух начал.

Противоположность внутреннего мира человека создает для него дополнительное напряжение и концентрирует его внимание на собственных переживаниях. В ряде случаев он не может выступать по отношению к внешнему миру как единое и самостоятельное целое.

Внутренний бинаризм может усиливать свою отвлекающую функцию в условиях массовой среды, когда групповая солидарность выступает как основа для ухода от общепринятых норм. «Масса импульсивна, изменчива и возбудима. Ею почти исключительно руководит бессознательное. Импульсы, которым повинуются масса, могут быть, смотря по обстоятельствам, благородными или жестокими, героическими или трусливыми, но во всех случаях они столь повелительны, что не дают проявляться не только личному интересу, но и инстинкту самосохранения»[24,С.428]. Тот, кто попадает в массу оказывается в процессе усиления аффектности.

Торжество аффектности означает разрушение внутренней организации массы и превращение ее в толпу.

К.Юнг обнаружил в бессознательном конструктивное начало связанное с архетипами. В подобной интерпретации бессознательное не столько противостоит сознательному, сколько само в себе содержит нормативную составляющую. В такой трактовке внутренний мир человека приобретает более устойчивую основу. Однако опасность для внутренней стабильности индивида проистекает от технизирующейся культуры, делающей ставку только на сознание. «Мы продолжаем думать и действовать так, словно природа не двойственна, а однозначна, и воображаем себя, вследствие этого, безобидными, разумными и гуманными. Никто и не думает о том, чтобы не доверять своим собственным мотивам или хотя бы поставить перед собой вопрос, как относится внутренний человек к тому, что делается нами вовне. На самом же деле не обращать внимания на отношение и реакцию бессознательного значит вести себя легкомысленно, поверхностно и неразумно, ибо это психически негигиенично»[28,С.46.]. В результате «инстинкт подвергается разнообразным модификациям и дифференцируется так, что у цивилизованного человека наступает в конце концов состояние, в котором влечения разветвляются настолько, что лишь в немногих основных инстинктах можно еще с известной уверенностью узнать их первоначальную форму»[28.С.42-43]. В конечном итоге человек покидает свою первоначальную инстинктивную основу и попадает на совер-

шенно новую, практически ему неизвестную. Из-за незнания себя он «неизбежно вовлекается в конфликт между сознательным и бес-сознательным, духом и природой, знанием и верой, вступает в процесс расчепления своего существа, который становится патологическим с того самого момента, когда сознание уже не может больше игнорировать или подавлять веления инстинкта»[28.С.44]

Коммуникация практически определяет сформируется полноценная личность или нет. Все что личность думает о себе зависит от того, как о ней говорили окружающие и как они реально ее представляли, каких представлений было больше.

Э.Фромм сделал допущение о том, что наряду с врожденным стремлением к свободе, коренящимся в психике человека, есть стремление к подчинению и подчиненности.

Подчиненность создает условия для подчинения(жажды власти). Индивид включается в социокультурную реальность и оказывается во власти дихотомий, порождаемых ею и культивируемых. В конечном итоге культура оказывается сильнее человека. Она искажает основные внутренние его побуждения давая им негативный выход. «Несостоятельность современной культуры кроется не в ее принципе индивидуализма, не в идее, что моральная добродетель состоит в удовлетворении личных интересов, а в искажении смысла личного интереса; не в том, что люди слишком сосредоточены на своем личном интересе, а в том, что они недостаточно сосредоточены на интересах своего реального Я; не в том, что они слишком себялюбивы, а в том, что они не любят себя»[26 С.135].

Ж.Делез и Ф.Гваттари видят проблему не в самом человеке, а в его реконструкции, в классическом психоанализе. Речь идет о неадекватной картине человека. Эта картина искажается параноидальной установкой культуры на структурирование, на приведение всех индивидуальных поведений к единому нормативному алгоритму.

Гомогенез должен уступить место гетерогенезу, в рамках которого мир людей превратиться в процесс умножения различий. Возникающих при этом противоречий не нужно бояться, поскольку в них содержится источник динамики, развития.

В противовес параноидальным устремлениям культуры предлагается актуализировать шизосингулярности, в рамках которых реализуется естественность, проявляющаяся в желаниях.

Естественная демонстрация желаний есть показатель природы и свободы. Культуру необходимо трансформировать под это множество микрожеланий и придать ей соответственно другой смысл.

На мировоззренческом уровне важно добиться выхода общественного сознания за пределы единого потока структурированных норм и западной метафизики. Альтернативные образы культуры в наибольшей степени продуцируются в литературе, музыке, изобразительном искусстве и архитектуре.

Ж.Лакан исходит из той же позиции зависимости человека от созданной им культуры. Человек творится культурой. Его суть формируется языком, символизмом.

Социализация оборачивается тем, что человек не столько утверждается в своей индивидуальности, сколько вписывается в определенную форму культуры и становится передаточным устройством. В нем преобладает не столько достоинство сколько акцентированность на комплексах семейственности(Эдипов комплекс).

Главная задача мировоззрения заключается в освобождении человека от внешних влущений. Это необходимо для того, чтобы раскрылись его внутренние возможности. Они заключены в сингулярностях, самопроизвольно порождающих содержание и самоорганизацию индивида и создаваемой им культуры.

Субъективность трактуется как непрерывно воспроизводящаяся процессуальность желания. К ней неприменима территориальность и параноидальное стремление к универсальной структурированности.

Индивидуальные сингулярности создают ризоморфную социальную среду как альтернативу параноидальной структурированности. В этой среде имеют место несоответствие и дисфункция. Они не столько грозят расбалансированностью системы, сколько создают условия для ветвления и разнообразят диапазон возможностей системы. Эти возможности раскрываются в форме прорывов(шиз).

Шизофренически ориентированное бессознательное оказывается основным источником инноваций.

Следует заметить, что понятие шизофрении употребляется в данном случае не строго, неклассически.

В классическом переводе с греческого шизофрения обозначает раскалывание ума, сопровождающееся постепенным упадком ум-

ственной деятельности и нарушением связности психических процессов. Фактически речь идет о психическом заболевании.

Но слово «шизо» переводится с греческого и как дроблю, разделяю. В этом смысле оно ассоциируется с гетерогенными процессами, в рамках которых имеют место различие и неоднородность.

Признание гетерогенности культуры означает определение ее нового механизма функционирования, в котором нет центрального корня и ствола.

Ф.Гваттари и Ф.Делез предложили видеть основу культуры в клубне, или луковице. В данном случае мы не знаем строго однозначно в каком направлении пробьется стебель, знаем только, что он будет и не можем знать с точностью топонимики почкования. В этом плюралистичном пространстве человек может приобрести необходимое ему чувство свободы и ответственности, значимости. Он может стать одной из ключевых сингулярностей, плодотворно работающей на макроуровне. Главное чтобы его естественные желания находили необходимые социокультурные условия.

Ризомное социокультурное пространство – это скорее желаемый фон самореализации человечества. В действительности пока имеет место культура построенная на принципах вины человека и симуляции.

Симуляция вызвана к жизни целым комплексом причин, в первую очередь экономических. В условиях хорошо развитой и производительной культуры началась настоящая борьба за покупателя. И практически сразу же определилась одна из самых распространенных форм симуляции в виде рекламы. Посредством нее человек не столько получает необходимую информацию, сколько формируется хорошо отработанной символикой образов и знаков.

Симуляция в виде рекламы вышла в социокультурное пространство и в ряде случаев приобрела самостоятельное существование, которое Ж.Бодрийяр обозначает как симулякр.

Практика продуцирования симулякров стала характерной для финансовой сферы(финансовые пирамиды), кино, игровой культуры. В результате в пространстве культуры все большее место занимает виртуальная реальность.

Симуляция, реклама, шоу-индустрия отражают определенный антропологический раскол современного общества, оформившийся в противоречие между классом людей, способных к продуцирова-

нию информации и знаний и низшим классом, объединяющем тех, кто по тем или иным причинам не может войти в круг новой интеллектуальной элиты. Драматизм ситуации усугубляется тем, что люди, принадлежащие к высшей и низшей стратам общества, отличаются не только интеллектуальным потенциалом, но также и различными типами мотивации деятельности, различными типами разделяемых ими ценностей[7.С.272].

Возникший раскол может быть устранен только через стратегию образования, развитие творческих способностей человека, его экологической культуры.

Неоднозначный образ современного человечества дополнился еще более «яркой» научной картиной природы.

Синергетическая концепция впервые предложила картину мира, в котором человек не гарантирован от случайностей с учетом больших длительностей приобретающих закономерный характер. Эмерджентизм «усложнил» природу фактором спонтанности и внезапности. Постепенно стали вырисовываться контуры природы не столь благоприятной для человечества. Вопрос даже не стоит о том, что она стала такой в результате деятельности людей. Она является таковой изначально. Сама по себе.

В свете происшедшей перемены в научных воззрениях на природу возникло больше вопросов, чем стало ясности. Очевидно одно. Взгляд человечества на природу всегда был опосредован антропоцентризмом. Природе внушали какой она должна быть из-за того, что в ней есть человек и научно-техническое творчество. Это внушение вылилось в целую панораму концепций природы. В их числе можно выделить космологическую, натуралистическую, механистическую, энергетическую, эволюционную, генетическую, ядерную, квантово-механистическую, нейрофизиологическую, кибернетическую, экологическую концепции.

Космологическая концепция природы была разработана в античной философии. Она не отличалась объективностью, поскольку грекам необходимо было рациональным путем построить цельный и завершенный образ мира. В этой конструкции преобладали мировоззренческие акценты связанные с удовлетворением запроса жителей полиса на полноту знаний о мире и природе. Чувственно недоступная реальность представлялась в виде категориальных структур бытия и небытия, атомизма, геометрического пространства, геоцен-

трической системы мира. С точки зрения современной науки речь идет о практике видения природы через определенным образом сформулированные гипотезы. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что эти гипотезы не обосновывались и не проверялись. С ними работали как с несомненными истинами. Правильность их связывалась с достаточно гармоничным соответствием их существовавшему мировоззренческому заказу на целостную реконструкцию природы.

Мировоззренческие параметры были настолько очевидны в космологической концепции природы, что позволяли манипулировать исходными эмпирическими данными для получения соответствующей пространственно-геометрической модели мира. В результате нарушался принцип объективности интерпретации. Этот недостаток со всей очевидностью проявился в расчетах К.Птолемея[14].

Античные греки актуализировали также мировоззренческую концепцию натурализма, в рамках которого особое значение ими придавалось эстетическому восприятию телесности человека.

В новое время натурализм приобрел естественнонаучное истолкование и стал одной из стратегий эмпирической науки, ориентированной в первую очередь на изучение живой природы. Образ натуралиста связывался с ученым, занятым полевыми исследованиями, полными опасности и риска. Конечный продукт этой деятельности виделся в систематизации и классификации огромного эмпирического материала. Непосредственной практической пользы от этой науки никто не видел. Но она успела стать частью аристократической культуры и поэтому активно спонсировалась. Благодаря усилиям Ч.Дарвина эмпирический натурализм поднялся до уровня теории, в рамках которой были сформулированы принципы наследственности, естественного отбора и борьбы за существование.

Мировоззренческая волна подняла натурализм в форме эволюционизма до уровня междисциплинарных проекций. В результате оформилась методология социал-дарвинизма. В различных интерпретациях она была использована марксизмом, философией жизни, философской антропологией, психоаналитической философией. Самим фактом своего существования она дала повод для совершенно радикального пересмотра картины и механизмов социальной жизни и сути человека. Ее проекции оказались даже более значимыми, чем проблематика самой биологии.

В XX столетии натурализм потерял эстетическую составляющую и неожиданно выразил себя в проблеме телесности. Однако в данном случае речь идет в большей степени о мире культуры и способах присутствия в ней человека. Как оказалось нераскрытым оказался фактор тела человека. В этом аспекте фиксируется становление нового типа экономической деятельности человечества, в рамках которого тело трактуется как неисчерпаемый источник социальных потребностей и образ мышления.

Новое время ознаменовалось повышенным интересом человека к естественнонаучным аспектам природы. В рамках этого интереса конституировалась экспериментальная наука. В ней особое значение приобрела техническая составляющая в форме изобретательской деятельности, направленной на создание приборов наблюдения и измерения, моделирования искусственной среды для объекта познания.

Эмпирическая информация требовала соответствующей интерпретационной базы в форме исходной системы координат, объяснения физических процессов. Разработанная И.Ньютоном классическая механика стала не просто теорией, а мировоззренческим истолкованием природы. В этом истолковании явно преобладала установка на параллелизм природных и технических устройств. В результате все многообразие природы редуцировалось к набору простых и воспроизводимых инструментальных функций. Это была механически организованная объектная природа, располагавшаяся в пустоте.

Инструментальный аспект использования природы получил развитие в последующих естественнонаучных концепциях.

Электротехническая концепция природы фактически зафиксировала практическую пользу природной энергии в виде одного из секторов деятельности человечества. Природа стала трактоваться как ресурсы, связанные с полезными ископаемыми. За них развернулась борьба, которая приобрела геополитическую окраску. В этой борьбе речь шла не о ценности природы как таковой, а о значимости отчуждаемых от нее варварским способом ресурсов.

Ядерная концепция природы продемонстрировала возможности использования человеком природы в самых различных целях, в том числе и против нее самой. Это было торжество разума с точки зрения инструментального освоения природы. Этот инструментализм

продолжился в форме нейрофизиологической и генной концепций. В его структуре все большую роль стала играть инженерная практика.

В цепи инструментально ориентированного исследования природы оказалось одно звено, которое актуализировало аспект безопасности человечества с точки зрения системных характеристик географической среды. Понятия биоценоза, биосферы стали указывать на ограниченность природы как среды.

Трактовка природы как среды стала одним из самых значимых явлений в новоевропейской науке, поскольку таким образом была актуализирована новая линия взаимосвязи человека и природы с точки зрения взаимодействия людей, их деятельности с атмосферой и гидросферой. Понятие ноосферы зафиксировало все возрастающую роль в этом взаимодействии человеческого фактора. Было признано, что человек стал геологической силой на планете[2] и что он становится полностью ответственным за эволюцию планеты.

Методология планетарной деятельности человечества содержала слишком много оптимистического начала и вряд ли могла быть абсолютно эффективной без критики. В XIX веке Д.П.Марш сформулировал программу охраны природы. Ее необходимость объяснялась наличием многообразных форм разрушения человеком окружающей его среды. Под влиянием эмпирической критики разрушительной деятельности человечества в отношении природной среды активизировалось мировоззренческое движение в трансатлантической культуре. Оно выразилось в консервационизме, охранительной концепции, экологизме и экономизме.

Консервационисты(Дж.Пиншо, Б.Фернау и др.) полагают, что рациональное и эффективное природопользование является частью природоохранных мероприятий. В соответствии с этой задачей предполагается перестройка социальных институтов. Она должна обеспечить экономический рост и эгалитарное распределение природных благ.

Охранительное направление сконцентрировано на сохранении дикой природы. Природа в данном случае рассматривается вне контекста экономической выгоды. Она выступает как самодостаточная ценность и фактически выводится за границы культуры. Конечно, неприкосновенность дикой природы должна обеспечиваться опре-

деленными ресурсами и силами, требующими спонсорского участия.

Экологиисты исходят из того, что природа Земли является домом человечества, в котором необходимо соблюдать элементарные правила чистоты, порядка, естественности жизни. Для описания природы они используют методологию системного подхода, в рамках которого вводят понятие экосистемного холизма. Природа характеризуется как разнообразящееся множество участников взаимодействия, в рамках которого проявляются эмерджентные свойства. Эта эмерджентность усиливается по мере включения новых участников, в частности, социальных систем. Отсюда такое значение динамического равновесия природы, обеспечивающего устойчивость и целостность ее как системы. Это равновесие трактуется как кульминационное в эволюции любой экосистемы. Нарушение его означает начало деградации экосистемы (О.Леопольд, Ф.Клементс).

Понятие динамического равновесия является квантово-механическим. Это значит, что предполагаемая точка носит условный характер, сопоставимый с понятием электронного облака. Тем труднее говорить о границах этого равновесия и потенциальных возможностях саморегулирования биосферы. Однако в этой коэволюционной модели что-то должно зависеть и от человека. Его роль обозначается как индивидуальность и связывается с моральными нормами. Но насколько эти нормы способны регулировать человеческую деятельность и определять ее бескорыстное стремление к чистоте и порядку в большом природном доме.

В конце XX-начале XXI столетий действенность моральных норм стала подкрепляться конкретными исследованиями загрязнений на уровне физических, химических и биологических процессов. Была определена топонимика захоронений, несанкционированных схронов промышленных отходов, военных испытаний и начато систематичное изучение их взаимодействия с окружающей средой, а также прослеживаться эволюция биоценозов в режиме подобного взаимодействия с промышленными и агротехническими отходами. Пристальное внимание стало уделяться бывшим военным полигонам.

Накопленная информация должна усилить нормативное воздействие морали на общественное сознание и сформировать экосоциальное мировоззрение.

Экономисты оптимистично настроены на взаимоотношения с природой. Их оптимизм усиливается по мере разворачивания научно-технического прогресса, в рамках которого стала возможной стратегия замораживания выбросов в природную среду на уровне 1990 года при одновременно происходящем ускорении темпов научно-технического прогресса. «Если объем мирового валового продукта вырос с 1950 по 2000 г. в 6,4 раза, то выбросы CO₂ в атмосферу – всего в 3,75 раза.»[7.С.482.]

Консервационизм, охранизм, экологизм, экономизм в XX веке стали проявлением философии инвайронментализма, в рамках которой особое значение придается взаимодействию социальных структур со средой их обитания.

Этот общетеоретический тезис был переведен на уровень конкретной социальной практики и науки. Так, в рамках инвайронментальной социологии особая роль придается изучению социальных сообществ в рамках их взаимодействия с локальной природной средой. Решающий шаг в формировании этой дисциплины сделали представители чикагской школы, возникшей на базе местного университета. Новая дисциплина формировалась в старом американском промышленном районе, где достаточно остро встал вопрос о необходимости перестройки всех оснований жизнедеятельности людей с точки зрения освоенного ими локального места. Урбанизированное пространство требовало экологического подхода. Этот подход был сформулирован в виде тезиса, утверждавшего идею того, что город есть «нечто большее, нежели совокупность индивидов и удобств ... социальных институтов и административных единиц. Город – это, скорее, умонастроение, тело обычаев и традиций... продукт природы, в особенности – человеческой природы»[24, P.57].

Э.Берджесс установку на город как организм конкретизировал методиками его описания(сбора необходимой информации о нем) и корректирования практики формирования урбанизированной среды. Экологический порядок был принят в качестве базового принципа городской деятельности.

Установки чикагской школы получили развитие в форме философии (Дж.Дьюи, Г.Мид, Э.Мур и др.), экономической теории (Т.Веблен и др.).

На протяжении XX столетия инвайронментализм был принят как методология деятельности и проявился в оригинальных проектах по спасению Великих американских озер в Северной Америке, Рейна в Европе.

Особенно актуален инвайронментализм для Западной Европы, где наблюдается достаточно высокая плотность населения, продолжительная и достаточно интенсивная материально-производственная деятельность человека. Техногенный фактор дополняется спецификой береговой линии Европы и традициями градостроительства в прибрежных зонах. Многие страны с расположенными в них городами находятся в зонах затопления. Это обстоятельство достаточно однозначно указывает на необходимость экологического порядка. Этот порядок стал привлекательным и для индустрии туризма.

Локальность инвайронментализма проявляется в приоритете региональных проектов. Если эта методология будет осуществлена на всей планете, то в какой-то момент она даст суммарный результат в виде планетарного экологического порядка.

Практика инвайронментализма наиболее интенсивно осуществляется в регионах постиндустриального мира, где в достаточном количестве имеются финансовые ресурсы и высокий уровень экономической интеграции. Вне этого процесса оказывается значительная часть социально-экономического пространства. Подобная ситуация дала основание представителям Римского клуба говорить о неблагоприятном техногенном факторе, созданном человечеством, в отношении экосистемы. Этот тезис был аргументирован докладами, подготовленными специалистами ведущих вузов мира. В результате была определена общая тенденция ухудшения экологической ситуации на планете. 2025 год был обозначен как последний в наметившейся динамике. За ним последует экологическая катастрофа.

Странников подобной ориентации в науке можно назвать «пессимистами». Их деятельность привлекла внимание человечества к экологической проблематике и сделала природоохранные мероприятия частью промышленной и сельскохозяйственной культуры. На

международном уровне стали обсуждаться проблемы связанные с введением ограничений и квот на выбросы в атмосферу и водные источники, почву. Значительный рывок был сделан и в области создания ресурсосберегающих технологий, создания производств замкнутого цикла с автономной системой очистки используемых ресурсов для многократного их использования в рамках решения одних и тех же производственных задач.

На фоне практических мероприятий особое значение приобрело движение за более глубокое знание механизмов саморегулирования природы в пределах Земли как планеты. Во многом это движение было связано с формированием постнеклассической науки, в рамках которой произошел отход ученых от принципов жесткого детерминизма. Особое значение стало придаваться принципам нелинейности, стохастичности, открытости, необратимости времени. Объекты стали трактоваться в динамике хаоса и порядка, саморегулирования.

В отношении природы планеты был сформулирован вопрос о возможностях ее саморегулирования как открытой системы. Этот вопрос предполагает комплексное исследование процессов, имеющих место в атмосфере и гидросфере планеты. Начата работа, которая должна обеспечить ученых необходимым объемом информации для объективной оценки допустимых пределов роста техногенной деятельности человечества в сложившемся ее историческом виде. При этом имеется в виду, что сама эта деятельность включена в научно-технический прогресс и претерпевает непрерывные изменения.

Программы деятельности более консервативны в силу наличия в них устойчивого концептуального ядра, в котором фиксируются основные принципы и интерпретации социокультурной и природной реальности и затем эти представления приобретают детерминистскую функцию. Технократическая программа деятельности человечества имела обыденное и научное основание в факте переоценки ценностей западноевропейского сознания. Это сознание не желало более сдерживать себя аскетизмом и стремилось к материальному благополучию через экстенсивную деятельность. Оставшееся в рамках теологии сознание сделало совершенно новую интерпретацию образу жизни человека. Из нее вытекало инструментальное значение природы как источника материального благополучия.

Человеческий дух хотел господствовать над природой в том числе и собственной. Это стремление детерминировало одностороннее видение реальности. Вместо диалога получился монолог. При этом один из участников процесса был обесценен и не принимался во внимание.

Если предположить, что в основе коэволюции должны лежать принципы синергии(вместедействия), то одной из сторон тогда необходимо проявить инициативу к этому процессу. Однако одной лишь субъективности человека для этого недостаточно, поскольку адаптирующаяся к технизированной деятельности человека природа дает лишь основание для отсутствия беспокойства. Адаптация природы является показателем ее «терпеливости».

Ситуацию могли бы изменить данные по экологии, которые бы говорили о явном ухудшении географической среды жизнедеятельности человечества под влиянием технизированной деятельности. Однако эти данные не столь убедительны и являются предметом спора. Некоторые ученые полагают, что наука слишком мало знает о естественных циклах климата планеты с учетом похолодания и потепления на ее поверхности. Химический анализ выбросов в атмосфере более убедителен, в том плане, что технизированная деятельность и транспортные коммуникации являются основными поставщиками газов и твердых частиц в воздушное пространство планеты.

И все-таки одних лишь экологических аргументов пока явно недостаточно для налаживания механизмов вместедействия человека и географической среды. Подспорье в этом деле может предоставить экономический детерминизм, ориентированный на постиндустриальной стадии на ресурсосберегающие технологии. Но логика экономического детерминизма не отличается ускоренными темпами устранения антиэкологичной направленности предыдущих форм жизнедеятельности человечества. Нередко экологичность ограничивается только пределами самого постиндустриального общества, а вредные производства перемещаются в индустриальные регионы.

Решением проблемы можно было бы считать достижение постиндустриальной стадии социального развития всеми субъектами деятельности. Однако следует иметь в виду, что крупнейшие регионы мира(Индия, Китай, Бразилия) только начинают разворачивать

индустриальную инфраструктуру и этим самым дают повод для серьезных беспокойств в будущем.

Обсуждаемая проблема осложняется тем, что человек выделил силой своего творчества особую область природы – техническую и сделал ее орудием непрерывного вовлечения природных ресурсов и среды в социокультурное пространство. Вся эта деятельность превратила природу в более сложное понятие, которое не ограничивается только актуальными состояниями. Оказалось, что человеку удалось реализовать замысел раскола природы на две противостоящие стороны. При том, что на стадии актуализации технических артефактов природа способствует этому процессу в виде гностицизма и конструктивизма. После этого услуга забывается и две модификации начинают противостоять друг другу. Ситуацию самой природы спасает то, что техника не является категорией-субъектом. Социальный смысл и назначение ей придают люди в условиях господства определенной социокультурной программы деятельности.

Однако многие философы считают, что технику и связанный с ней технологический детерминизм нельзя воспринимать как нейтральную, поскольку она конституируется в форму искусственного интеллекта и все более становится субъектом, наделяющимся функциями управления. Природа может получить уникальную возможность предстать перед человеком в образе полноправного участника диалога с ним. Подобное утверждение основано на том, что техника является разновидностью потенциальной природы. Однако проблема состоит в том, что логические функции техническим системам придают люди. Поэтому вместо ценностей природы искусственный интеллект может выбрать позицию третьей силы в духе технократического мировоззрения с его ориентацией на господство. В таком случае люди будут восприниматься лишь как органическая и достаточно уязвимая природа.

Проблема искусственного интеллекта лишний раз напоминает о том насколько несвободен человек в своих претензиях на господство. Как он боится одиночества и как убегая от этого страха и поддаваясь своей увлеченности творческими возможностями он легко переходит границы потенциальной природы и актуализирует то, что сама природа не иницирует.

Однако у желания актуализации потенциальной природы есть дополнительный мотив, связанный с экономическим детерминиз-

мом. Искусственный интеллект призван решать вопросы организационно-управленческого, мобильного характера и тем самым влиять на эффективность и конкурентоспособность социокультурных систем.

Таким образом, потенциальная природа содержит принципиальную возможность создания субъекта диалога с человеком. И эту возможность актуализирует сам человек. Как только ему удастся актуализировать подобный интеллект возникнет совершенно новая ситуация для обсуждения вопроса о коэволюции. Пока же мы остаемся при проблеме коэволюции когда человеку приходится раздвигаться в форме своего и природного голосов и пытаться вести диалог. Но мы должны отметить, что таких людей еще не много. Скорее речь идет о самом человеке, чувствующем угрозу собственной жизни и пытающемся ее минимизировать доступными для него экономическими средствами. Подобные выводы могли бы дать нам повод вообще отрицать проблему коэволюции как таковую. Однако реальная практика развития человеко-машинных систем говорит о том, что этот процесс имеет место. Так, С.Улам, будучи участником одного из первых численных экспериментов на ЭВМ первого поколения понял важность и эффективность синергии как процесса непрерывного сотрудничества между машиной и ее оператором. Единственное что может настораживать в коэволюционной системе так это то, что образующие ее элементы обладают некоторой самостоятельностью функционирования(микрофлуктуациями). Коллективное взаимодействие элементов приводит к тому, что эта автономия постоянно подчиняется задаче устойчивого функционирования системы. Фактически речь идет о метасистеме, интегрирующей две диссипативные структуры и обменный процесс между ними. При определенных условиях это взаимодействие может приобретать нелинейные значения и тогда обратные отрицательные связи должны заменяться положительными обратными связями между элементами, в рамках которых микрофлуктуации могут выходить на уровень макрофункций и влиять на качественную трансформацию метасистемы.

Экология стала одной из первых наук, четко определивших понятие метасистемы как интегрированных диссипативных структур в форме культуры и географической среды. Эта метаструктура стала обозначаться как дом. В результате общественное сознание оказа-

лось перед необходимостью пересмотра значений уже устоявшихся терминов. Самое важное состоит в том, что этот пересмотр начался.

В рамках постмодернистского этапа современной культуры текст и образующие его слова стали предметом тотального пересмотра в духе коэволюции. Эпохе одних лишь противопоставлений и бинаризма приходит конец. По всем направлениям анализа культуры идет поиск механизмов вместедействия еще не так давно противостоявших и противопоставлявшихся элементов. Ж.Деррида очертил начало этого пересмотра технологией деконструкции.

Таким образом некоторые признаки указывают на то, что в коэволюции стал заинтересован сам человек и эту заинтересованность он пытается реализовать через пересмотр мировоззренческих оснований современной культуры. Он пытается убедить себя в необходимости новых принципов бытия. Оказывается коэволюция в форме синергии имеет не только чисто альтруистическую ценность, но и прагматическую.

Обнаружение коэволюции в человеко-машинных метасистемах лишний раз напоминает о необходимости специального рассмотрения феномена техники.

За греческим словом «техника» скрывается несколько значений. Речь идет об 1)искусстве исполнения чего-либо, 2)мастерстве обработки чего-либо(плотницкое, ткацкое и др. мастерства), 3)артефактах, созданных человеком в виде орудий труда и машин для инструментального использования в процессах деятельности, 4)артефактах, созданных человеком для выполнения задач контроля и управления, сбора и обработки информации(искусственный интеллект), 5)потенциальной природе, актуализирующейся человеком благодаря собственным творческим способностям и систематичным научным исследованиям.

Создание техники является необходимой предпосылкой для формирования условий для совместного труда с ней человека. Этот контакт в виде диалога складывается уже на уровне простейших орудий труда и все время актуализируется по мере усложнения функций деятельности и делегировании доверия устройствам с точки зрения их надежности и безопасности.

Вместедействие человека с техникой обнаруживает невероятное увеличение его возможностей в освоении географического пространства и решении различных задач. Эта эффективность обуслав-

ливают необходимость обеспечения непрерывного воспроизводства объекта воздействия техники, поскольку от его наличия зависит систематичное применение артефактов различного функционального назначения. Еще в средние века в Европе были продуманы меры по природоохранным мероприятиям в области лесозаготовок. Так как они напрямую влияли на саму возможность лесозаготовительной деятельности как систематичного занятия и определенного вида искусства.

Новый этап в развитии человеко-машинных систем наступил в XX столетии, когда принятие решений стало вместедействием человека и машины, под которой понимается устройство с его совокупным математическим обеспечением и моделью мира в виде алгоритма.

В результате техника перешла в область управления и был дан сигнал постиндустриализации и информатизации глобальной социокультурной системы, обусловленной мировым энергетическим кризисом, усилившимся экологическим движением. Постиндустриализм и коэволюционизм стали созвучными понятиями по причине их ориентированности на экономичное, высокорентабельное использование материалов и энергии.

Постиндустриальная модернизация Беларуси обусловлена как закономерностями глобального, так и регионального характера. Региональный фактор определяется завершением переходного периода во взаимоотношениях поставщиков и потребителей углеродистого сырья. Глобальная закономерность проявляется в растущем спросе мирового рынка на продовольственную продукцию и катастрофическому уменьшению предложения подобной продукции. Беларусь имеет перспективу заполнения регионального и мирового рынков имеющейся у нее номенклатурой товарной продукции. Фактически речь идет о реализации двух взаимосвязанных задач – радикальном сокращении затрат энергии на единицу изделия и максимально большом увеличении объемов выпуска высококачественной и высокотехнологичной продукции. Внешний рынок потребляет практически все что готова предоставить ему белорусское производство. Постиндустриализация позволит стабилизировать бюджет в аспекте соотношения экспорта и импорта и располагать свободными финансовыми ресурсами для осуществления социальных и экологических программ.

Постиндустриальная модернизация Беларуси предполагает создание 1)высокотехнологичного аграрно-производственного комплекса,специализирующегося на мясо-молочной продукции, зерне, льнопродукции, овощах и фруктах, тепличной продукции.

На основе этого комплекса стабилизируется социальная структура агрогородков, малых и средних городов, входящих в зону аграрно-промышленного производства. Будет обеспечено финансирование локальных социальных программ, инфраструктуры и коммуникаций.

Высокотехнологичность предполагает реализацию инновационных программ по сельскохозяйственной технике, элеваторному и сушильному оборудованию, котельным, предприятиям мясо-молочного профиля,тепличным комплексам и др.

2)высокотехнологичного системотехнического комплекса производства промышленной продукции. Это позволит завершить кооперацию производств внутри страны и обеспечить полный цикл технологических операций как по комплектующим, так и по сборочному этапу. Важную роль в решении этой задачи призвана сыграть отраслевая наука, проектные организации.

3)высокотехнологичного транзитно-логистического комплекса, обладающего достаточными пропускными возможностями, необходимым уровнем сервисного обслуживания и дисциплины, новейшим оборудованием и транспортной техникой, упаковочно-контейнерным производством, площадями для оперативной разгрузки и хранения грузов, технологиями электронного декларирования грузопотоков.

4)комплекса инновационной деятельности, включая полный и неполный ее циклы.

5)комплекса образовательных услуг.

6)комплекса социальной работы как основного сегмента реализации социальных программ.

7)высокотехнологичного энергокомплекса, основанного на методологии диверсификации, учета и контроля.

8)инвестиционно-банковского комплекса.

9)комплекса оптико-волоконной мобильной связи и доступа к информации, электронных услуг.

Соответственно выделенной структуре деятельности сформируется социальная структура белорусского общества, представленная

агрократией, технократией(промышленный сектор), социальными менеджерами и социальными работниками, экократией(работниками лесного и водного хозяйства), меритократией(научными работниками), государственными служащими, работниками культуры, работниками ЖКХ, студенчеством и учащимися, пенсионерами, категориями людей логистического и сервисного обслуживания.

Важную роль в процессах постиндустриализации будет играть фактор инновационного менеджмента.

Литература:

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.,2000.
2. Богатырева Е.А.Завершен ли «проект» постмодерна?//Вопросы философии, 2009,№8
3. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. – М.,1985.
4. Горохов В.Г. Методологический анализ научно-технических дисциплин. – М.,1984.
5. Девятко И.Ф.//Глобализация и постсоветское общество./Аспекты 2001/. – М.,2001.
6. Ерасов Б.С. Цивилизации. Универсалии и самобытность. – М.,2002.
7. Иноземцев В.Л. На рубеже эпох. Расколота цивилизация. – М.,2003.
8. Иноземцев В.Л. Пределы «догоняющего» развития. – М.,2000.
9. Лойко А.И. Модернизация деятельности: философско-аксиологический аспект. – Мн.,1997.
10. Межуев В.М.//Этатистские модели модернизации. – М.,2002.
11. Моисеев Н.Н.Универсальный эволюционизм и коэволюция//Вопросы философии, 1989, №4.; его же. Еще раз о проблеме коэволюции//Вопросы философии, 1998, №8.
12. Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина, или ресурс человечества. – М.,1999.
13. Новикова И.В.//Инновационные аспекты трансграничного сотрудничества. Мн.,2009.

14. Ньютон Р.Р. Преступление Клавдия Птолемея. – М.,1973.
15. Опыт российских модернизаций ХУ!!!-XX веков. – М.,2000.
16. Пашковский Г.М.//Беларусь и Россия на пути в ХХ! Век. Сборник научных трудов. – Мн.,2000.
17. Пузановский А.Г., Морозов А.Л. Государственное регулирование в условиях модернизации азиатских стран. – Кострома, 2002.
18. Ракитянский Н.М.//Россия. Планетарные процессы. – Спб.,2002.
19. Словарь иностранных слов. – М.,1949.
20. Согомонов А.Ю.//Глобализация и постсоветское общество/Аспекты 2001/. – М.,2001.
21. Терлюкевич И.И.//Инженерная деятельность: история, методология, социальные проблемы. – Мн.,1990. Т.1.
22. Трубицын Д.В. Культурный детерминизм в концепции модернизации: философско-методологический анализ//Вопросы философии,2009,№8.
23. Фиц М.//Инновационные аспекты трансграничного сотрудничества. Мн.,2009.
24. Фрейд З.Очерки по психологии сексуальности. – Мн.,1990.
25. Фрейд З. Психоаналитические этюды. – Мн.,1991.
26. Фромм Э. Человек для себя. – Мн.,1992.
27. Этатистские модели модернизации. – М.,2002.
28. Юнг К.Г. Современность и будущее. –Мн.,1992.
29. Park R.E., Burgess E.W., McKenzie R.D. The City. – Chicago,1926.
30. Robertson R.//Featherstont M., Lash S., Robrtson R(Eds). Global Modernitis. – London,1995.

Глава 2. Инновационное развитие и высокие технологии¹

Существует, по меньшей мере, два способа рационального объяснения решения проблемы модернизации отечественной экономики, которые основываются на методологии конструктивно точной науки. Первый способ – концептуальный, реализуется посредством анализа соотношения понятия модернизации с рядом других понятий – приоритеты развития, индустриальная экономика, инновационное развитие, экономика знаний, высокие технологии, глобальная экономика, аутсорсинг, идеология и инновационное образование. Другими словами, можно объяснять модернизацию экономики, отвечая на вопрос: что собой представляет модернизация, в чем ее сущность. Второй способ объяснения – инструментальный связан с ответом на вопрос: как, каким образом можно решить эту проблему, какие инструменты следует использовать и почему. Философский дискурс обязывает рассматривать в качестве главного фактора – субъективный, человека. Однако успешность модернизации отнюдь не сводится к идеологическим факторам, а представляет собой правильно выбранные приоритеты развития и их успешную реализацию.

С формальной точки зрения предмет разговора - стратегический менеджмент. Однако основная идея состоит в обосновании положения о том, что возможно программирование успешной деятельности не только отдельной личности, но и целого государства. Опыт экономического развития «азиатских тигров» (и не только) показал, что государство может совершить экономическое чудо - осуществить скачок из стран «третьего мира» в высокоразвитые. Например, Сингапур, через 30 — 40 лет после поставленной цели достиг ее. В настоящее время по уровню доходов на душу населения Сингапур превзошел США, его валовой национальный продукт почти в 1,3 раза превышает ВВП богатой природными ресурсами 50-миллионной Украины. Видя успех соседнего Сингапура, этим же путем пошла Малайзия, которая стремительным экономическим ростом продемонстрировала всему миру, что мусульмане также могут проявлять способности и экономическую изобретательность.

---

¹ Данный раздел подготовлен совместно с Цепкало В.В. и Павловой О.Н.

Финляндии удалось по уровню человеческого развития занять первое место в Европе и разделить первую строчку в этом рейтинге в мире с Сингапуром. Такое же чудо совершила католическая Ирландия, опровергающая правильность соответствующих выводов Макса Вебера, считавшего, скажем, протестантов более склонными к экономической деятельности, чем католики.

Опубликовано целый ряд примеров экономической модернизации национальных экономик на основе инновационного развития. Нельзя недооценивать в связи с этими экономическими победами гуманитарно-идеологический аспект. Поэтому для нас особый интерес представляют те рецепты и инструменты, которые позволили ряду стран мира не только догнать, но и перегнать самые развитые страны мира, в том числе и США.

Роль идеологии. Известно, что перед наступлением во время Великой отечественной войны проводилась мощная артподготовка, которая во многом определяла исход сражения. Аналогичную роль играет идеологическая работа и, в частности, пропагандистская подготовка, которая готовит самое главное для успеха любого начинания – команду единомышленников. Герб, флаг и гимн – это неотъемлемые символы государственной идеологии, ее так сказать реальные атрибуты. Задача идеологической работы состоит в том, чтобы эти символы освещали каждодневную практическую деятельность через ощущение необходимости и полезности своего труда, через ощущение гордости за свою страну. Это возможно через способность страны и ее идеологии воодушевить народ на выполнение определенных задач. К таким задачам относится, прежде всего, создание экономики знаний, обретение инновационного пути развития.

Следует различать теорию и идеологию. Как известно, идеология понимается в философии в нескольких смыслах. Идеология выступает символом духовного, идеального, связанного с человеком, его сознанием, духовным миром. В этом смысле К.Маркс подразделял отношения на два типа - материальные и идеологические, или духовные. Именно этот расширительный смысл идеологии используется в данном тексте. Второй смысл идеологии заключается в ее апологетической функции - легитимации власти, защите ее интересов. Как правило, задача идеологии состоит в том, чтобы скрыть подлинные интересы чиновников и бюрократов, которые, в случае

расхождения с интересами простого народа, пытаются отвлечь от протестных форм и борьбы за власть, направить протестный электорат в «мирное русло». Речь идет о политической идеологии, которую К.Маркс называет «извращенным сознанием». И, наконец, третья, конструктивная форма идеологии, которая нас будет интересовать, прежде всего, и которая, на наш взгляд, до сих пор остается Золушкой в силу неопределенности приоритетов. Именно идеология как конструктивная теория развития общества, на наш взгляд, не получила должной разработки, поскольку до сих пор не удалось соединить приоритеты общественного развития с реальной общественной психологией. Идеология в этом методологическом смысле представляет собой учение о высших целях развития общества, а также совокупности средств достижения этих целей. В реальной экономической и политической деятельности цели общества и государства конкретизируются в виде приоритетов экономического и социального развития, и нуждаются в мощном идеологическом обосновании и поддержке.

На этом конструктивном пути белорусская идеология перестанет искать некую абстрактную идентичность и свою «белорусскость», избавится от комплексов неполноценности как развивающаяся страна (подобно сингапурцам, малазийцам или ирландцам) и станет обслуживать наиболее приоритетные направления и задачи во всех сферах общественно-экономического развития. Другими словами, задача нашей идеологии состоит в том, чтобы доказать на деле, что белорусы могут быть изобретательны, предприимчивы, находчивы и способны конкурировать на самых высокотехнологичных и престижных сегментах мирового рынка. Нет народов, больше или меньше других заслуживающих процветания и благодати. Нет религии, больше или меньше способствующей экономическому росту. Есть законы экономики, которые одинаковы для любого, пусть даже самого отсталого, общества. Особенно это становится актуально в условиях глобального финансово-экономического кризиса, который излечивает мировую экономику от перекосов и дает шанс нашему государству построить «экономику знаний», основанную на приоритетах реального сектора.

Анализ опыта экономической модернизации показывает, что разработанные экономические программы становились основой национальных идеологий, ибо предусматривали меры в решении

задач, связанных с человеком, инициированием веры в творческие способности и инициативу исполнителя, его моральные, культурные и духовные ценности. Идеологическое обеспечение экономической модернизации отнюдь не сводится к усвоению формальных показателей, либо следованию абстрактным идеям экономического либерализма и прав человека. Речь должна идти о постановке перед собой и своим народом четких, ясных и простых для понимания целей по принципу своеобразной всеобщей мобилизации типа: «Все на борьбу за ...». В качестве такой цели, например, Сингапур поставил перед собой одну из приоритетных задач - через пять лет стать самой чистой столицей мира. На самом деле чистота в доме, городе и стране - один из признаков собранности и мобилизованности народа. С чего начался взлет современного Запада? Он начался с того, что жители Флоренции облачились в белые одежды и очистили от отходов и грязи улицы своего города. США и ее возрождение после великой депрессии началось со строительства «хайвеев» - автострад, которые обеспечили мобилизационно-идеологическую и инфраструктурную составляющие Америки на тот исторический период.

Задача идеологии на любом периоде развития общества - достигнуть единения и духовного подъема народа в деле выполнения общенародных задач. Если на корабле нет команды, способной четко исполнять распоряжения капитана, а есть укомплектованное штатное расписание, то такой корабль обречен. Задача идеологии и состоит в удивительном превращении некоторого количества людей в команду, способную к достижению поставленных целей, коллектив единомышленников.

Следует заметить, что Беларусь движется в форватере экономической модернизации и сделала ряд шагов в этом направлении. Принятая Президентом Беларуси программа за чистоту и порядок привела к тому, что Беларусь стала одной из наиболее чистых и ухоженных стран Центральной и Восточной Европы.

Сингапур, преследуя далеко идущие цели, не только ввел запрет на курение в общественных местах, но и поставил задачу всего за десятилетие сделать город финансовым центром Юго-Восточной Азии. Для реализации этой задачи вся государственная система должна была работать как единый отлаженный механизм. И эта задача была решена. Аналогичным образом действовала Малайзия.

Она поставила амбициозную задачу в течение двух пятилеток стать азиатским центром по разработке телекоммуникационного оборудования и информационных технологий. За 10 лет был создан Парк высоких технологий, получивший название "Информационная супермагистраль". Страна стала одним из трех крупнейших в мире производителей полупроводников, кондиционеров, телевизоров и видеоаппаратуры. Тайвань поставил перед собой задачу стать мировым лидером в области микроэлектроники и через 3 - 4 пятилетки вышел на второе место в мире после США по производству микроэлектронных компонентов. Корея решила стать сначала одним из лидеров в области производства компьютеров. Потом решила сфокусироваться на производстве жидкокристаллических мониторов. Следующая пятилетка уже была посвящена тому, чтобы вырваться в мировые лидеры по производству мобильных телефонов.

Четкие цели необходимы не только для воодушевления населения, но и государственного аппарата. В частности, государственный аппарат начинает работать системно, как единый хорошо отлаженный механизм с его министерствами и ведомствами. Речь идет о министерстве экономики с его преференциями в налогообложении приоритетного бизнеса, министерстве образования, которое по приоритетному для государства направлению начинает готовить нужных специалистов полностью за счет бюджетных средств либо взимая минимальную плату за обучение. Не остаются в стороне и другие государственные структуры: министерство информации, министерство иностранных дел и др.

Роль государства. Одной из важнейших составляющих идеологии Белорусского государства, которая обслуживает экономическую модернизацию отечественной экономики, является изменение парадигмы государства по контролю над экономическим развитием. Речь идет о деbüroкратизации государства, его либерализации, изменении стиля взаимоотношения государства и бизнеса. Естественно, что контроль государства над бизнесом необходим. Любая деятельность, претендующая на статус успешности, содержит в себе этап контроля, проверки с целью последующей коррекции. Более того, функция проверки и контроля деятельности хозяйствующих субъектов является одной из главных в государстве. И от того, каков тип взаимоотношений между проверяющим и проверя-

емым складывается в основном благоприятный климат для деловых людей.

Анализ менеджмента, например, китайской экономики показывает большую роль государства и идеологии в развитии китайского бизнеса. При этом бизнес, потенциально имеющий перспективы роста, особенно бизнес с высокой добавленной стоимостью, прежде всего хайтек, получает преференции у государства. В новой форме взаимодействия государства и бизнеса и проявился успех ряда стран Юго-Восточной Азии. Именно в партнерстве властей и инновационного бизнеса заключался секрет знаменитой американской Силиконовой долины, позволившей в то время губернатору Калифорнии Рональду Рейгану вернуть Америке экономический успех, самоуважение и гордость за свою страну.

Таким образом, на примере ряда стран видно как государственный аппарат стал совершенным средством целевой поддержки, информирования и консультирования того бизнеса, с которым страна связывает свои конкурентные преимущества в мире. По образному выражению «Тигр» бюрократии впрягся в одну упряжку с «ланью» бизнеса.

Глобализация в мировой экономике приводит к тому, что изоляционизм становится приговором для национальных экономик на вечное отставание. «Аутсорсинг» - вынос непрофильных производств или процессов за пределы основной компании привел к противоречивым последствиям. С одной стороны, он способствует развитию национальных экономик в случае работы в сфере «хайтека». Иное дело – «грязное» или сборочное производство. Было принято решение, что в нашей стране следует заниматься аутсорсингом компьютерных программ. Для этого Президент А.Лукашенко пошел на беспрецедентный шаг, создав лучшие в Европе условия для развития экономики, основанной на знаниях.

Роль науки и инновационного образования. Как известно, для традиционной, индустриальной экономики роль образования не так уж велика. Никаких особых знаний для работы на конвейере не требуется. Необходимо, лишь послушание, усидчивость и дисциплинированность. Не случайно система наук превращается в систему дисциплин. Иное дело, «экономика знаний», в которой умения и интеллект являются главной производительной силой. Они позво-

ляют создавать высокую добавленную стоимость, что является основной целью новой экономики.

Чтобы ответить на вопрос, почему происходят сбои в нашей науке и образовании на пути к экономике знаний, обратимся к реалиям. В жизни ученых есть одна проблема, которая вопиет о себе. Мы имеем в виду проблему взаимоотношения науки и практики, а если точнее, абстрактно-теоретический характер современной науки, ее удаленность от реальной жизни и вследствие этого ее финансовую несостоятельность. Наука как социальный институт в виде академической, вузовской и зачастую прикладной науки во многом не оправдывает надежды ни государства, ни общества. Она еще не стала стержнем рыночного и инновационного развития и по-прежнему не дает нужной отдачи. Многие ученые не могут или не хотят заниматься реальными проблемами, решение которых может дать результат в виде коммерческого продукта. Разумеется, это не касается развития фундаментальных наук, которые по определению имеют право на свободный теоретический полет и право на существование получают в виде грантов. Как вытекает из идеологии и политики государства, наука должна быть ближе к жизни. Для решения этой проблемы был усилен топ-менеджмент НАН, проводится ряд совещаний и заседаний. Однако «воз и ныне там». И дело вовсе не в плохом менеджменте, а в том, что затрагиваются интересы людей, поэтому «опровергаются геометрические аксиомы».

Наука как интеллектуальный ресурс для практики. Ситуация с современной наукой лишь подтверждает тезис о том, что не все, что было, прошло безвозвратно, так сказать, кануло в лету. Большинство наших ученых – субъекты советской действительности, с одной стороны, и психология иждивенчества - с другой, сделали свое дело. Вместо осмысления процессов реальной жизни, философы в большинстве своем занимаются абстрактными, весьма удаленными от жизни проблемами: логико-историческими, гносеологическими и др., которые все сводят к анализу понятий. Не отстают от них по части схоластического теоретизирования и конкретные науки. При этом наукообразии, частокोल зубодробительных абстракций, зачастую используется лишь для того, чтобы создать видимость высокой науки, а по существу скрыть научную импотентность в смысле практической несостоятельности. Эти ученые под прикрытием аб-

страктной специфики языка науки, рассматривают такие же абстрактные, зачастую никому не нужные, надуманные проблемы, которые используются в качестве тем для кандидатских, докторских диссертаций, т. н. госбюджетных и других тем. Результатами таких исследований являются научные отчеты (подвергающиеся «грызущей критике мышей»), а также условный экономический эффект. Между тем, государство платит им не условные, а вполне реальные деньги. Уступая велению времени, и выполняя инструкции ВАКа, ученые «внедряют» свои открытия и разработки в образовательную практику. Другой практики, по-видимому, они в большинстве своем не знают. Конечно, это общая картина или правило, из которого, к счастью, есть исключения.

Почему для исследования избираются не актуальные проблемы, а такие, решение которых практически никогда не приводит к коммерческому продукту. Прежде всего, потому, что проблемы ищут не там. Эти проблемы находятся не в голове исследователя, а в цеху, в министерстве, школе, то есть там, где осуществляется реальная практическая деятельность, задыхающаяся в плену нерешенных проблем, которые надо увидеть, очистить от наслоений ординарной деятельности и сформулировать как собственно научную проблему, предполагающую возможные способы ее решения. Таким способом, анализируя реальную практическую деятельность, возможно создание целого проблемного поля. Однако пока нашим ученым на это поле путь заказан. И главное препятствие - это они сами, точнее менталитет «теоретика», а также негативное отношение производственников к науке, которая «путается у них под ногами». Другими словами, необходимо наладить взаимодействие ученых с реальной жизнью, которое представляет собой актуальнейшую проблему современного менеджмента по модернизации, прежде всего, реального сектора экономики. На наш взгляд, нашей науке еще предстоит сформулировать наиболее актуальные проблемы реальной жизни в различных сферах деятельности, а затем ранжировать их в виде приоритетов, но главное - найти пути их решения. И если эти решения действительно расшивают узкие места реального производства или других практик, то материальное вознаграждение не заставит себя долго ждать.

Вернемся к обсуждению причин сложившейся ситуации. Причины не однозначные, и носят комплексный характер. Прежде все-

го, дает о себе знать менталитет того самого уравнилельного социализма, который на самом деле социализмом не являлся. Приоритет теории над практикой освещал нашу деятельность. Покажем это на примере. Скажем, вам следует поработать над проблемой повышения культуры обслуживания, например, в общепите. Мы собираем конференцию на аналогичную тему и добросовестно обсуждаем эту проблему, включая понятие культуры, ее разновидности, специфику клиентуры (потребителей) и даже разработаем рекомендации?! Но жизнь показывает, что возможен и другой сценарий. В кафе или ресторане работает менеджер, который следит именно за тем, чтобы клиент был главным действующим лицом, и в случае какого-либо сбоя начинает с извинений и решения проблемы по существу. В первом случае теория и практика практически не пересекаются, во втором - приоритетом является именно практика обслуживания и повышение ее качества.

Примат теории над практикой является тотальным, и эта установка определяет решения многих чиновников от науки и не только. Возьмем, к примеру, инженерно-техническую деятельность. Этот пример рассказывал нам настоящий инженер, доктор технических наук, профессор Анатолий Иванович Добролюбов. Представьте себе следующую ситуацию. В одном академическом институте машиностроительного профиля сломался станок с ЧПУ (с числовым программным управлением). Между тем, в этом самом институте есть несколько докторов технических наук – специалистов высшей квалификации, по определению. Однако ни один из этих специалистов этот станок, как, впрочем, и любой другой, не починит, поскольку они специалисты в области карандашно-бумажных операций. И ремонтировать приходится завлабу дяде Васе, который хотя и закончил аспирантуру, но диссертацию не защитил, поскольку не смог променять отвертку на карандаш, решение практических проблем заменить суррогатом абстрактных теоретических изысков. И одно из таких «социалистических решений» - безрукий инженер. Слава богу, что этот подход миновал врачебную практику и образование. Медицина еще сохранила трезвость ума и в состоянии различить теорию в виде карандашно-бумажных операций и врачебную деятельность или врачевание.

Проблемы современного образования. Подобный теоретико-схоластический уклон наблюдается во всех сферах науки как соци-

ального института, в том числе образования как сопряженного с наукой феномена. Парадоксально, но факт. Основное содержание образования инженера составляют расчеты, которые занимают до 80 % учебного времени студента. Сравните этот абстрактно-теоретический подход в подготовке инженера с реальной инженерной практикой, то есть той деятельностью, которой занимается инженер по жизни. Теперь, мы, думаем, становится понятно, почему у нас тяжелая промышленность «самая тяжелая в мире», а десятилетнее японское авто дает фору новым «Жигулям». К великому сожалению, безрукий инженер, бездушный педагог и непрофессиональный специалист - это не плод безудержной фантазии авторов. И все эти безобразия в образовании и науке густо приправляются значительной долей социального обскурантизма по принципу: хороший студент - хороший инженер, плохой студент - главный инженер.

Чтобы быть правильно понятыми, обратимся к проблеме соотношения теории и практики на уровне абстрактного подхода, без которого, разумеется, не обойтись. Однако он не должен быть самодовлеющим. Мы по-прежнему, считаем, что теория является высшим критерием научности, а чисто эмпирические исследования заслуженно получают кличку ползучего эмпиризма. Все дело в акцентах, в правильном соотношении теории и практики. «Нет ничего практичнее хорошей теории» – вот наше кредо. Никто не против хорошей теории, скажем больше - без нее не обойтись. Однако только в одном случае – если теория выступает в качестве интеллектуального ресурса, теоретической поддержки практической деятельности. Иначе мы будем иметь то, что имеем. В статьях и монографиях читаем «следует проанализировать, разработать, необходимо расширить, требует дальнейшего развития ...». По нашему глубокому убеждению, следует переходить на проектный язык и вместо абстрактных заклинаний переходить к решению конкретных проблем, которое будет включать в себя ответы на следующие вопросы: кому это нужно и почему, кто это будет делать и почему, кто финансирует эти разработки, а также необходимое время.

И, наконец, о требовании и критериях научности ВАКа в смысле соотношения карандашно-бумажных операций и конкретных разработок и достижений в инженерно-технологической сфере, художественно-творческой, в сфере развития высоких технологий и т. д. Начнем с вопроса. Получил ли бы степень доктора технических

наук и звание профессора Калашников Михаил в белорусском ВАКе. Мы имеем в виду гениального изобретателя АК - автомата Калашникова. Ответ однозначный – НЕТ. Даже, при помощи своего гениального изобретения. Потому что, изобретение и практико-ориентированные разработки это не наука, согласно инструкциям ВАКа. Режиссеры международного уровня, тренеры, подготовившие олимпийских чемпионов, разработчики программного обеспечения на уровне мировых стандартов, разработчики высоких технологий и т. д., в белорусском ВАКе научной степени не получают. Кстати М. Калашников получил степень доктора технических наук без предоставления диссертации в ВАК СССР.

Ориентация на теорию как высший критерий научности – это похвально. Но как быть с тем фактом, что на улице 21 ВЕК. НЕКОГДА ТАКОЕ ПРОЗРАЧНОЕ ДЕЛЕНИЕ НА ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ НАУКИ ПРЕВРАТИЛОСЬ В ЕДИНУЮ НАУЧНО- ТЕХНОЛОГИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С ИННОВАЦИОННОЙ И КОММЕРЧЕСКОЙ ДЕТЕРМИНАНТАМИ. Появились иные критерии социальной значимости науки кроме теоретических. Мы имеем в виду, прежде всего, инновационно-технологические.

Не хочется думать, что серость в науке и возможность спрятать свою научную несостоятельность за схоластикой возьмут верх над реализмом и усилиями ученых в деле реализации цели «За сильную и процветающую Беларусь». Что же касается ученых степеней, то можно воспользоваться мировым опытом и присуждать ученую степень доктора философии в области бизнеса, рекламы, спорта, и т.д., при условии, что эти разработки и инновации соответствуют высшим мировым стандартам в деле решения актуальных проблем в различных сферах культуры, будь то медицина, спорт или искусство. В условиях рынка эти новации будут превращены в коммерческий продукт наивысшего качества.

Инновационное образование и экономическое развитие. Как видно из предыдущего изложения новация и инновационное развитие становятся ключевыми реалиями нашей жизни. Именно поэтому «Инновационное образование» стало наиболее раскрученным «хитом» современной педагогической науки. И причины этого явления находятся отнюдь не в педагогике как науке или в инноватике, как современной педагогической теории об инновациях. Различ-

ное понимание инновационного образования имеет субъективные и объективные причины. Субъективные причины связаны в основном с ошибочным менталитетом абстрактного теоретизирования. Объективные - с теми преобразованиями в современной культуре и, прежде всего экономической, научной и технологической деятельности, которые имеют воистину революционный характер. Эта революция носит информационно – технологическую природу и имеет экономические, социальные и образовательные последствия. Образование, как сфера культуры является взаимосопряженной, с одной стороны с наукой, с другой с производством. Понимание смысла инновационного развития в науке, технологиях и современной экономике – ключ к пониманию смысла современного инновационного образования.

Построим концептуальную модель инновационного образования в проблемном поле: наука – образование – производство. Естественно, таких моделей можно построить несколько, в зависимости от ракурса рассмотрения. Например, в проблемном поле человеческого, личностного развития, или поле культуры, рассматривая ее как совокупность способов деятельности, творчества и т. д.

Образование, рассматриваемое генетически, представляет собой органическое единство с материальным производством и наукой. До появления образования как социального института, оно существовало в виде синкретичной деятельности, включающей в себя спонтанную социализацию и обучение через имитацию. С появлением учебных заведений происходит институализация образования. Это дает возможность различать формальное и неформальное образование. В эпоху промышленных революций образование непосредственно связывается с материальным производством. Образовательная деятельность как составная часть духовного производства основывается, прежде всего, на деятельности познания. Первая промышленная революция, которая вызывает к жизни инженерные науки, непосредственно связывающие науку с материальным производством, приводит и к становлению образования классического типа, которое соответствует технико-машинной цивилизации. Техника и знания о ней, а также естествознание на службе техники определяют развитие образования.

Материальное производство, являясь основной детерминантой развития образования, породило такое качество последнего, как

массовость. «Массовое образование, — считает Э.Тоффлер, — было хитроумной машиной, сработанной индустриальным обществом, чтобы производить сорт взрослых, которые были ему нужны. Проблема была необычно сложной. Как приспособить детей к новому миру, миру постоянной работы в цехе? Решением оказалась воспитательно-образовательная система, которая своей структурой повторяла этот новый мир. Сама организация знаний, постоянная дисциплина были перенесены из индустриального производства».

В настоящее время произошли кардинальные изменения в современной науке. Наряду с классической наукой с ее традиционным делением на фундаментальную и прикладную появилась неклассическая наука, вернее научно-технологическая деятельность, которая наиболее востребована обществом, так как «работает на рынке услуг и товаров», т.е. является интеллектуальным ресурсом экономических инноваций. И это новые реалии современной науки, с которыми нельзя не считаться. Информационно-технологическая революция (компьютер – это ее реальный символ) привела к синтезу науки, производства (бизнеса) и образования. И если раньше требование союза науки, образования и производства было благим пожеланием, то в настоящее время это – приоритет современного инновационного развития.

Чем принципиально отличается современная наука от классической. Прежде всего, тем, что она строится по принципу проектирования, становится культуротворчеством - основой техногенной цивилизации. Как известно, истина конституирует классическую науку. Это означает, что поиск объективной истины составляет основную цель и ценность познавательной деятельности. Разумеется, что по отношению к практической деятельности человека наука является средством решения проблем, стоящих перед человеком, средством удовлетворения его потребностей. Истина в науке, изобретение в инженерии, научно-технологические решения в современной культуре превращаются в средства удовлетворения потребностей потребителя. Это означает не что иное, как превращение результатов научной, изобретательской и иной деятельности в экономические явления. Они становятся нововведениями на рынке товаров и услуг, предоставляя возможность свободного выбора потребителям и получения экономического эффекта для производителя. Английское "innovation" – инновация и означает "введение но-

ваций", "нововведение", в буквальном смысле "введение нового", - процесс использования новшества не только в научно-технологическом, но и рыночном, хозяйственно-экономическом смысле. Инновационное развитие, наукоемкие технологии, получившие в экономической литературе название «высоких технологий» становятся приоритетами не только продвинутых корпораций, но и политикой некоторых государств, совершивших рывок из отсталых в процветающие. Инновационное образование – детище инновационных сдвигов в современной науке, производстве, культуре и социуме в целом, и, поэтому, всецело должно им соответствовать.

Вместо подведения итогов, сформулируем требования к инновационному образованию.

1. Образование определяется, зависит, соответствует и обслуживает современную высокотехнологическую науку, а вместе с ней служит современному производству (экономике).

2. Инновационная экономика задает приоритеты и правила игры науке и образованию.

3. Инновационное образование ориентируется на приоритеты экономического развития.

4. Инновационное образование должно соответствовать профилю страны в международном разделении труда.

5. Инновационное образование, вслед за наукой подчиняется главному критерию – служить экономике и востребованности на рынке в виде коммерческой услуги.

6. Учеба в институте и работа на производстве - единый процесс творчества

7. Необходимо выпускать таких специалистов, которые создают, прежде всего, национальное богатство страны

8. Необходимы преференции для приоритетных (программисты, инженеры, строители) специальностей и направлений подготовки.

9. К сожалению, наше образование готовит специалистов, которые зачастую не работают по специальности.

10. Образование дает знания, не востребованные обществом, экономикой.

11. В образовании не разработана система востребованности.

12. Образование зачастую - бесполезная трата денег для государства.

13. Образование для личности, иногда – неудачный старт, возможность попасть в ловушку лузера, подталкивание к эмиграции.

14. Необходимо срочно вводить «кейс-образование», основанное на совокупности проблем и задач реального сектора экономики

15. Нужны новые технологии обучения, основанные на симбиозе науки, образования и производства

16. Следует переходить от дисциплин к проблемно ориентированному образованию-производству

Инновационная экономика и инновационная инфраструктура² В последние годы широко используются понятия «новая экономика», «экономика, основанная на знаниях», которые означают, что в данном типе экономик основным фактором роста является масштабное использование новых знаний в практической деятельности субъектов хозяйствования. Часто полагают, что единственным источником нового знания являются научные исследования и опытно-конструкторские разработки. Однако новое знание появляется не только в результате деятельности ученых и инженеров, но и в сообществах предпринимателей, менеджеров и т.п. Под категорией «новое знание» подразумеваются инновации, т.е. полезные нововведения или новшества. Инновационный процесс, процесс создания, распространения и потребления субъектами экономики научно-технических, организационных, управленческих и других новшеств, является основным содержанием процесса модернизации экономики.

В индустриальных странах сформировалось отраслевое деление национальных экономик на: 1) отрасли добычи и первичной переработки сырья; 2) отрасли тяжелой, материало- и трудоемкой, промышленности; 3) высокотехнологичные отрасли, характеризующиеся относительно низкой материало- и трудоемкостью, но очень высокой долей затрат на НИОКР в добавленной стоимости; 4) отрасль «мягких технологий» (разработка программного обеспечения, консалтинг.)

Специфика технологий 3-й и 4-й групп состоит в том, что они основываются, прежде всего, на широком использовании результатов интеллектуального труда, т.е. новых знаний. В странах с новой экономикой, основанной на знаниях, отраслевая структура хозяй-

---

² Данный материал написан О.Н.Павловой.

ства меняется в сторону постоянного увеличения доли последних двух групп отраслей в структуре их народного хозяйства.

В странах, ориентированных на развитие «новой экономики», формируются национальные инновационные системы, которые представляют собой совокупность институциональных структур и механизмов для распространения и использования знаний. Такая совокупность обеспечивает эффективную интеграцию и координацию деятельности государственных структур, бизнеса, науки, промышленности, образования. Тем самым, предопределяя преобразование традиционной экономики в новую. Это означает, что наука и инновации в жизни современного общества приобретают совершенно новую роль и значимость.

Экономика общества является инновационной, если в стране:

- возможно получение на основе автоматизированного доступа и систем телекоммуникаций любой необходимой информации о новых или известных знаниях, инновациях (новых технологиях, материалах, машинах, организации и управления производством), инновационной деятельности, инновационных процессах;

- создаются и доступны каждому современные информационные технологии и компьютеризированные системы;

- существуют развитые инфраструктуры, необходимые для поддержания научно-технического прогресса и инновационного развития;

- возможна и проводится ускоренная автоматизация и компьютеризация всех сфер и отраслей производства и управления;

- происходят кардинальные преобразования социальных структур, в результате чего расширяется и активизируется инновационная деятельность во всевозможных сферах деятельности человека;

- положительно воспринимают новые идеи, знания и технологии и готовы к их применению и использованию;

- существует гибкая система опережающей подготовки и переподготовки кадров-профессионалов в области инновационной деятельности.

В каждой стране вырабатывается своя национальная система институциональных элементов, являющихся одновременно объектами и субъектами инновационной политики. Одну часть, которой составляют взаимосвязанные структуры, занятые производством и

коммерческой реализацией научных знаний и технологий в пределах национальных границ (малые и крупные предприятия, университеты, государственные лаборатории, технопарки, инкубаторы и т.д.). Другой частью является комплекс институтов правового, финансового и социального характера, обеспечивающих инновационные процессы. Причем имеющие прочные национальные корни, традиции, политические и культурные особенности. В совокупности они представляют собой национальные инновационные системы, принципы которой каждым конкретным обществом в разное время воспринимаются, создаются и реализуются по-разному.

В условиях перехода к новой инновационной экономике усиливается созидательная и регулирующая роль государства. В новых условиях требуются решения не только технических задач, но и широкого круга проблем, связанных с финансовым, организационным и правовым обеспечением технологических нововведений, с проблемами социальных последствий их внедрения. В связи с этим государство должно стать главным субъектом, вырабатывающим национальную стратегию развития, создающим механизмы саморегулирования и становления других эффективных институтов роста.

Основные документы, принятые в Беларуси в области инновационной деятельности:

1. Программа развития научно-инновационной деятельности (Постановление Правительства РБ, 1996)

2. Концепция и Программа развития промышленного комплекса РБ на 1998-2015 гг. (Указ Президента РБ, 1998.)

3. Концепция инновационной политики РБ на 2003-2007 гг. (Постановление Правительства РБ, 2003).

4. Программа структурной перестройки и повышения конкурентоспособности экономики РБ до 2010 г. (Постановление Правительства РБ, 2003)

5. Перечень приоритетных направлений фундаментальных и прикладных научных исследований РБ на 2006-2010 гг. (Постановление Правительства РБ, 2005.)

6. Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2007 – 2010 годы (Указ Президента Республики Беларусь от 26.03.2007 г. № 136)

Документами, принятыми на уровне государства, определено, что реализация национальной научно-технической и инновацион-

ной политики будет осуществляться в рамках программно-целевого метода на основе принципов: государственно-частного партнерства, прямой и косвенной поддержки инновационных программ и проектов, участия государства в развитии инновационной инфраструктуры и подготовке кадров.

В ряде документов получило подтверждение намерение уже в ближайшие годыкратно увеличить расходы на проведение научных исследований и разработок.

Государственной программой инновационного развития Республики Беларусь на 2007–2010 годы предусмотрено увеличение финансовых затрат на исследования и разработки за счет всех источников в 2,5–3 раза.

Одним из способов привлечения средств частного бизнеса в инновационную сферу является создание государственно - частных партнерств при реализации важнейших инновационных проектов, в том числе в рамках таких элементов создаваемой инфраструктуры, как бизнес - инкубаторы, технопарки, центры трансфера технологий, сеть которых уже в Республике Беларусь сформирована.

Одна из причин, мешающих развитию инновационного бизнеса в Беларуси, заключается в слабом развитии системы малых и средних инновационных предприятий. Их развитию препятствуют правовые и административные барьеры, ограниченные финансовые ресурсы, слабая исследовательская база, недостаток квалифицированного персонала, недобросовестная конкуренция в научно-технической сфере, а также сложности в обеспечении правовой охраны и защиты интеллектуальной собственности.

Как правило, основной сферой деятельности малого бизнеса становится торговля (90%), в то время как доля малых фирм, реально соответствующих облику инновационного предприятия, не превышает 1,4% - в Беларуси.

На сегодняшний день слабо используется такой эффективный механизм финансовой поддержки малого инновационного бизнеса как венчурное инвестирование. Изменчивость законодательства не позволяет инвесторам планировать свою деятельность на долгосрочную перспективу в условиях, когда венчурные инвестиции рассчитаны на срок от 3 до 7 лет. Незрелость фондового рынка также затрудняет деятельность венчурного. Однако опыт венчурной деятельности постепенно нарабатывается.

Сегодня важной задачей национальной инновационной политики является стимулирование активного участия бизнеса на всех этапах инновационного процесса. Также необходимы четкие правила и законы в сфере государственно-частного партнерства, особенно в части законодательства в области интеллектуальной собственности.

Республика Беларусь имеет крупный в масштабах страны научно-технический потенциал и серьезные разработки в области развития высокотехнологичных отраслей. На предприятиях республики осваиваются новые поколения станочного оборудования, новые микроэлектронные компоненты для электронной промышленности, вычислительной и оптоволоконной техники, оптоэлектронное и измерительное оборудование, в том числе двойного применения, новые эффективные лекарственные препараты и сорта сельскохозяйственных растений. В условиях ограниченных собственных сырьевых и энергетических ресурсов, а также сложной экологической обстановки успешная реализация конкурентных преимуществ позволит стимулировать технологическую модернизацию и расширение сферы высокотехнологичных производств, конкурентоспособных на мировых рынках.

В инновационной системе Беларуси необходимо отвести особую роль малым инновационным предприятиям. В формировании и развитии таких предприятий следует выделить два пути: 1) самостоятельное освоение ниш мирового рынка высокотехнологичной продукции с перерастанием в дальнейшем в средние и крупные фирмы, 2) выведение на рынок нового продукта (процесса) совместно с крупной корпорацией.

Доказано, что целью инновационной и технологической политики малых предприятий является создание условий для формирования эффективной структуры производства, повышения конкурентоспособности и качества выпускаемой продукции, прежде всего за счет снижения производственных издержек. Малые инновационные предприятия являются одним из главных источников генерации инноваций. Для активизации действий малых инновационных компаний, можно выделить следующие мероприятия:

- упрощение процедуры подготовки и получения заявки на патент, сокращение сроков его получения;

- непрерывная работа над пополнением базы данных в каталогах инновационного продукта, размещенных в Интернете с открытым доступом;
- обеспечение льготных офисных и производственных площадей для размещения малого инновационного бизнеса;
- увеличение масштабов финансирования прикладных исследований.

Малый инновационный бизнес имеет ряд особенностей, которые сказываются как на организации инновационного процесса, так и на формировании системы внутрифирменного управления. Важнейшими особенностями малого предпринимательства являются - способность к ускоренному освоению инвестиций, высокая оборачиваемость оборотных средств, гибкость и инициативность, способность быстро приспосабливаться к динамично изменяющейся внешней среде, ориентация таких производителей преимущественно на региональный рынок. Малые предприятия занимаются разработками и освоением инноваций в тех сферах, которые для крупных предприятий кажутся неперспективными. Деятельность предприятий малого бизнеса характеризуется предпринимательской активностью персонала и руководства, особым духом творчества, постоянного поиска новых возможностей, коллективным самообучением, партнерством и доверием.

В связи с этим существует реальная необходимость создания инновационной среды с участием малого бизнеса. Поэтому одним из приоритетов государства должен быть патронаж развития инноваций в малом бизнесе.

Следует отметить, что при организации отечественной инновационной инфраструктуры необходимо не только выгодное обобщение зарубежного опыта, но и учет особенностей факторов, влияющих на инновационное развитие - экономических, ресурсных, социальных, культурных.

Высокие технологии: понятие, измерение, приоритеты. Длительное время основой мировой экономики являлись обрабатывающая промышленность и производство товаров. Существенное повышение цен на энергоносители и реальных процентных ставок привело к экономическому спаду и изменению стратегии развития хозяйственного комплекса. Приоритетными становятся отрасли, связанные с высокими технологиями (ВТ), внедрение которых позволило

ряду государств резко увеличить социально-экономический потенциал и перейти из разряда стран третьего мира в высокоразвитые. Анализ сектора ВТ показал, что он является инновационным и обладает значительным уровнем конкурентоспособности.

Развитие высоких технологий сопровождалось качественными изменениями в системе образования, менеджмента, маркетинга, совершенствованием транспортной и телекоммуникационной систем, повышением квалификации труда, улучшением инвестиционного климата, трансформацией социально-экономического облика государства в целом. Не случайно в 1982 г. Объединенный экономический комитет (США) заявил, что высокотехнологический сектор — важный ресурс для роста производительности и роста национальной экономики. Эта же мысль была поддержана в 1991 г. и Сенатом Соединенных Штатов: «Если нация не станет сегодня продвигать передовые технологии, это будет иметь катастрофические последствия для экономики и национальной безопасности». С начала 1990-х гг. бизнесмены начали вкладывать капитал в новые разработки, и большинство экономических аналитиков признали развитие отраслей ВТ приоритетным.

Происхождение термина «высокие технологии». Газета «Нью-Йорк Таймс» провела поиск статей с первым упоминанием термина hi-tech (от англ. high-technology — «высокая технология»). Впервые в прессе он был употреблен в 1957 г. в публикации, обосновывающей возможность использования атомной энергии для Европы[1]. В апреле 1969 г. Роберт Метц в материале, посвященном финансовым проблемам, применил это словосочетание в следующем контексте: «... фонд содержит компьютерное периферийное деловое оборудование и акции (запасы) высокой технологии» [2]. До 1970 г. термин «высокая технология» использовался только 26 раз, в течение 1970-х гг. — 450, в 1980-е гг. — более чем 4 тыс. раз[3].

Необходимость исследования ВТ. Современное информационное общество основывается на внедрении высоких технологий, радикально преобразовавших культуру, социум и самого человека. Поскольку их развитие приобретает тотальный характер, определение понятия ВТ и их критериев становится важной задачей. Однако не существует однозначных параметров, согласно которым можно идентифицировать данное явление. Дело в том, что ВТ эволюционируют во времени. Так, технологии 1960-х гг. теперь сочли бы ес-

ли не совсем уж низкими, то по крайней мере несколько примитивными. [5]. Это привело к тому, что высокотехнологичными стали считать почти все новые изделия.

Следует различать онтологию, то есть реальный высокотехнологичный сектор экономики, и понятие «высокая технология». Первый рассматривается в качестве основного фактора научно-технического прогресса, но не имеет универсальных и общепринятых критериев для определения-идентификации.

На наш взгляд, размытость понятия ВТ, отнесение его к классу нечетких множеств отнюдь не случайны. Дело в том, что наука в условиях постиндустриального общества переживает серьезные трансформации. Это касается изменения ее парадигмальных установок: цель современной науки — не просто получение знания, но и решение конкретных проблем социально-экономического характера. Претерпевают радикальные изменения формы организации научных исследований. Наука превращается в симбиоз собственно научной составляющей, высокой технологии и бизнеса. С одной стороны, произошло невиданное увеличение наукоемкости современных технологий, с другой — коммерциализация науки.

Можно выделить, по меньшей мере, два аспекта исследования феномена ВТ: эмпирический и теоретический. Эмпирический способ находится в рамках классической науки, требующей точного определения понятий. Это объясняется отнюдь не ностальгией по классической науке с ее формальной логикой и классификациями. Существует реальная необходимость иметь четкую дефиницию ВТ для решения практических проблем маркетинга, менеджмента, в целом установления предмета и объекта управления. Например, социально-нормативного, юридического регулирования сферы соответствующих отношений во избежание разночтений при применении понятия ВТ и возможных сбоев в правоприменительной практике. Так, в сети Интернет наиболее распространено следующее определение ВТ: «Высокая технология — совокупность информации, знаний, опыта, материальных средств при разработке, создании и производстве новой продукции и процессов в любой отрасли экономики, имеющей характеристики высшего мирового уровня». По нашему убеждению, данная дефиниция носит дескриптивно-феноменологический характер, ибо основана на описании внешних свойств и не отражает сущности этого явления. Тем не менее в

практических ситуациях она вполне правомерно используется как рабочее понятие.

Другой аспект эмпирического исследования ВТ получил название «измерение высоких технологий» и представлен в виде конкретной задачи маркетинга по определению изделий и секторов промышленности, которые однозначно можно отнести к ВТ. В последующем эти эмпирические исследования трансформировались в изучение инновационного развития экономики в целом.

Философско-методологический анализ феномена ВТ. Для адекватного понимания ВТ как нового социокультурного явления следует создать ее концептуальную модель. Она может быть построена за счет соотнесения понятия ВТ со следующими концептами: методология, технология, инновации, наука и формы ее организации, технологизации и коммерциализации.

Методология в большинстве словарей и справочников толкуется как совокупность методов и средств решения конкретных теоретических и практических проблем, а также теория этих методов. Фактически данное определение основывается на этимологии слова (метод — «способ», логос — «теория»). На наш взгляд, здесь упущен ряд принципиальных моментов в понимании методологии, связанных с расширением ее предмета: из средства регламентации познавательной деятельности она становится способом регламентации процессов освоения человеком мира как удовлетворения его потребностей. Выходя из сферы науки (сциентистский уровень), она оказывается культурологической категорией и играет роль регулятивного средства культуротворчества в различных сферах. Такое превращение методологии из научной в поликультурную не случайно, ибо сама наука претерпевает значительные трансформации и становится постнеклассической. Рассмотрим понятие «инновации», которое в последнее время используется чрезвычайно часто как теоретиками, так и практиками — менеджерами различного уровня. На наш взгляд, чтобы понять смысл этого термина, следует двигаться в русле логики перехода науки из классической в постнеклассическую. Вначале выявим понятие, противоположное «новации». В качестве такового выступает «традиция», основным противоречием развития культуры будет «традиция — новация». И здесь мы обнаруживаем ту же особенность: новация принадлежит не просто науке, а культуре в целом. Если понятие «истина» конституиру-

ет классическую науку, то «новация» — постнеклассическую. Последняя характеризует не просто новое знание, но новое решение проблем в области культуры как сфере освоения человеком мира, конструирования им своего бытия. Именно поэтому, аналогично истине в классической науке, новация играет фундаментальную роль в культурной, хозяйственно-экономической деятельности человека. В силу этого инновационное развитие становится приоритетом экономического и социального движения к процветанию большинства государств, которые посредством философско-методологической рефлексии закономерностей мировой культуры вырабатывают свои стратегические пути.

Эволюция понятия «технология» аналогична. Этот феномен возник и получил наибольшее развитие в инженерно-технической деятельности. Под технологией (от греч. *τεχνη* — искусство, мастерство и *λογοζ* — учение) понимались: совокупность знаний о способах обработки материалов, изделий, методах осуществления каких-либо производственных процессов; комплекс операций, выполняемых определенным способом и в заданной последовательности, из которых складывается производственный процесс, его описание, инструкции по выполнению, технологические правила, требования, карты, графики и др.; наука о способах воздействия на сырье, материалы и полуфабрикаты соответствующими орудиями производства.

В условиях современного информационного общества понятие технология стало применяться в других сферах культуры – бизнесе, образовании, психологии, спорте и др. В этой ситуации выяснилось чрезвычайно важное обстоятельство, связанное с применением технологии. Она, как и методология, регламентирует деятельность. Однако в отличие от методологии, которая носит идеальный характер и выступает в виде определенных принципов, технология материализуется, овеществляется в средствах производства (технологических линиях, например) и обеспечивает гарантированное получение искомого результата. В последнем случае методология выступает в качестве технологии.

Ситуация аналогичная в случае разработки программного обеспечения (ПО), которое представляет собой алгоритм (технологию) интеллектуально-логических операций.

Между тем гарантированный результат деятельности может выступать в виде коммерческого продукта, поскольку обеспечивает определенный уровень качества как степень удовлетворения запросов потребителя (Международный стандарт качества ИСО 9000). Таким образом, имманентно осуществляется технологизация науки. Одновременно происходит ее коммерциализация, ибо инновации в сфере ВТ привлекают максимальные инвестиции в силу возможной сверхприбыли. Данные процессы являются взаимодополнительными и вызывают эффект социально-экономической синергии. Формы организации современной науки, в свою очередь, также требуют изменения в соответствии с изменением ее природы. Наука из системы фундаментальных и прикладных знаний превращается в научно-технологическую инновационную деятельность.

Эмпирические измерения и экономические исследования феномена ВТ. В экономической науке для идентификации высоких технологий используется не строгая логическая дефиниция, а конструктивное, операциональное определение. Как известно, экономисты группируют отрасли промышленности для того, чтобы их было легче описывать и анализировать. Здравый смысл подсказывает, что высокотехнологические отрасли можно в конечном счете идентифицировать за счет сверхэффективности просто потому, что владение технологиями — самая очевидная причина совокупного богатства обеспеченных наций[6].. Но определять ВТ только на этом основании — неверно, поскольку придется выяснять принадлежность к высокоразвитым секторам, измеряя результаты работы. Основная трудность в данном вопросе состоит в том, что процессы, определяющие ВТ, не сводятся к изделию.

Центр инновационных технологий в Вирджинии дал номинативное (списочное) определение ВТ и далее выделил следующие подсекторы: информационная технология (ИТ), усовершенствованные материалы, космос, биотехнология, энергетика, окружающая среда, электроника, транспорт, управление и технологии производства. Дэниел Хекер, экономист Бюро трудовой статистики (BC Stats), предложил понятие вложенности (синкретичности), поскольку ИТ все чаще становится неотъемлемой частью многих производств, и без всестороннего анализа бывает трудно определить, используются ли в них высокие технологии. [7]. В 1996 г. началось исследование секторов высокой технологии, основанное на выборе отраслей про-

мышленности, существующих в рамках статистики Канадской стандартной индустриальной классификации (ТАК) [8]. Статистика Канады с тех пор взяла на вооружение новую систему — североамериканскую NAICS. Эмпирико-статистический подход к изучению сфер экономики состоит в том, чтобы идентифицировать фирмы, которые составляют сектор, а затем провести опросы, касающиеся соответствия каждой организации ряду критериев, определяющих ее место в высоком секторе. Это дает более гибкую и точную информацию, но в то же время имеет и существенный минус — значительную стоимость. Можно взять готовую статистику, однако она не адаптирована к решению задач по установлению характеристик ВТ.

В результате исследований было получено номинативное определение высокотехнологических секторов в виде двух списков — расширенного (более 40 наименований) и краткого. Последний включает космические технологии, биотехнологии, ИТ, нанотехнологии, робототехнику и релевантен следующим отраслям промышленности: информационной, биологической, фармацевтических препаратов, новых материалов, энергетике, защите окружающей среды, безотходным технологиям, авиации и космонавтике, современному сельскому хозяйству, транспорту. При этом использовались основные (качественные и количественные) критерии высоких технологий:

- наукоемкость (высокое соотношение научных профессиональных работников к общему числу сотрудников фирмы);
- большой процент затрат на научные исследования в сравнении с общими расходами фирмы (некоторые специалисты относят этот критерий и к характеристике инноваций);
- максимальная продвинутость и доступность;
- выпуск высококачественной конкурентоспособной продукции;
- фундаментальные разработки на уровне частных фирм;
- высокий уровень риска и прибыли.

В современных социально-экономических науках исследование специфики ВТ эволюционировало в разработку индексов инновационности (Майкл Портер (Michael Porter — Гарвардская школа бизнеса и Скотт Стерн, Scott Stern — Слоуновская школа Массачусетского технологического института), в качестве которых выделяют:

- численность научно-исследовательского персонала, занимающегося НИОКР;
- объем расходов на высшее образование;
- масштабы инвестиций в НИОКР, в том числе объемы научных работ, финансируемых промышленными фирмами;
- доля НИОКР, выполняемых вузовским сектором науки;
- степень защиты интеллектуальной собственности, активность государственной политики, поощряющей инвестиции в новшества и их коммерциализацию;
- открытость международной конкуренции[9]..

Эксперты ОЭСР разработали систему показателей — критериев инновационной экономики, основанной на знаниях, которая включает в себя около 200 индикаторов. Среди них можно отметить:

- объемы и темпы продуцирования ВТ, измеряемые по объему добавленной стоимости. К примеру, в США доля ВТ возросла с 11% в 1980-м до 34,2% в 2003 г. и составляет 40% мирового производства [10];
- степень развития индустрии услуг, использующих знания, научно-образовательный потенциал (доля США — 30% мирового объема услуг ВТ);
- объем товарооборота ВТ-продукции, экспорта и импорта, соотношение между ними;
- масштабы патентования изобретений;
- динамика венчурного финансирования, прежде всего в малом и среднем бизнесе, осваивающем научные открытия и изобретения, а также действующем в сфере научно-образовательных услуг [11].

Определение ВТ. Причины неоднозначного понимания ВТ заключаются прежде всего в том, что высокая технология фиксирует определенный процесс культуротворчества, условия его протекания, овеществленные в виде не только артефактов, но и более широкого социокультурного контекста, связанного с изменениями бытия человека в целом. Кроме того, технология, в том числе и высокая, предполагает в результате ее внедрения получение продукта, который весьма многообразен и также получает ярлык ВТ. В качестве социокультурных признаков высокой технологии можно выделить следующие:

значительное влияние на культуру, социум и самого человека, что приводит к различным, зачастую необратимым системным из-

менениям социокультурной реальности: появлению проблемы самоидентификации человека, трансформации типа социальных отношений, деструктивности коммуникативной реальности, изменению типов культурного наследования;

высокая наукоемкость (доля интеллектуального ресурса), большая скорость внедрения, структурная перестройка экономики и форм организации и управления наукой, производством (бизнесом);

ВТ — ключевой бизнес-продукт и двигатель научно-технологического прогресса, основа создания новых и совершенствования существующих технологических процессов;

высокие технологии — феномен постнеклассического этапа развития науки, который характеризуется информационно-синергетическим подходом;

развитие ВТ меняет классическую концепцию менеджмента и маркетинга и предполагает создание новых (вызванных новациями в сфере ВТ) потребностей у массового пользователя;

ВТ в качестве базовых, системообразующих содержит информационные, нано- и биотехнологии.

Если исходить из философско-методологического аспекта, то можно дать такое рабочее определение ВТ: это совокупность средств, способов и методов решения практических проблем, которые обладают следующими свойствами:

- направлены на удовлетворение потребностей людей,
- становятся приоритетом развития человечества,
- содержат большую долю интеллектуального ресурса,
- меняют социальную сферу и человека,
- основываются на информационных технологиях.

Нанотехнологии, особенности их возникновения и развития
Главным в развитии нанотехнологий является изменение методологии, основанной на анализе(переходе от сложного к простому), на методологию синтеза — от простого к сложному. В качестве онтологического основания можно выделить определенный уровень разработки атомно-молекулярных моделей строения вещества, возможность «собирать» его из отдельных атомов и молекул, искусственно синтезировать в виде, например, кристаллов, полимеров, белковых молекул и др. Причем это касается не только неорганических, но и органических веществ. В нанотехнологии различают собственно научный слой, представленный фундаментальными и при-

кладными исследованиями, и технологии, функционирующие в виде конкретных методик и способов, основанных на манипуляции объектами размером от 1 до 100 нанометров ($1 \text{ нм} = 10^{-9} \text{ м}$). Нанотехнология — это новое междисциплинарное научно-технологическое направление, включающее в себя знания и методы из области физики, химии, биологии, материаловедения, медицины.

Инструментальный, конструктивный (в отличие от знаниевого, когнитивного) аспект нанотехнологии заключается в решении проблем создания объектов микромира и управления ими. При этом нанотехнологии помогут осуществить прорыв в ИТ благодаря новым принципам формирования элементной базы, запоминающих устройств, оптических способов передачи информации др. Такой же рывок ожидается и в развитии биотехнологий за счет разработки биодатчиков, ДНК-чипов, расшифровки геномов и др.

В то же время нанотехнологии опираются на мощную вычислительную технику и компьютерное моделирование, одновременно стимулируя их развитие. Аналогично обстоит дело с симбиозом биотехнологий и нанотехнологий, поскольку они благотворно влияют друг на друга.

Специфика развития биотехнологий Предмет биотехнологии — живой организм или субстанция, выделенная из него с целью получения нового продукта (растения или животного) или его модификации с улучшенными качествами, а также проблемы использования живых процессов в производственной деятельности.

В качестве основы биотехнологии выступает генная инженерия. Ее предметом является разработка методов и средств получения биоструктур с заранее заданными (программируемыми) свойствами, которые будут передаваться по наследству и которые невозможно получить классическими селекционными методами. Исследования в этой области носят весьма условный характер, ибо превратились в промышленную сферу производства биочипов, а также секвенирования ДНК и др. Развитие биотехнологий может решить в ближайшей перспективе ряд проблем в лечении человека. Этот процесс будут рассматривать как биотехнологическую модернизацию. Обратная сторона медали связана с этическими вопросами, касающимися морального аспекта допустимости-невозможности реконструкции человеческого тела.

Информационные технологии Существуют различные подходы к пониманию информационных технологий, наиболее распространенный из них: ИТ — это технологии обработки информации. Основу ИТ составляет вычислительная техника, которая развивается в виде «смены поколений». Если первые ЭВМ использовались для расчетов в военной сфере, то с появлением персональных компьютеров (ПК) их возможности значительно расширились. Их стали применять не только для профессиональной деятельности, но и для досуга, развлечений. Новый этап связан с появлением локальных сетей, а впоследствии и объединения различных ПК в глобальную систему Интернет. Это необычайно расширило возможности коммуникаций современного человека.

В производственном аспекте ИТ увеличивают степень автоматизации при создании, обработке и трансляции информации. При этом они выводят человека за пределы технологического процесса обработки информации и предлагают ему возможность выбора программ действий. Проблема создания «искусственного интеллекта», на наш взгляд, — дело времени. По мнению аналитиков, магистральный путь развития ИТ— создание нейрокомпьютеров. Информационные технологии не случайно являются основой ВТ, поскольку они обладают интегрирующим и синергетическим эффектом по отношению не только к научному, но и технологическому слою современной культуры. Другими словами, информационные технологии являются базисом ВТ, поскольку всякая технология и всякое знание может рассматриваться как информационный процесс, благодаря которому можно автоматизировать каждый этап развития технологии. Благодаря информационному «взрыву» и прежде всего мощному развитию ИТ современная экономика превращается в экономику знаний, а ИТ становятся основой процессов информатизации и глобализации современного общества, оказывающими решающее влияние на изменение социально-культурного бытия человека.

Обратная сторона медали — это проявление технократизма в условиях ВТ: размывание границ между наукой и паранаукой, снижение уровня научной экспертизы информации, возможность имитации и фабрикация реальности, появление монополий на оборот информации. Наблюдается эффект манипуляции сознанием пользователя, понижение уровня креативности, рефлексии, способности к

проблематизации, самоидентификации и целеполаганию. В целом происходит снижение интеллектуального и образовательного потенциала общества, что приводит с точки зрения постмодернизма к дезинтеграции человека как социально-культурного существа.

Список десяти важнейших технологий 2008 г. Журнал Technology Review Массачусетского технологического института обнародовал ежегодный список десяти технологий, которые, по мнению специалистов, в ближайшие годы будут играть особенно важное значение:

нано-радиочипы, применение которых позволит существенно улучшить характеристики радиочастотных передатчиков, в частности понизить их энергопотребление и, соответственно, увеличить время автономной работы конечных устройств от батарей;

методика «моделирования непредвиденных ситуаций» — более точное прогнозирование тех или иных событий путем совмещения накопленных данных в различных областях и современных компьютерных технологий;

атомные магнитометры — использование крошечных сенсоров магнитного поля, позволяющих вывести средства магнитно-резонансной томографии на качественно новый уровень;

целлюлолитические ферменты, с помощью которых можно повысить эффективность процессов производства биотоплива;

графеновые транзисторы, которые в перспективе приведут к появлению сверхбыстрых компьютерных процессоров с невысоким энергопотреблением;

«вероятностные чипы», способные при выполнении определенных задач давать приблизительные ответы в обмен на выигрыш в производительности и энергопотреблении;

веб-приложения, работать с которыми пользователи смогут с любого компьютера, подключенного к Интернету;

исследования в области беспроводного электричества — в будущем такие системы передачи энергии можно будет использовать для беспроводной подзарядки аккумуляторов портативных устройств или для питания бытовых приборов;

средства сбора статистической информации, основанные на применении мобильных телефонов, а также принципиально новые модели, объясняющие работу человеческого мозга. [12].

Возможности развития высоких технологий в Республике Беларусь. Вступление Республики Беларусь в сферу рыночных отношений неизбежно ведет к появлению рыночной среды. На начальном этапе нашего пути к рынку рыночная среда определялась отношениями деятельности по принципу – для успеха (читай прибыли) все средства хороши. К сожалению, этот принцип – прибыль любой ценой, воровство, взятки, нарушение налогового законодательства и др. – имеет место быть и настоящее время.

Однако, к счастью, времена меняются. Настало время создавать другую рыночную среду. Конечно, главного закона рынка никто не отменял: борьба за прибыль, конкуренция в смысле борьбы за покупателя остаются основными движущими силами. Однако в этой борьбе одним из правил является подбор средств. Не все средства годятся для того, чтобы стать лучшим и понравиться покупателю. Жизнь и прежде всего опыт развития рынка в передовых странах показал, что самым главным средством являются «мозги», ум, изобретения и совершенствования, которые направлены в сферу рыночных отношений.

Второе правило рынка – быть «первым», ибо только тот, кто раньше других понял, что необходимо покупателю, а иногда ему эту потребность незаметно навязал, и «снимает сливки» - получает сверхприбыль. Таким образом, основу рыночных отношений составляет инновационная среда – т.е. нацеленность предприятий и фирм на разработку новых товаров и услуг, которые разрабатываются не просто на заводах, а в научных и испытательных лабораториях. Причем товары и услуги должны быть новыми, не просто для граждан и покупателей конкретного города или региона, а в мировом масштабе. Ясно, что это требование к рыночной среде – инновационный характер – может обеспечить лишь союз производства и науки. Однако такой союз является недееспособным, ибо для развития науки и технологий нужны финансовые средства, которые может дать бизнес, т. е. необходима структурная перестройка экономики.

Опыт экономически развитых стран свидетельствует, что экономический прогресс общества в основном обеспечивается на базе инноваций, которые являются результатом соединения возможностей научно-технического прогресса с экономическими потребностями. Инновационный процесс осуществляется без привлечения

дополнительных ресурсов, прежде всего, в результате более полного использования имеющегося экономического и научного потенциала. Научные парки, инновационные технологические центры, инкубаторы нововведений, технопарки и другие аналогичные структуры, ориентированные на ускоренное воплощение результатов научных исследований в новую технику, технологии и материалы, стали важным фактором усиления отдачи науки, интеграции ее основных звеньев с производством.

История инновационной деятельности. Весьма важно для определения стратегии формирования инновационной среды в виде составления перспективных планов развития, определения приоритетов и ресурсного обеспечения ознакомиться с опытом тех, кто прошел этот путь. Как показывает анализ, структурная перестройка экономики – это удел не только новичков в рынке в виде постсоветских стран, но и постоянное условие лидерства в конкурентной борьбе. Задача, которую решают менеджеры крупнейших фирм и производств, состоит в структурной перестройке предприятий на выпуск наиболее доходной продукции и услуг.

В центре структурной перестройки экономики ведущих промышленно развитых стран находятся высокие технологии и прежде всего информационно-технологический комплекс, включающий производство вычислительной техники, средств цифровой связи, производство программного обеспечения и информационных услуг. В середине 90-х гг., например, вклад этого сектора в прирост ВВП США составил 27%. По некоторым прогнозам уже в 2010 г. доля занятых в секторе информационных технологий в развитых странах может превысить 50%.

Следует отметить, что для внедрения высоких технологий необходимо решить комплекс проблем. Однако опыт показывает -- успех Кремниевой долины определялся прежде всего тем, что именно там была разработана и применена особая схема финансирования высокотехнологичных проектов – венчурное финансирование. Венчурное (рисковое) финансирование характеризуется своей оперативностью, ибо оно решает задачу быть первым при производстве новых высокотехнологических товаров и услуг. При этой форме финансирования пренебрегают бизнес-планами, а также другими формами гарантий по возврату кредита, поскольку объективно нельзя предсказать успех предпринятого дела. Зато прибыль в слу-

чае успеха превышает в сотни а то и тысячи раз обычный бизнес. Для создания благоприятных возможностей развития инновационного сектора экономики в передовых странах создаются специальные структуры «выращивания» инновационной среды, которые получили название «бизнес-инкубаторов», технопарков, парков высоких технологий.

На сегодняшний день в США насчитывается более 160 технопарков, что составляет более 30% от общего числа технопарков в мире. Однако далеко не все эти технопарки работают в области высоких технологий. Большинство было создано для решения задач по снижению безработицы в районах, где по тем или иным причинам произошел экономический спад из-за нерентабельности предприятий.

Привлечение иностранного капитала в высокотехнологические отрасли Ирландии.

Ирландия имеет современную открытую экономику, которая лидирует по темпам роста. Открытость ее экономики состоит в том, что она отслеживает наиболее доходные сферы бизнеса и технологий и внедряет эти структуры в свое производство. Таким способом, через привлечение высокотехнологических производств в свою страну Ирландия решает сразу две задачи: тактическую и стратегическую, то есть кроме прибыли и новых секторов экономики создается инновационная среда, которая меняет психологию и квалификацию сотрудников.

Ирландия создала благоприятный налоговый климат для развития бизнеса и прибыльного инвестирования. Ирландские законы, по сути превратившие страну в своеобразную оффшорную зону, формируют достаточно либеральные условия для развития торговли и промышленности. В Ирландии существует благоприятное инвестиционное законодательство. Именно поэтому Ирландия является вторым в мире экспортером программного обеспечения после США. В настоящее время здесь производится свыше 40% всего программного обеспечения для персональных компьютеров, продаваемого в Европе. Ирландия в настоящее время является одной из наиболее привлекательных стран в Европе для инвестиций в электронную промышленность. Свыше 300 компаний разрабатывают и производят продукт высоких технологий. На эти компании приходится 1/3 всего экспорта страны, на них работают более 35000 чел.

Больше половины иностранных компаний в сфере электроники, в дополнение к производству занимается и иной деятельностью. В частности, все большее число кампаний получают дополнительные преимущества путем размещения в Ирландии отделов логистики.

Развитие информационных технологий в Индии.

Производство программного обеспечения является наиболее быстро развивающейся отраслью индийской экономики. В условиях хронического дефицита торгового баланса страны правительство Индии предприняло серьезные шаги для создания экспортной некапиталоемкой отрасли, которая могла бы развиваться без масштабного импорта, создавать рабочие места и поднять уровень образования в стране. С этой целью правительство пошло на существенную либерализацию внешней торговли (в частности экспортного и импортного контроля), создание технопарков и другие меры по созданию оффшорного программирования. В то же время иностранные компании внесли огромный вклад в развитие отрасли, воспользовавшись благоприятными условиями индийского рынка.

На протяжении последнего десятилетия отрасль стабильно демонстрирует темпы роста, превышающие 50% в год. Основным преимуществом Индии является относительно низкая заработная плата в секторе по сравнению с США и Европейскими странами. Вторым преимуществом Индии как производителя программного обеспечения является значительная численность квалифицированных кадров. В настоящее время в производстве программного обеспечения занято около ¼ миллиона человек (второе место в мире). Важным конкурентным преимуществом Индии, особенно при работе с американскими компаниями, является практически всеобщее знание английского языка. Немаловажным стратегическим преимуществом Индии как одного из лидеров на рынке ИТ является наличие собственного потенциала не только в области «мягких» технологий, но также в производстве компьютерной техники и средств связи. В частности, наличие возможностей по запуску спутников связи позволило Индии в короткие сроки улучшить уровень коммуникационной инфраструктуры. Наконец, конкурентные преимущества при экспорте индийских программных продуктов создает многочисленная индийская диаспора в других странах.

В 1988 г. была создана национальная Ассоциация индийских производителей в области ИТ (NASSCOM), которая первоначально

объединяла 38 компаний отрасли, обеспечивавших 65% производства ИТ. Ассоциация оказалась способной сформулировать потребности развития отрасли и в условиях сложной индийской бюрократии эффективно лоббировать необходимые изменения в налоговом, торговом и инвестиционном законодательстве.

Развитие информационных технологий в России

В России первые технопарки появились в начале 90-х гг. В большинстве своем они создавались при высших учебных заведениях, затем появляются технопарки, организуемые на базе крупных научных центров (ГНЦ). Следующим шагом было появление региональных технопарков, для развития наукоемкой продукции и решения конкретных задач региона. На данном этапе в 35 регионах России номинально действуют более 60 технопарков (по их количеству Россия занимает 5-е место в мире). С учетом определенных успехов в деятельности российских технопарков очевидно, что их материальная и финансовая база не позволяет реализовать требуемое на современном этапе интенсивное развитие малых высокотехнологичных инновационных предприятий.

Опыт развития технопарков в других странах показывает, что развитие инновационной среды невозможно без патронажа государства. Однако в этом процессе существует парадокс. В России субсидируется множество отраслей, групп населения и объектов, включая пока именно высокие технологии. По мнению некоторых аналитиков:

Россия упустила много времени и не выработала развитой промышленной стратегии в области ВТ. Общий неблагоприятный налоговый и инвестиционный режим, развитие коррупции создают значительные общие препятствия для развития экспортных отраслей в области ВТ. Ограниченный рынок капиталов в России, множество препятствий для развития малого и среднего программного бизнеса предполагают концентрированные и координированные усилия правительства для создания благоприятного климата в данной отрасли. Практически речь идет обо всей системе налоговых законов и серии постановлений правительства по административным и таможенным вопросам. Россия располагает определенными преимуществами в области качества и количества квалифицированной рабочей силы, способной производить экспортную программную продукцию на иностранных языках. Россия имеет примерно

690 исследователей в технических науках на миллион жителей при 114 в Индии. Выпускники Российских вузов традиционно имеют неплохое базовое математическое образование, что позволяет им, теоретически, достаточно быстро освоить некоторые, наиболее трудоемкие виды работ в программировании, не требующие высокой квалификации. Существенным ограничением является слабая языковая подготовка программистов. Нарушение прав интеллектуальной собственности в виде масштабного «пиратства» в области программного обеспечения является, вероятно, одним из основных препятствий для прихода серьезных корпоративных клиентов.

Для успешного развития сферы ИТ, по мнению Фонда «Бюро экономического анализа», необходима реализация следующего комплекса мероприятий:

- определить приоритеты политики страны в области ИТ, ее непосредственную цель, включая выработку долгосрочной программы;

- определить государственный орган, ответственный за программу развития ИТ, способный ее реализовать.;

- существенно улучшить общий инвестиционный климат в стране, включая совершенствование налогообложения и введение рационального налогового режима для всех инвесторов;

- законодательно обеспечить защиту интеллектуальной собственности и последовательную борьбу с «пиратством» в этой сфере;

- обеспечить представителям отраслевого бизнеса возможность широкого участия в формулировании основных положений политики развития отрасли.

Цели и задачи развития Парка высоких технологий в Республике Беларусь Основной целью развития Парка высоких технологий (ПВТ) в Республике Беларусь является:

- создание благоприятной инновационной среды (инвестиционных, налоговых, законодательных и других условий.) для разработки в Республике Беларусь программного обеспечения, информационно-коммуникационных, иных новых и высоких технологий, направленных на повышение конкурентоспособности национальной экономики.

- формирование в стране ориентированной на рынок научно-производственной инфраструктуры, интеграция потенциала научно-производственного и образовательного комплекса;
- развитие малого бизнеса инновационной направленности;
- налаживание производственных и научных связей между крупными промышленными предприятиями и малым наукоемким бизнесом;
- способствование привлечению иностранных предприятий и инвестиций;
- разработка принципов введения наиболее рациональных схем финансирования и льготного налогообложения для формирования секторов высоких технологий;

Основные задачи:

- разработка стратегии развития и определение основных этапов становления Парка высоких технологий, направленных на реализацию целевых задач, установленных Декретом Президента Республики Беларусь от 22 сентября 2005 г. “О Парке высоких технологий”;
- создание благоприятных условий и конкурентных преимуществ для роста отечественных компаний в сфере информационных технологий в целях увеличения экспорта программных продуктов и завоевания новых рынков;
- обеспечение условий для подготовки менеджмента инновационных предприятий в области коммерциализации технологий и управления инновациями
- определение механизма развития материально-технической базы, проектирования, строительства и управления объектами инфраструктуры Парка;

Этапы развития Парка высоких технологий

Этапы развития Парка высоких технологий должны последовательно реализовывать целевые задачи, установленные Декретом Президента Республики Беларусь от 22 сентября 2005 г. “О Парке высоких технологий”, а именно, обеспечить к 2020 году создание национальной конкурентоспособной на мировых рынках индустрии высоких технологий.

первый этап (2006-2010 гг.) предусматривает развитие базового направления деятельности – информационно-коммуникационные

технологии и программное обеспечение, строительство объектов и формирование инфраструктуры Парка по информационным технологиям (далее – ИТ-парка), создание организационно-экономических основ и финансовых инструментов для введения новых функциональных направлений деятельности Парка;

второй этап (2010-2020 гг.) – диверсификация деятельности Парка по функциональным направлениям и их развитие, создание новых высокотехнологичных зон за счет объединения образовательного, научно-исследовательского и промышленного потенциала страны, привлечения международных высокотехнологичных компаний, строительство специализированных парков (парки по биотехнологиям, микроэлектронике, нанотехнологиям и др.).

Первоочередными задачами по реализации Декрета Президента Республики Беларусь от 22 сентября 2005 г. № 12 “О Парке высоких технологий” на первом этапе развития Парка являются:

- 1) остановка оттока кадров;
- 2) повышение инвестиционного рейтинга и позитивного международного восприятия Беларуси в сфере информационных технологий в целях увеличения экспорта программных продуктов и завоевания новых рынков;
- 3) начало реализации инвестиционного проекта строительства комплекса объектов недвижимости Парка высоких технологий с целью создания комфортной деловой, научно-производственной, образовательной и жилой инфраструктуры Парка;
- 4) увеличение кадрового потенциала республики в сфере информационных технологий и реализация программы мероприятий, направленных на повышение соответствия уровня подготовки молодых специалистов международным требованиям;
- 5) создание на территории Парка инновационной инфраструктуры, обеспечивающей государственную поддержку для начинающих компаний;
- 6) реализация принципа “одного окна” для регистрации в Парке иностранных и начинающих отечественных компаний;
- 7) формирование юридических условий для притока в страну международного венчурного капитала и деятельности белорусских венчурных фондов;
- 8) привлечение иностранных инвестиций в Республику Беларусь путем создания совместных центров разработки программных про-

дуктов и подготовки кадров в области информационных технологий.

Задачами второго этапа развития Парка являются:

1) формирование имиджа Республики Беларусь как высокоразвитой державы и получение престижной позиции в международном разделении труда;

2) становление Парка высоких технологий в качестве международного;

3) завершение строительства комплекса объектов недвижимости Парка высоких технологий и создание комфортной деловой, научно-производственной, образовательной и жилой инфраструктуры Парка;

4) открытие центров исследований и разработок ведущих мировых корпораций в области высоких технологий;

5) размещение международными высокотехнологичными компаниями своих производств в Парке высоких технологий.

Стратегия развития Парка высоких технологий Анализ сложившейся на рынке информационных технологий ситуации показал, что может быть два подхода к становлению Парка высоких технологий:

1. Парк создается для поддержки отечественных компаний, как это принято в США и Западной Европе. Причем, привлечение иностранных компаний не только не ставится в качестве задачи, но и не приветствуется.

2. Другой путь был подсказан необходимостью ускоренной модернизации (Сингапур, Индия, Малайзия, Китай). Его суть заключается в создании особых условий для крупных иностранных корпораций, которые уже добились успеха в мире.

В отсутствие собственных высокотехнологичных производств страны Юго-Восточной Азии использовали международные компании для обучения местных кадров новым технологиям, усвоению уроков исследований, маркетинга, работы с персоналом, организации производства и другие факторы, необходимые для успешной конкуренции на мировых рынках.

У Республики Беларусь на момент создания ПВТ уже имелись серьезные заделы в области производства программного обеспечения, хотя и не было компаний, признанных в мире, таких как Nokia, Philips или SAP. Поэтому приход крупных международных корпораций на еще слабый белорусский рынок сильно ударил бы

по кадровому составу отечественных компаний, неспособных предложить для программистов мировые условия оплаты труда.

Именно поэтому на первом этапе необходимо сделать ставку на поддержание и становление отечественных компаний. Такой подход принят в США, Германии и ряде стран Северной Европы, прежде всего Финляндии и Швеции. Когда зарубежные компании приходят на окрепший внутренний рынок, они не разрушают его, а стимулируют дальнейшее развитие.

На период до 2010 г. предполагается, что деятельность Парка высоких технологий будет направлена на создание благоприятных условий и конкурентных преимуществ для роста отечественных компаний в сфере информационных технологий в целях увеличения экспорта программных продуктов и завоевания новых рынков.

Это позволит отечественным компаниям:

- завоевать новые рынки сбыта, установить устойчивые связи с клиентами;
- накопить достаточный опыт реализации крупных проектов на высокотехнологичных рынках США и Западной Европы;
- получить доступ к новым технологиям и на их основе создавать продукты, соответствующие самым высоким международным стандартам.

Количественный и качественный рост отечественных компаний-производителей программного обеспечения приведет к созданию условий для производства и продвижения собственных новых технологий на мировом рынке. Реализация совместных проектов с ведущими мировыми производителями программного обеспечения приведет к созданию в Республике Беларусь совместных центров проведения исследований и разработок программных продуктов.

Отработанные на первом этапе развития Парка высоких технологий принципы организации и функциональная схема управления ИТ-парком, структура собственности, финансовые инструменты и политика продвижения на мировые рынки, организационно-экономические схемы взаимодействия с государственными органами, научно-исследовательскими и промышленными организациями будут положены в основу функционирования других перспективных направлений деятельности, объединенных общей целью, стратегическим управлением и правовым режимом Парка высоких технологий.

Направление деятельности ПВТ. Почти все Парки в мире имеют выраженную отраслевую направленность. Специализация на каком-то определенном виде деятельности позволяет на выбранном направлении сконцентрировать организационные, финансовые, людские, научные и образовательные ресурсы, что создает “кумулятивный”, прорывной эффект. И тогда к этому парку начинают тянуться крупные мировые корпорации, парк получает статус международного и авторитет в соответствующей отрасли мировой экономики. В качестве примеров можно привести наиболее успешные парки мира:

Силиконовая долина (США) – информационно-коммуникационные технологии, программно-аппаратные комплексы, проектирование микросхем;

Пекинский парк (Китай) – программное обеспечение и предоставление ИТ-услуг;

Бангалорский парк (Индия) – программное обеспечение и предоставление ИТ-услуг;

Шанхайский парк (Китай) – химия и фармацевтика.

В связи с этим представляется оправданным сосредоточить усилия на развитии отрасли информационных технологий с тем, чтобы белорусский ПВТ приобрел статус международного, получил признание в мире и стал бы самым крупным региональным центром для Центральной и Восточной Европы.

Отрасль информационных технологий как одна из самых быстроразвивающихся отраслей, обеспечивающих производство продукции и услуг с высокой долей добавленной стоимости и не требующая значительных инвестиций, становится базовым направлением деятельности Парка в ближайшие несколько лет.

В настоящее время резидентами Парка могут быть компании, занимающиеся исключительно разработкой программного обеспечения. Но целесообразно расширить сферу деятельности Парка высоких технологий за счет добавления новых видов деятельности в области информационных технологий.

В первую очередь это определяется основными мировыми тенденциями развития сферы информационных технологий и необходимостью приобретения Парком статуса международного и получения признания в мире.

Сегодняшние тенденции таковы, что мировой рынок услуг в области ИТ растет опережающими темпами по сравнению с рынками оборудования и программного обеспечения и на порядок опережает последние по объему.

Сегодня в структуре мирового ИТ рынка доля оборудования составляет 33%, программного обеспечения - 9%, а услуг в области ИТ – 58%; в структуре ИТ рынка Западной Европы соответственно: 29%, 9% и 62%.

Сектор аутсорсинга услуг в области ИТ является сейчас самым быстрорастущим сегментом мирового рынка. Под аутсорсингом в области ИТ понимается вид услуг, подразумевающий передачу предприятиями и организациями своих текущих функций по поддержке ИТ-систем сторонней профильной в области ИТ компании, а также привлечение внешних исполнителей для решения специализированных задач в области ИТ. В промышленно развитых странах мира аутсорсинг становится неотъемлемой частью генеральной ИТ-стратегии большинства компаний.

В связи с тем, что в структуре экспорта резидентов Парка высоких технологий 78% занимает рынок США и 11% рынок Западной Европы, важно учесть в развитии Парка тенденции развития в первую очередь именно этих рынков.

По прогнозам аналитиков международного консалтингового агентства IDC затраты американских банков на аутсорсинг услуг в области ИТ в 2007 г. составят 60 млрд. долларов США. Помимо финансовой сферы наибольшее увеличение аутсорсинга услуг в области ИТ на американском рынке будет происходить в течение ближайших пяти лет в других областях, для которых использование технологий служит ключевым фактором конкурентоспособности, в частности, в области услуг и в промышленных предприятиях с дискретным циклом производства, а также в правительственном секторе.

В соответствии с действующим законодательством компании-резиденты Парка не могут заниматься оказанием услуг в области ИТ, несмотря на то, что эти услуги являются экспортно-ориентированными и востребованы сегодня на тех рынках, на которых уже работают белорусские ИТ компании. Многим отечественным ИТ компаниям пришлось диверсифицировать свою дея-

тельность и отказаться от оказания услуг в области ИТ на экспорт после вступления в Парк.

К основным услугам в области ИТ относятся:

ИТ аутсорсинг. Для большинства предприятий применение информационных технологий является по сути непрофильным, но неизбежным в современной жизни видом деятельности. А “непрофильность” порождает трудности с деятельностью ИТ-подразделений и минимизацией соответствующих расходов. К тому же необходимое оборудование и программное обеспечение достаточно дороги: они требуют и больших единовременных затрат, и существенных расходов на поддержку. Поэтому становится экономически выгоднее и проще получать ряд профессиональных услуг в области ИТ у внешних исполнителей, чем делать это самостоятельно и содержать дорогостоящих специалистов. Если десять лет назад актуальным являлся выбор: покупать ли программное обеспечение или разрабатывать собственными силами, то в последнее время задается совершенно другой вопрос: нужно ли вообще покупать в собственность ПО, серверы или проще купить данную услугу в виде аренды или передать на сопровождение профильным компаниям, включая обслуживание и техническую поддержку.

ИТ-аутсорсинг объединяет множество услуг — от размещения серверного оборудования компании на коммерческой технической площадке, оснащенной необходимой инженерной инфраструктурой, до полной передачи сторонней организации функций ИТ-поддержки основных бизнес-процессов. В первом случае экономятся значительные средства и время при создании корпоративной сети и оснащении серверных комнат, снижаются расходы на персонал, обеспечивающий круглосуточный контроль над функционированием системы. В последнем случае дополнительно сокращаются расходы на серверное оборудование, ПО и содержание ИТ-департамента;

ИТ консалтинг. ИТ консалтинг является в настоящее время неотделимой частью каждого проекта по автоматизации. ИТ-консалтинг позволяет определить стратегию развития информационной инфраструктуры предприятия, приоритетных направлений и оптимальных планов внедрения новых информационных технологий.

Сегодня сложно найти организацию, которая не использует информационные технологии в управлении бизнесом. Многие белорусские предприятия именно сейчас выходят на этап комплексной автоматизации бизнес-процессов. Примером могут быть проекты по внедрению самых современных систем корпоративного планирования и управления (ERP систем) на БМЗ, в Беларусбанке, Белоруснефти и др.

Проблема выбора оптимальных по цене и качеству, полностью соответствующих потребностям заказчика информационных систем, приложений, а также определение стратегии развития ИТ-инфраструктуры предприятия приводит к росту спроса на ИТ консалтинг.

В Беларуси есть компании, которые являются партнерами ведущих мировых разработчиков ERP систем, таких как SAP, Oracle. К сожалению, путь в Парк закрыт и для них;

Тестирование. В технологическом процессе создания качественного программного обеспечения особенно важную роль играет этап тестирования. В одних только США невыявленные ошибки в программных продуктах обходятся производителям, по оценке Национального института стандартов и технологий, в 60 млрд. долларов США ежегодно. Поэтому как заказчики, так и разработчики программных продуктов заинтересованы в проведении качественного тестирования и испытаний создаваемых программных продуктов в соответствии с принятыми стандартами качества.

Сегодня на североамериканском и европейском рынках работают сотни компаний, предоставляющих подобного рода услуги. Современный аутсорсинг тестирования выделился в отдельную отрасль информационных технологий. По данным международных аналитиков, из 4,6 млрд. долларов США рынка аутсорсингового тестирования примерно 3 млрд. долларов США приходится на внешних исполнителей. Так, решение проблемы 2000 г. развило эти услуги в целую отрасль в Индии.

Многие отечественные компании-разработчики программных продуктов имеют сертификаты качества производства ISO 9001, DIN или CMMI, которые позволяют им осуществлять тестирование как вид деятельности и, соответственно, дополнительно зарабатывать на внешних рынках. По мнению одного из крупнейших анали-

тических агентств Gartner на долю тестирования может приходиться от 25% до 50% совокупного бюджета проекта.

В связи с необходимостью приобретения Парком статуса международного и получения признания в мире целесообразно проанализировать направления деятельности успешных мировых ИТ парков и расширить виды деятельности в области ИТ белорусского Парка за счет общепринятых в мире.

Предварительный анализ показал, что такими новыми направлениями могут стать:

Разработка программно-аппаратных комплексов и встраиваемого программного обеспечения (embedded software). Зачастую в высокотехнологичных продуктах бывает очень сложно отделить программное обеспечение от материальной части. С развитием информационных технологий интеллектуальная составляющая в таких продуктах стремительно возрастает. Именно поэтому в мировой практике выходят на первые позиции продукты, характеристики которых напрямую связаны с уровнем применения компьютерной техники. Например, рассмотрим call center — программно-аппаратный комплекс, который позволяет автоматически или полуавтоматически (с помощью операторов) производить обработку телефонных вызовов, организовывать исходящие вызовы и предоставлять клиентам различные услуги. Система реализована на платах компьютерной телефонии и представляет собой компьютерную АТС с широчайшим набором сервисных функций. Но в основе этого программно-аппаратного комплекса лежит программное решение, зачастую включающее новейшие достижения в области ИТ и составляющее основную часть его стоимости.

При рассмотрении бизнес-проектов по данному виду деятельности для регистрации в ПВТ Экспертный и Наблюдательный советы Парка высоких технологий особое внимание будут уделять определению доли интеллектуальной составляющей;

Разработка и дизайн микросхем. В 2007 году объем мирового рынка разработок интегральных микросхем оценивается в 22 млрд. долларов США. Объем разработки соответствующего программного обеспечения составит в 2007 году более 12 млрд. долларов США. Рынок микроэлектроники является исключительно устойчивым, непрерывно развивающимся. В 2006 году наметилась тенденция увеличения прироста рынка, что обусловлено реализацией иннова-

ционных решений в областях средств связи, электронных документов, технологий высокоскоростного Интернета, спутниковой навигации.

Разработка и производство изделий микроэлектроники уровня “система на кристалле” является отраслью мировой экономики, требующей не меньших интеллектуальных затрат и вложений с особым как программным, так и аппаратным продуктом.

Методология современного проектирования микросхем базируется на повторном использовании ранее созданных моделей сложно-функциональных блоков. Постоянное пополнение базы моделей является необходимым условием эффективного проектирования систем на кристалле. В последнее десятилетие создание программных моделей сложно-функциональных блоков выросло в самостоятельный бизнес. В мире успешно работают предприятия, которые специализируются на создании, продаже, лицензировании таких моделей, получивших название IP (Intellectual Property - интеллектуальная собственность). Годовой объём продаж IP продуктов в 2006 году превысил 10 млрд. долларов США.

Сегодня в Беларуси в этом направлении работают как крупные предприятия (НПО “Интеграл”), так и небольшие, но успевшие зарекомендовать себя на мировом рынке. В стране имеются научные и конструкторские кадры в этой области. Однако, из опыта НПО “Интеграл”, в настоящее время наиболее способные конструкторы-разработчики, технологи уезжают работать по контрактам не только в Китай, Тайвань, Южную Корею (это была частично обратимая утечка), но наблюдается существенный отток кадров в Россию.

Переход компаний, проектов и отдельных специалистов на специальные условия ведения хозяйственной деятельности, предоставляемые Парком высоких технологий, позволят не только остановить этот отток кадров, но и создать благоприятные условия для роста компаний и производства высокотехнологичных продуктов на внешние рынки;

Компьютерная графика. Компьютерная графика представляет собой технологии создания и обработки графических изображений средствами вычислительной техники. Современное применение компьютерной графики очень разнообразно. Научная компьютерная графика дает возможность проводить вычислительные эксперименты с наглядным представлением их результатов. Плановые показат-

тели, отчетная документация, статистические сводки - вот объекты, для которых с помощью деловой графики создаются иллюстративные материалы. Конструкторская графика используется в работе инженеров-конструкторов, архитекторов, изобретателей новой техники. Этот вид компьютерной графики является обязательным элементом САПР (систем автоматизации проектирования). Средствами конструкторской графики можно получать как плоские изображения (проекции, сечения), так и пространственные трехмерные изображения. Художественная и рекламная графика, ставшая популярной во многом благодаря телевидению, позволяет с помощью компьютера создавать рекламные ролики, мультфильмы, компьютерные игры, видеоуроки, видеопрезентации. Компьютерная анимация и мультимедиа - это создание движущихся изображений на экране дисплея со звуковым сопровождением. Широко используется в области обучения, рекламы, развлечений.

Расширение направлений деятельности ПВТ На первом этапе развития Парка высоких технологий специальный правовой режим Парка и предусмотренные им льготные условия хозяйствования должны использоваться как инструмент повышения инвестиционной привлекательности высокотехнологичных отраслей экономики и привлечения внутренних негосударственных и иностранных инвестиций в эту сферу. Это должно быть обеспечено за счет гибкого использования такого инструмента регулирования деятельности Парка высоких технологий, как введение дополнительных направлений его деятельности.

Приоритетным основанием для постановки вопроса о введении дополнительного направления деятельности должен являться приход в Республику Беларусь международной высокотехнологичной компании или поступление предложения заинтересованной организации о реализации в Республике Беларусь крупного инвестиционного проекта в сфере новых и высоких технологий. При этом условием прихода или реализации данного проекта является применение специального правового режима Парка высоких технологий.

Подобные бизнес-проекты должны предусматривать привлечение иностранных инвестиций в научные исследования, создание новых центров исследований и разработок. Решение оформляется нормативным правовым актом Правительства Республики Беларусь

по согласованию в установленном порядке с Президентом Республики Беларусь.

На этапе диверсификации деятельности Парка по функциональным направлениям и созданию новых высокотехнологичных зон, и строительства специализированных парков необходимо, чтобы процедура отбора предложений о дополнении направлений деятельности Парка была прозрачна, понятна органам власти и бизнес-сообществу, в обязательном порядке включала институты государственных научно-технических и инвестиционных экспертиз.

В соответствии с исследованиями мировых аналитических агентств, глобальное влияние на технологическое развитие общества в период до 2015 года и цивилизации в целом окажут био-, нано- и информационные технологии, прикладные исследования в области физики материалов. Эти сферы тесно переплетутся друг с другом и с большой долей вероятности увеличат разрыв между

развитыми и развивающимися странами. Как представляется, Республике Беларусь будет сложно конкурировать на всех высокотехнологичных сегментах мировой экономики, тем более, что каждое из этих направлений требует особой государственной поддержки. В мире на сегодняшний день лишь США способны конкурировать по всем направлениям развития современных технологий. Даже миллиардная Индия сделала ставку лишь на два направления: информационные технологии и фармацевтика. Южная Корея приняла решение сосредоточить свои научные, организационные и финансовые усилия на разработке жидкокристаллических мониторов и матриц для телевизоров и персональных компьютеров. Опыт консолидации усилий на одном направлении является сегодня мировой практикой. Отличные от информационных технологий высокотехнологичные отрасли требуют существенные материальные вложения для создания инфраструктуры и развития.

Так, в России общий объем финансирования работ в области нанотехнологий за счет средств федерального бюджета в 2005-2006 годах составил 200 млн. долларов США. В США только в 2005 г. за счет государственных средств на развитие нанотехнологий было выделено 1,08 млрд. долларов США. В Сингапуре совокупные инвестиции государства на создание инфраструктуры парка в области биотехнологий составили около 600 млн. долларов. В дополнение к этому ежегодные государственные затраты на науку в этой области

составляют около 300 млн. долларов и направлены в основном на привлечение из США и Западной Европы наиболее известных ученых, обучение и покупку оборудования для университетов.

Как представляется, Республика Беларусь в состоянии «вытянуть» еще несколько направлений, где она могла бы в той или иной степени конкурировать с ведущими мировыми интеллектуальными центрами. На сегодняшний момент при определении этих направлений крайне важно в первую очередь сконцентрироваться на выборе технологий, которые имеют самую высокую рентабельность.

Для этого стоит прибегнуть к принятым в мире методикам оценки эффективности использования бюджетных средств, затрачиваемых на науку и исследования. Расчет коэффициента эффективности государственных затрат на науку и исследования включает в себя следующие показатели:

1. количество реализованной продукции на 1 рубль бюджетных вложений, в том числе на экспорт (данный показатель определит промышленный потенциал проводимых исследований и разработок и их экспортные возможности);

2. привлеченные внутренние инвестиции на 1 рубль бюджетных вложений (данный показатель определит потребность белорусских предприятий в проводимых исследованиях и разработках);

3. привлеченные внешние инвестиции на 1 рубль, вложенный государством (данный показатель определит соответствие исследований мировому уровню).

При выборе дополнительных направлений деятельности ПВТ обязательно следует учитывать и такие дополнительные факторы, как:

наличие достаточного количества подготовленных научных кадров и специалистов в рассматриваемой области;

наличие ученых, имеющих международные публикации, мировое признание, индекс цитируемости в зарубежной прессе;

готовность системы образования и наличие достаточного количества преподавательских кадров, способных обеспечить подготовку необходимого количества специалистов.

Эти расчеты позволят определить наиболее рентабельные направления, имеющие коммерческий потенциал, которым может быть оказана государственная поддержка. На их основе должны быть сформулированы предложения Президенту Республики Бела-

речь о включении в Парк высоких технологий дополнительных направлений деятельности.

Функции организатора и координатора мероприятий по выработке стратегии развития новых перспективных направлений деятельности Парка высоких технологий необходимо поручить Национальной академии наук Беларуси – государственному органу, подготовленному к решению подобных задач, обладающему необходимым интеллектуальным потенциалом и имеющем статистические данные в отношении эффективности использования бюджетных средств по всем направлениям научно-технической деятельности.

Независимо от этапов становления Парка высоких технологий его специальный правовой режим и предусмотренные льготные условия хозяйствования должны использоваться как инструмент повышения инвестиционной привлекательности белорусской экономики.

При рассмотрении вопроса о регистрации бизнес-проектов в сфере новых направлений деятельности Парка очень важно, чтобы их финансирование осуществлялось на проектной основе, при этом результатом проекта являлось бы реальное внедрение новых технологий, создание новых видов коммерциализуемой продукции и ее реализация на рынке. Прежде всего, эффективные инструменты государственной политики, заложенные в специальном режиме Парка высоких технологий, должны быть направлены на поддержку научно-производственных структур, которые занимаются, в первую очередь, удовлетворением спроса на высокотехнологичную продукцию, а не исследований и разработок, которые ведутся в научных организациях.

Приоритеты и проблемы развития высоких технологий в Республике Беларусь. Инновации, основанные на революции в сфере информационных технологий, открывают новые перспективы в социально-экономическом развитии стран и народов. Ряд стран сумели осознать преимущества нового пути, в основе которого лежит приоритетное развитие высоких технологий. Они создали новую экономику, и разрушили традиционное представление о “вечно богатых” и “вечно бедных”.

Современная экономика характеризуется, прежде всего, изменениями в сфере трудовых отношений. Человек становится меньше

зависим от традиционных средств производства, а во многих отраслях современной экономики уже стало необязательным и его постоянное физическое присутствие в офисах или на производстве. Произошел невиданный рост мобильности трудовой силы и возможности удаленного управления, когда можно работать полноценно, находясь в другом городе, стране, на другом континенте. Появилась возможность для стран, которые создают более благоприятные условия для работы и проживания интеллектуальной части населения земли, осуществить ранее немыслимый экономический рывок.

Производство программного обеспечения - совершенно особая отрасль мировой экономики, требующая больших интеллектуальных затрат и вложений, с совершенно особым – “виртуальным” – продуктом. И выигрывают экономически сегодня те страны, которые сумели удержать у себя и привлечь наиболее способных и талантливых ученых, рационализаторов, изобретателей, так как они создают инновационную среду, способствующую бурному развитию экономики государства в целом.

Конкурентное окружение ПВТ. В условиях современной глобализации при любом деловом начинании приходится учитывать конкуренцию со стороны других стран и народов. Общеизвестно, каких усилий требуется от правительства и самих хозяйствующих субъектов для продвижения отечественной продукции на западные рынки, даже в традиционных отраслях - авто и тракторостроении, текстильной промышленности, микроэлектроники, где наша страна обладает определенными конкурентными преимуществами. Ситуация с экспортом информационных технологий на порядок сложнее.

Необходимо отметить, что руководство соседних государств, которые являются нашими самыми непосредственными конкурентами, пытается во многом повторять опыт нашей страны. После того, как в Беларуси был взят курс на создание Парка высоких технологий, началась активная работа по созданию ИТ-парков в других странах СНГ. Руководством Российской Федерации на государственную поддержку российских технопарков направляются значительные государственные средства. Вслед за Россией о намерении создать собственные ИТ-парки заявила Украина, Казахстан и др.. Парк представляет собой свободную экономическую зону с льготными таможенными и налоговыми режимами для всех компаний в области информационных технологий.

В любом случае, привлечение и иностранных компаний и рабочей силы из-за рубежа провозглашено государственной задачей, над реализацией которой должны работать все звенья государственной власти и управления. Такие же подходы наблюдаются и у других стран. То есть над привлечением иностранных или национальных инвестиций в высокотехнологичный сектор экономики работают министерства экономики, посольства, другие заинтересованные ведомства.

Условия регистрации в ПВТ. Привлечение компаний в белорусский ПВТ осложняется тем, что при проведении агитации среди потенциальных иностранных инвесторов, необходимо оговариваться, что при прохождении всех процедур, связанных с государственной регистрацией иностранная компания может и не быть зарегистрирована в белорусском ПВТ.

Есть ряд факторов – текущие финансовые показатели, рекомендации белорусских органов власти и другие, которые могут воспрепятствовать компании начать свою деятельность в Беларуси в соответствии с условиями, предоставляемыми Декретом Президента Республики Беларусь. Предлагается на первом этапе для иностранных компаний, принявших решение начать свой бизнес в Республике Беларусь, рассматривать вначале их бизнес-проект в Парке высоких технологий и лишь после его одобрения Наблюдательным Советом проходить процедуру государственной регистрации. В отношении иностранных инвесторов и назначаемых ими должностных лиц, особенно в таких приоритетных сферах как научно-техническая и инновационная деятельность, должны быть выработаны упрощенные административные процедуры государственной регистрации. Такой подход будет отвечать духу Директивы Президента Республики Беларусь №2 о борьбе с бюрократизмом государственных органов, только в отношении иностранных юридических и физических лиц.

Государство и информационные технологии. Одним из путей развития информационных технологий является государственная поддержка. Не столько в смысле предоставления особых условий ведения хозяйственной деятельности, сколько в создании спроса со стороны государства на информационные технологии и услуги. Во всех странах мира государство является крупнейшим потребителем продукции индустрии информационных технологий, стимулируя

спрос и содействуя росту национальных компаний в области информационных технологий. Спрос государства на те или иные ИТ продукты и услуги во многом влияет на направления развития национальной индустрии информационных технологий.

Во всех развитых странах на сегодняшний день на первый план выдвинулись применения информационных технологий в системе государственного управления, которые получили название “электронное правительство”. Это комплекс представлений о том, как эффективно использовать информационные технологии для оказания услуг населению и субъектам хозяйствования. В этой связи необходимо:

5.1. Разработать обязательные для всех министерств и ведомств регламенты по работе с гражданами с использованием совместимых на логическом, техническом и программном уровне системах.

5.2. Использовать экспертный совет Парка высоких технологий, состоящий из наиболее известных в стране представителей в этой области для формирования условий проведения консолидированных закупок техники и программного обеспечения. Участников торгов следует нагружать социальным блоком: требованием предоставлять бесплатно программное обеспечение для учебных заведений, открытие центров исследований и разработок в Республике Беларусь. Утверждение условий закупок целесообразно осуществлять Наблюдательным Советом ПВТ.

При консолидированной закупке экономия бюджета может составлять до 15 процентов, что в масштабах страны составляет десятки миллионов долларов США. Кроме этого в Беларуси будут открываться не просто торговые представительства крупнейших компаний, типа SAP, Microsoft, Hewlett-Packard и других, но их центры исследований и разработок, что будет являться положительным сигналом для всего мирового “хай-тека” и, в конечном счете, работать на экономику Беларуси в целом.

Права интеллектуальной собственности. Одной из причин торможения инноваций явилось то, что изобретатель в советской системе не имел права на созданную им интеллектуальную собственность. Собственность на новые технологии и продукты принадлежала государству. Изобретатель и организация, в которой он работал, не обладали правом получения дохода от эксплуатации

инновации. В результате не существовало экономических стимулов во внедрении инновации.

В Республике Беларусь уже создана основа государственной системы охраны интеллектуальной собственности. Сформированная законодательная база в этой области соответствует действующим в данной сфере международным нормам и позволяет осуществлять охрану результатов интеллектуального труда и их защиту от противоправного использования.

В тоже время, значительным препятствием более эффективного использования интеллектуальной собственности для развития белорусской экономики является отсутствие в стране традиций уважительного отношения к результатам умственного труда. Часть населения еще не воспринимает авторские права как чью-то собственность. В большинстве случаев население считает, что несоблюдение установленных законом правил или даже их нарушение является нормальным и социально приемлемым.

На сегодняшний день в Республике Беларусь не создан механизм учета прав тех исследователей и учёных, которые вложили свою жизнь в эксплуатируемые отечественными предприятиями технологии и оборудование. В отличие от искусства и литературы, где хоть как-то соблюдались и соблюдаются авторские права, у большинства отечественных разработок нет авторов, соответственно, нет и механизма получения патентных и лицензионных платежей. Новые собственники получили “ноу-хау” бесплатно, и до сих пор большинство отечественных технологий, применяемых на предприятиях, не имеет своей стоимостной оценки.

Сегодня основную стоимость программного обеспечения, новых медицинских препаратов, высокотехнологичного оборудования составляют содержащиеся в них изобретения, инновации, исследования, промышленный дизайн и результаты испытаний, а не металл, пластик или бумага, из которой изготовлен продукт. Так, стоимость основных фондов в компаниях, занятых производством программного обеспечения, составляет порой не более 5-6 процентов от их рыночной стоимости.

Защита интеллектуальной собственности имеет особое значение для становления Парка высоких технологий в качестве международного. Отлаженная система защиты интеллектуальной собственности является ключевым элементом в поощрении прямых ино-

странных инвестиций и привлечении иностранных компаний разработчиков программных продуктов в качестве резидентов ПВТ.

Венчурное финансирование. О необходимости развития венчурного финансирования впервые сказал Президент Республики Беларусь на совещании с руководителями заграничных учреждений Республики Беларусь 2 августа 2006 года. Венчурное инвестирование - прямое вложение денежных средств в финансирование разработок и внедрение их в производство. Это вложение осуществляется в уставной капитал предприятий инвесторами на свой риск и без обязательств по уровню доходности и возврату инвестиций. Реализация наукоемких проектов по разным причинам далеко не всегда завершается предполагаемым конечным результатом. По оценкам западных специалистов более 50% всех инновационных проектов, связанных с высокими технологиями, закончились провалом. Естественно, что финансирование таких проектов весьма рискованно, однако, достигаемые при положительном результате дивиденды не идут не в какое сравнение с традиционной прибылью. Так, по результатам последних четырех лет доходность ценных бумаг компании Yahoo (информационные услуги) составила 3998%.

Ключевым механизмом привлечения частного капитала в отечественную венчурную индустрию является создание венчурных фондов с прямым долевым государственным участием. Государственные средства, инвестируемые в венчурные фонды будут снижать риски частных инвесторов, входящих в эти фонды, играть роль катализатора и агитатора в привлечении частных средств в венчурную индустрию страны. Такая форма государственного содействия на начальной стадии становления венчурной индустрии показала свою эффективность практически во всех странах.

Таможенные пошлины и стимулирование внутреннего спроса. Декретом Президента Республики Беларусь о Парке высоких технологий предусмотрена возможность ввоза компьютерной техники и оборудования для резидентов ПВТ без права перепродажи в течение 2 лет. Однако, это лишь первый шаг к развитию информационных технологий в Республике Беларусь, направленный в большей степени на использования современной техники резидентами ПВТ. Необходимо развивать и внутренний рынок информационных технологий. Это возможно посредством стимулирования спроса населения на приобретение компьютерной техники. Одним из инстру-

ментов для повышения возможности населения покупать компьютеры является постепенное снижение, а в последствии и полная ликвидация импортных пошлин на ввоз компьютеров и комплектующих к ним, а также серверов и прочего оборудования. В настоящее время, пошлины на компьютеры и комплектующие составляют от 5 до 20 процентов их стоимости.

“Соглашение по информационным технологиям” могут подписать и государства, которые лишь находятся в процессе вступления в ВТО. Поэтому следует изучить возможность раньше России подписать данное соглашение, участником которого являются все страны – лидеры в области разработки программного обеспечения, на долю которых приходится 98 процентов мирового рынка информационных технологий. Это позволит нам создать собственный режим торговли этими товарами и сделает этот рынок прозрачным.

Ожидаемые результаты: Люди с невысоким достатком смогут позволить себе спокойно приобрести современный компьютер. Соответственно, увеличится количество технически грамотного населения, что даст возможность поиска талантливой молодежи. Способные программисты – как и хорошие спортсмены – штучный товар. И нужна система отбора, позволяющая выявить способных ребят и девушек не только в крупных городах среди обеспеченных слоев населения.

Государственная поддержка покупки населением персональных компьютеров является основным средством для ликвидации “цифрового неравенства” между крупными городами и более мелкими населенными пунктами. Такие программы существуют даже в развитых странах (Великобритания, Италия, Швеция и др.). Не имея доступа к компьютеру, дети и взрослые в малообеспеченных семьях не могут получить базовые навыки компьютерной грамотности, что мешает получению качественного общего образования и, в конечном счете, снижает их конкурентоспособность на рынке труда.

Компьютеры широко используются во всех отраслях экономики, поэтому облегчение доступа к электронному оборудованию даст новый стимул для развития промышленности. В результате отмены таможенных пошлин пострадают лишь фирмы, занимающиеся сборкой компьютеров из импортных комплектующих. Но квалификация сборщиков, как правило, чрезвычайно низкая, работа является в большей степени механической, а не интеллектуальной.

Сделается бессмысленным нелегальный ввоз оборудования, а потребитель получает качественную технику практически по тем же ценам, что и оборудование, собранное “на коленках”. Кроме того, это даст толчок к укрупнению бизнеса, ведь небольшие компании выживают как раз за счет «серого» ввоза.

Сертификация и лицензирование. Действующие в настоящее время правила сертификации не позволяют гибко реагировать на быстрые изменения технологий и маркетинговой политики самых передовых мировых производителей. По-прежнему сохраняется система сертификации, включающая этап признания министерством целесообразности сертификации каждого типа изделий. При этом не существует четких критериев, по которым внедрение того или иного изделия или технологии может быть признано нецелесообразным. По усмотрению чиновника и без указания причин компании может быть отказано во внедрении того или иного устройства.

Предлагается. Сократить перечень подлежащего обязательной сертификации оборудования и изменить процедуру сертификации, допуская ее только по минимально ограниченному кругу специфического оборудования. Одна из причин того, что на нашем рынке не присутствуют новейшие модели компьютеров – заключается в том, что каждую модель необходимо сертифицировать. Трудно сказать, на каком основании можно отказать в сертификации таким производителям компьютеров как Dell, Hewlett-Packard, IBM или Sony – по закону министерство может не указывать причины. Это не только тормозит ввоз на белорусский рынок современной техники, но и открывает возможность для коррупции. На практике не существует даже механизма реализации процедуры признания сертификатов соответствия стран, имеющих соответствующие межгосударственные договора с Республикой Беларусь. Признание международных сертификатов качества позволило бы обеспечить поставку на белорусский рынок самого нового современного оборудования и компьютерной техники.

Традиционные отрасли промышленности. В первую очередь здесь речь идет о развитии машиностроения, легкой промышленности и радиоэлектроники на базе современных информационных технологий.

Основной тенденцией развития промышленного производства в информационную эпоху является переход от вертикального управления к горизонтальным логистическим структурам. Все крупнейшие мировые корпорации строятся по принципу холдинговой структуры. Головное предприятие выполняет функции мозгового центра и определяет стратегию конкурентной борьбы и маркетинга, разработку новых изделий, сбытовую (дилерскую) сеть, а также управляет сетью поставщиков-партнеров.

Собственно производство осуществляется на основе широкого использования кооперации, причем предприятия - партнёры не обязательно входят в состав корпорации, а выбираются на основе оптимизации соотношения цена/качество. Предприятия-партнеры либо поставляют стандартные узлы, детали и комплектующие изделия либо производят их в индивидуальном порядке “под заказ” на основе документации, разработанной головным предприятием.

Такой подход будет более актуальным в связи с постепенным переходом Беларуси на мировые цены по энергоносителям. Именно поэтому ведущие мировые производители автомобильной техники оставляют за головной компанией роль мозгового центра. И широко используют возможность международной кооперации – дешевые природные ресурсы в России, дисциплина и дешевизна трудовых ресурсов в Китае, знание английского языка для поддержания бизнес-процессов в Индии и т.п.

Основой организации современного производства являются информационные технологии, которые обеспечивают поддержку жизненного цикла изделий: маркетинговый анализ, проектирование новых изделий, подготовку производства и испытания, управление.

Еще одним перспективным направлением белорусской информационной индустрии может стать создание специализированных инженерных центров, оснащенных самыми современными программно-техническими и информационными комплексами, для внедрения новейших технологий в машиностроительное производство. Эти центры могли бы выйти на внешние рынки с услугами по проектированию разнообразных изделий и комплектующих на базе сложных современных программных инструментов.

ИТ-образование. В связи созданием Парка высоких технологий и началом активного использования информационных технологий в деятельности предприятий и государственных органов стала более

остро ощущаться потребность в соответствующих специалистах. Если на рынке рабочей силы наблюдается перепроизводство специалистов-международников, бухгалтеров, юристов, экономистов, финансистов, историков и лингвистов, то на рынке, связанном с компьютерными науками стал наблюдаться кадровый дефицит. Как показало последнее распределение, высшие учебные заведения не могут удовлетворить запросы отрасли в специалистах в области информационных технологий. В связи с этим предлагается:

Ввести предмет “Программная инженерия”, что позволило бы инженерам традиционных отраслей промышленности более эффективно использовать возможности новых технологий. В учебные программы технических вузов в области инженерных – не ИТ специальностей - машиностроения, тракторостроения и других необходимо включить пользование специализированными программами для проектирования деталей машин и механизмов. Современные инженеры должны знать современные технологии проектирования лучше, чем уметь аккуратно рисовать карандашом на планшете при помощи линейки и рейсшины.

Решить проблему с преподаванием современным технологиям проектирования. Большинство преподавателей технических вузов на этих специальностях слабо знакомы с программными пакетами, которые сегодня используются в проектировании ведущими мировыми производителями машин и механизмов. Необходимо также обучение техническому английскому. Вряд ли государству стоит столько усилий тратить на подготовку специалистов в области английской филологии, которым потом сложно находить работу в стране по специальности.

Создание Академии информационных технологий. Чтобы готовить специалистов в соответствии с требованиями рынка необходимо создание специализированной Академии информационных технологий, которая будет параллельно либо на базе высшего образования готовить специалистов, «заточенных» под нужду отрасли. Вузы, в свою очередь, будут сосредотачиваться на обучении основам – основным концепциям компьютерной науки, главным принципам программирования, процессах разработки программного обеспечения, а также ключевым современным технологическим идеям, подходам и процедурам.

В задачи ИТ Академии должно входить:

Обучение и повышение квалификации выпускников инженерных специалистов вузов.

Из физиков, математиков, химиков и представителей других точных специальностей могут получиться классные ИТ-профессионалы, к тому же знакомые с основами других точных наук. Поэтому эффективная система дополнительного вечернего (без отрыва от производства) обучения, позволит готовить профессионалов из дипломированных специалистов по смежным специальностям и направлениям.

Подготовка специалистов по мировым стандартам.

Ведущие мировые производители программного и аппаратного обеспечения создали и постоянно совершенствуют собственную систему обучения и контроля над знаниями. Специалистам, успешно сдавшим один или несколько экзаменов, присваивается звание сертифицированного специалиста и выдается сертификат соответствующего образца. Это позволяет ему работать с программами и на их основе производить новый продукт или услугу, которая будет покупаться во всем мире.

Информационные технологии распространены во всем мире. Это обуславливает важность международной стандартизации знаний и умений, которыми должны обладать специалисты в области информационных технологий. То есть, мировым сообществом разработан типовой набор знаний и умений, которыми должен владеть каждый специалист в этой области (по типу производства автомобильных двигателей – стандарта Euro или стандартам GMP в фармацевтике и микробиологии). Поэтому и отечественные образовательные стандарты, связанные с подготовкой специалистов для ИТ-отрасли, должны учитывать международные требования и включать в свой состав объемы знаний, соответствующие международным рекомендациям.

Для этого необходимо не только сертифицированное оборудование и программное обеспечение, но и международные стандарты ИТ-образования, в частности, Computing Curricula 2001, в которых накоплен опыт сотен квалифицированных программистов и педагогов различных стран мира.

Повышение квалификации специалистов для смежных специальностей и пользователей – для бухгалтеров, работников кадровых

служб, менеджеров и т.п. Изменение программ бухгалтерского учета требует постоянного обучения пользования этими программами.

Изучение основ работы с персональными компьютерами. Внедрение принципа «одного окна» будет требовать от госслужащих умение работать с рядом пользовательских программ. Необходимо, чтобы при приеме на государственную службу учитывалось наличие сертификата, подтверждающего умение служащего работать на персональном компьютере. Для этого должны быть пользовательские курсы, предполагающие изучение основ работы с различными программными пакетами, используемыми в работе государственных органов.

Обучение менеджеров. Необходимо, чтобы руководитель предприятия понимал, как происходит применение информационных систем в управлении и проектировании. Поэтому, необходимы курсы для менеджеров, чтобы они четко представляли, какую проблему они могут решить при внедрении информационной технологии.

Создание ИТ-академии, построенной на принципах независимого учебного центра, – дело дорогостоящее. Для этого необходимы помещения, оборудование, преподаватели, служба маркетинга и т.д. При этом обучение – не самый прибыльный бизнес с очень большим периодом окупаемости оборудования. Поэтому она должна строиться на принципах партнерства государства с бизнесом.

В сложившейся ситуации, когда большинство предприятий в сфере информационных технологий являются негосударственные или смешанные предприятия, стоит изучить принудительное распределение выпускников ИТ специальностей на “вторые рубежи” в непрофильные предприятия, где выпускникам вузов приходится заниматься разработкой и сопровождением доморощенных систем, порой в сто тысячный раз изобретая велосипед. Или того хуже. Молодой специалист, оказавшийся способным освоить сложный язык программирования при принудительном направлении на государственное предприятие вынужден заниматься элементарным созданием веб-страниц, для чего достаточно базовых знаний в программировании.

В результате это оборачивается потерей квалификации в данной области, либо миграцией молодых специалистов в ближнее и дальнее зарубежье, где спрос на такие инженерные кадры устойчиво держится на весьма высоком уровне по всему миру.

Новые направления деятельности. Нами было рассмотрено развитие Парка высоких технологий, ориентированного, как это предписано Декретом Президента Республики Беларусь, прежде всего, на развитие информационных технологий. Однако, одним направлением не может ограничиваться инновационное развитие страны. На начальном опыте работы Парка высоких технологий были изучены все ошибки, проанализированы конкурентные преимущества и недостатки, связанные именно с разработкой программного обеспечения как особой отрасли мировой экономики.

Вместе с тем, на последующем этапе актуальным является планомерное введение в Парк новых направлений деятельности, что также предусмотрено Декретом Президента страны. Перспективные направления научной и научно-технической деятельности Парка могут включать в себя исследования и разработки в таких областях как радио- и микроэлектроника, оптическое и электронное приборостроение, биотехнологии и другие направления. Это повысит возможности академических научных учреждений, а также государственных предприятий промышленного и военно-промышленного комплекса страны вписаться в деятельности Парка высоких технологий.

Главной особенностью нашей науки является то, что спектр исследований в Республике Беларусь ведется как и во времена Советского Союза, по широчайшему диапазону проблем (6 институтов химического профиля, 6 – физического, институты математики, информатики, электроники, технологии металлов, тепло- и массообмена, фотобиологии, микробиологии, радиобиологии и т.д. и т.п.). Ни одна страна в Европе, включая Францию, Германию и Великобританию, не может позволить себе такого диапазона исследований и обеспечить их проведение на мировом уровне (это они делают коллективно в рамках ЕС, объединяя усилия ученых всех стран на решение той или иной проблемы).

Второй важной особенностью белорусской науки является то, что у нас не принято закрывать институты. Западные страны создают коллектив ученых, институт или лабораторию на какой-то определенный срок. Скажем, проект по расшифровке генома человека длился пять лет, на его реализацию было выделено 2,5 миллиарда долларов, были задействованы лучшие силы в области генетики, микробиологии и информационных технологий. После того, как

человеческий геном был расшифрован – его результаты были переданы для коммерческого использования. У нас не так. Ушел лидер, исчерпалась тематика, а институт все равно функционирует, постепенно превращаясь из научных организаций в бюрократические.

Третьей особенностью белорусской инновационной системы – академические институты изначально мыслились как субъекты инновационной деятельности – заключается в том, что средства на их развитие они получают напрямую из бюджета. На Западе деньги на научные исследования получают не институты – их там просто нет – а компании, которые занимаются производством в соответствующих направлениях. Получив от правительства грант на то или иное исследование, они могут впоследствии коммерциализировать полученные в результате исследования знания.

Предлагается. Сосредоточить интеллектуальные ресурсы страны на двух-трех направлениях, которые могли бы рассматриваться как перспективные и с которыми Беларусь связывала бы свои конкурентные преимущества в мире. С этой целью создать при Президенте Республики Беларусь Совет по научно-технологической и инновационной политике, в который включить представителей академической и университетской науки, государственных и негосударственных предприятий, работников республиканских и региональных государственных органов. Совету поручить определение стратегических направлений научных исследований и разработок и объемов их бюджетного финансирования.

Финансирование научных исследований осуществлять в основном через предприятия – субъекты хозяйствования. Причем, на такое финансирование должны претендовать и предприятия негосударственной форм собственности. Важность частных компаний Toyota, BMW, Mercedes, Volvo, Ford, General Motors для экономики западных стран значили не меньше, чем давали государственные компании для экономик стран СЭВ – Трабанд, Варбург, Москвич, ЗИЛ или Колхида. Такой подход позволит осуществлять финансирование проектов, которые имеют потенциал к тому, чтобы быть внедренным в массовое производство.

Принимать решения о регистрации той или иной компании в качестве резидента или бизнес проекта, рассматривая, в первую очередь, их экспортную составляющую. Поставка высокотехнологического продукта на экспорт говорить о “вписываемости” компании

или проекта в основные мировые тенденции и свидетельствует о том, что компания производит продукт, отвечающий международным стандартам качества.

Создать базу данных специалистов по отраслям, способных к реализации крупных государственных проектов. Причем чрезвычайно важно, чтобы они включали в себя, прежде всего, специалистов, работающих реально на белорусских предприятиях, а во вторую очередь ученых, работающих «в отрыве от производства».

На первом этапе это может быть банк данных ИТ специалистов. В этом случае, для реализации какого либо крупного государственного или коммерческого проекта можно было бы объединить значительные интеллектуальные ресурсы. На следующем этапе такие базы данных можно создать на специалистов по тем стратегическим направлениям развития белорусских технологий, которые по рекомендации Совета по научно-технической политике утвердит Президент страны.

Эмиграция и иммиграция интеллекта. В свое время в нашей стране активно развивалось лишь два научных направления – картофелеводство и языкознание. Картофелеводство было экспортно-ориентированным – ему мы учили даже китайцев, “белоруссистика” была в основном для внутреннего пользования. Но затем было принято решение сделать из Беларуси технологически продвинутую страну, тем более, что для этого имелись все перспективы.

Одним из способов дать толчок развитию того или иного направления в стране – это приглашение зарубежных кадров. Конечно, в условиях Советского Союза можно было говорить только о приглашении специалистов исходя из определенной географии. И в республику стали заманивать математические кадры из Москвы, Санкт-Петербурга, других городов, чтобы они организовывали исследования, ставили новую систему подготовки кадров.

В результате научной иммиграции у нас сложилась одна из лучших в СССР, а может и в Европе прикладных математических школ. В республике стали создавать современные автоматизированные системы управления производством, программное обеспечение, станки с числовым программным управлением и т.п. И ситуация поменялась. И уже собственные белорусские специалисты начали ездить не только по бывшим республикам Советского Союза, странам Центральной и Восточной Европе, но и помогали дру-

жественной Финляндии, которая еще к началу 1990-х годов не имела ни одного системного программиста.

Для Беларуси важнейшей задачей является сохранение и преимущественное развитие наукоёмких отраслей, которые одновременно являются и весьма трудоёмкими, а также отечественного машиностроения. Поэтому стоит подумать о привлечении «ненужной» России рабочей силы в экономику Республики Беларусь. При правильной организации этого процесса населения Беларуси можно значительно увеличить.

Предложение. Необходимо организовывать среди наиболее способных выпускников российских ВУЗов (не Москвы и Санкт-Петербурга) поездки в Минск, в том числе за счет компаний-резидентов ПВТ. Не белорусские ВУЗы должны быть кузницей кадров для российских компаний, а наоборот. У нас есть серьезные конкурентные преимущества даже перед Москвой, не говоря уже о российской глубинке: Минск – город, идеально приспособленный для жизни – чистый, красивый, безопасный. Расположенный там Парк высоких технологий мог бы заинтересовать многих россиян и украинцев.

Основная проблема, которая существует сегодня для молодых людей – это проживание. В рамках ПВТ намечена реализация жилищной программы. Однако, это вопрос перспективы. Если бы государство выделило для проживания молодых людей общежитие, разумеется, с оплатой резидентами, то это могло бы явиться серьезным фактором не только удержания способной молодежи, но и привлечения ее из-за рубежа.

Ожидаемые результаты. После 2-ух лет работы многие могли бы остаться здесь работать, строить за кредиты жилье и т.д., что могло бы положительно повлиять и на демографическую ситуацию. Тем более, как провозгласил Президент Республики Беларусь, в нашей стране вполне могло бы проживать до 30 миллионов населения – но при условии, что они будут заниматься интеллектуальным трудом.

Ключевые факторы успеха. Экспорт высокотехнологичной продукции стал определяющим фактором в экономическом развитии целого ряда стран. Способность воспринимать инновации (нововведения) и правильно организовывать инновационный процесс (превращение идеи в реализуемый на рынке товар) становится доминирующим условием для развития предприятий любого профиля. Су-

щественно изменившиеся темпы смены старых технологий новыми потребовали внедрения наиболее эффективных форм организации инновационного процесса при наивысшей интеграции науки, производства и сбыта. Инновационные образования должны концентрировать в себе высшие учебные заведения, исследовательские институты, производственные мощности и специальные структуры по поддержке предприятий инновационной направленности.

В то же время следует отметить, что наукоемкий бизнес среди других отраслей предпринимательства является самым сложным. Потому во всем мире его патронирует государство, видя в развитии инноваций залог конкурентоспособности национальной промышленности. Основная миссия Парка ВТ состоит в объединении усилий по продвижению общих интересов в органах власти, проведения совместных проектов в области подготовки кадров, выращиванию малых ВТ компаний в «инкубаторах», проведению скоординированных маркетинговых и PR-акций.

Следует особо обратить внимание на такой момент из зарубежного опыта: именно кризис в экономике всегда был толчком к созданию технопарков (Великобритания, Франция, Германия и др.). Их создание – эффективный механизм возрождения и выхода из кризисных ситуаций, результат их деятельности – экономически благополучные регионы, сотни тысяч новых рабочих мест.

В лице Парков ВТ в условиях рыночных отношений мы имеем новые формы и структуры интеграции высшего образования, науки, промышленности, предпринимательства, источников финансирования, региональных и местных органов управления и власти, что позволяет эффективно реализовать технологии, присущие высоко-развитой стране XXI века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Atomic Power for Europe // The New York Times, February 4, 1957. P. 17.
2. Lieberman Henry R. Technology: Alchemist Of Route 128; Boston's 'Golden Semicircle // The New York Times, January 8, 1968. P. 139.

3. Metz Robert (1969). Market Place: Collins Versus The Middle Man // The New York Times, April 24, 1969. P. 64.
4. Metz Robert (1969). Market Place: Keeping an Eye On Big Trends // The New York Times, November 4, 1969. P. 64.
5. Metz Robert (1971). Market Place: So What Made E.D.S. Plunge? // The New York Times, November 11, 1971. P. 72.
6. Malecki Edward J., Technology and Economic Development, Longman Scientific and Technical, 1991. P.7.
7. <http://www.bls.gov> <http://www.bls.gov/>
8. http://www.bcstats.gov.bc.ca/data/bus_stat/hi_tech.htm
9. Porter M., Stern S. The New Challenge to Americas Prosperity: Finding from the Innovation Index. Wash., 1999. P.5.
10. Science and Engineering Indicators. Wash., 2006. P. 3—7.
11. OECD Science, Technology and Industry. 2004 Sebreboard. — Paris, 2005.
12. <http://science.compulenta.ru/349260/>

Глава 3. Социокультурная устойчивость в условиях техногенеза.

1. Творческие феномены сознания и устойчивое развитие социокультурных систем в эпоху техногенеза.

Прогресс науки и техники в начале третьего тысячелетия тесно связан с проблемой устойчивого развития социокультурных систем. Технический потенциал обеспечивает человечеству разнообразные жизненные блага и, в то же время, косвенным образом порождает глобальные кризисные явления. Его дальнейшие достижения непосредственно зависят от создания гармоничной и упорядоченной модели мировой экономики, способствующей творческому самовыражению человеческой личности. В неменьшей степени он обусловлен умением совместными усилиями, на основе справедливого участия и взаимного доверия осуществлять охрану окружающей природной среды, преодолевать трудности ускоренной глобализации, бороться с проявлениями террористической угрозы. Ряд влиятельных направлений западной и отечественной философской мысли заняты осмыслением этих вопросов, в тех или иных своих аспектах затрагивая проблему устойчивого развития. В частности, философская феноменология ещё в первой половине 20 века начала углублённо исследовать специфику творческого сознания, служащего движущей силой современной науки и технологии, позволяющего эффективно бороться с любыми факторами, угрожающими устойчивому развитию человеческой цивилизации, по мере их возникновения.

Интерес современной философской мысли к феноменам сознания имеет два основных аспекта. Во-первых, техника предоставляет человеку множество реальных жизненных благ. Поэтому было бы целесообразно выявить творческую способность, которая даёт возможность находить качественно новые технические решения, создать благоприятные условия для её дальнейшего развития. Во-вторых, по мере укрупнения промышленного производства, совершенствования средств коммуникации, проявляются побочные последствия неуправляемого технического прогресса, такие как загрязнение окружающей природной среды, рост конфронтации в от-

ношениях между различными слоями общества, народами и государствами. Как отмечал известный феноменолог Э.Левинас, процессы техногенеза непосредственно выражаются «в той ситуации и опыте, который выпал на долю нашего века – самого жестокого из всех времён, века двух войн, Холокоста, Гулага, различных беспорядков в нашей экономической жизни» [16, с. 177]. В условиях глобального техногенного изменения климата, ухудшения экологии, обострения борьбы с международным терроризмом человеку приходится по-новому самостоятельно осмысливать каждую конкретную ситуацию, он уже не может полагаться на привычные решения. И в первом, и во втором случае приобретает первостепенное значение творческая способность личности, которая непосредственно выражается в феноменах сознания и позиционируется как необходимое условие устойчивого развития социокультурных систем.

Технический прогресс предполагает поступательное приращение инженерных инноваций, поэтому творческие способности в первую очередь выражаются в практических шагах по преобразованию окружающей действительности. Они не ограничиваются уровнем абстрактно-теоретических рассуждений, активно вторгаются в мир материального бытия, вещественных объектов. На это обращает внимание Э.Гуссерль, который в своих фундаментальных работах неоднократно напоминает, что «технические задачи требуют своего разрешения, и дом и машина должны быть построены. Поэтому техник как практик выносит иные решения, чем естественнонаучный теоретик. От этого последнего он заимствует учение, из жизни же – «опыт»...» [9, с. 169]. Тем самым феноменология пытается освободить творческое сознание от привычных штампов, уже известных ранее теоретических конструкций, в каждой конкретной ситуации заставляет его полностью выявить свою подлинную новаторскую специфику. Как подчёркивает Р.Ингарден, «мы – феноменологи – не хотим отказаться от знания всей... научной культуры прошлого... Но знать всё это ещё не значит принимать это как предпосылку, как значимую неоспоримую истину. Нужно постараться обойтись без предпосылок» [10, с. 75]. Это относится не только к области технических изобретений, но и к социальным отношениям; Н.Гартман говорит о проблемах устойчивого развития: «Новатор должен привести в движение историческую силу... Тем же самым образом человек «испытывает» политическую ситуацию,

в которой он живёт, а в известных рамках – и ход мировой истории. Судьба народа и государства – это всегда и судьба отдельного лица. Война и мир, революция и реакция, инфляция и безработица – всё это сказывается на нём... И этот опыт есть не отстранённое наблюдение» [3, с. 451]. Однако в процессе феноменологической редукции «выносятся за скобки» также и повседневный жизненный «опыт», который часто придаёт этическим рассуждениям меркантильный характер, заставляет субъекта отказаться от истины в пользу сиюминутной выгоды. В структуре человеческого сознания тем самым раскрываются чистые априорные формы, лежащие в основе всякого творческого акта, служащие базисом для создания феноменологической концепции устойчивого развития социокультурных систем.

Тем самым философия Э.Гуссерля и его последователей тесно связана с проблемами развития науки и технологии; она предлагает действенный метод эффективной интенсификации творческих способностей инженера и учёного. Однако этико-философский аспект техногенеза касается в значительно большей степени тех вредных последствий технического прогресса, с которыми в массовом порядке столкнулась современная цивилизация. Их преодоление, с точки зрения феноменологического подхода, тоже лежит исключительно в сфере чистого трансцендентного сознания. В этом смысле Э.Гуссерль неоднократно говорит о кризисе современной цивилизации, не смотря на все достижения научно-технического прогресса. «Действительно ли существует кризис наук при их постоянных успехах?», - спрашивает философ в одной из своих поздних работ [5, с. 17]; и утверждает, что это вполне реально в условиях, когда наука всё больше теряет свою жизненную значимость, становится средством конфронтации и разрушения, редуцируется позитивизмом «к науке всего лишь о фактах» [5, с. 19]. В самом деле, мир новейших изобретений в настоящее время успешно обновляется, человечество осваивает новые источники энергии, развивает информационный технологии, модернизирует материальное производство. «Но в чём же заключается «проблема» техники? – задаёт вопрос один из последователей Э.Гуссерля. - Может показаться, что проблема техники является результатом суммирования проблем, связанных с побочными воздействиями технических достижений: ... отходами промышленных предприятий... и т.д.» [1, с. 71]. Но загрязнение приро-

ды вовсе не само по себе внушает тревогу, существуют вполне эффективные технологии её защиты. Главную опасность представляет неспособность человеческого сознания творчески переосмыслить сложившуюся негативную ситуацию, признать необходимость совместных усилий по охране окружающей среды. Вопрос устойчивого развития лежит в области этики, а не механики, «проблема техники имеет существенное отношение к ответственности человека в истории» [1, с. 76]. Промышленно развитые страны продолжают загрязнять природу по причине своей разобщённости, поскольку в условиях взаимного экономического противостояния они не могут разумно распределить между собой финансовые затраты, необходимые на техническую реализацию природоохранных проектов, не готовы ограничить свой производственный потенциал ради общей экологической безопасности.

Такого рода нравственно-этический аспект феноменологии ясно прослеживается в творчестве Э.Гуссерля [17]. При поверхностном рассмотрении духовной культуры может сложиться впечатление, что она исчерпывается совокупностью исторически ретранслируемых от одного поколения к другому программ деятельности. Однако, в таком случае, последовательно проведённая феноменологическая редукция лишила бы теорию устойчивого развития социокультурных систем вообще какого бы то ни было содержания. С точки зрения Гуссерля, картина оказывается значительно полнее, включает в себя инновационные процессы. Пояняя проблему вычленения в феноменах сознания творческого аспекта рассудочной деятельности, он указывает: «Это универсальное лишение значимости («сдерживание», «вывод из игры») всех точек зрения... или... это феноменологическое «эпохе», заключение в скобки объективного мира вовсе не оставляет нас ни с чем. Напротив, то, ... что таким путём приобретаю я, размышляющий, есть... универсум феноменов в феноменологическом смысле» [6, с. 347]. Выявление такого рода творческих инноваций сознания составляет суть феноменологического подхода к проблеме устойчивого развития в эпоху техногенеза.

Пояснить сказанное можно следующим примером. Каждый человек в процессе воспитания и своего личностного становления получает какие-то представления об окружающем мире, характерные для его исторической эпохи и социальной среды, служащие основой

устойчивого развития соответствующей социокультурной системы. Однако если он ограничится их некритическим восприятием, то окажется беспомощен при резком изменении внешней обстановки, с появлением новых проблем, обусловленных, в частности, ухудшением экологической ситуации, неупорядоченным природопользованием и т.п.

Вместе с тем, повседневный «опыт» подсказывает субъекту, что условием дальнейшего устойчивого развития является, по преимуществу, получение максимального количества жизненных благ, материальных ресурсов в рамках социальной системы. Поэтому при возникновении их недостатка, современный человек стремится, опираясь на «право первого», или «право сильного», не думая о последствиях, как можно больше захватить из их оставшегося количества. К примеру, в условиях экологического кризиса, некоторые страны, пока есть возможность, стараются ускорить темп освоения истощающихся природных ресурсов, расположенных на их территории либо принадлежащих более слабым в военно-политическом отношении сопредельным регионам. Разумеется, это ухудшает общую негативную тенденцию, усугубляет кризисные явления, делает развитие социокультурной системы в масштабе всего человечества неустойчивым и деструктивным.

В условиях техногенного противостояния люди должны задуматься, рационально оценить грозящую опасность, принять коллективные решения по её преодолению. Однако «опыт» ничего не может подсказать по этому поводу, ведь возможное в будущем дальнейшее ухудшение ситуации ещё не наступило, его ещё нельзя наблюдать в реальной действительности. Можно только заранее предвидеть общую тенденцию, используя ресурсы интеллекта, а это относится не к чувственному «опыту», а к трансцендентальным способностям человеческого разума. В этом смысле «естественная почва бытия по своей бытийной значимости вторична, она всегда предполагает трансцендентальную; и поскольку именно к ней приводит нас фундаментальный феноменологический метод трансцендентального «эпохе», он носит название трансцендентально-феноменологической редукции» [6, с. 348]. Именно поэтому Гуссерль предлагает в рамках философствования «вынести за скобки» материальный опыт, факты вещественного бытия, не опасаясь даже многочисленных последующих обвинений в субъективизме: «Вы-

ключая полагание мира, природы, мы воспользовались этим методическим средством для того, чтобы вообще стал возможным поворот взгляда к трансцендентально чистому сознанию» [4, с. 125]. Материальная природа (при всей своей “первичности”) никуда не исчезла; она просто выпала из поля зрения, полностью сосредоточившегося на творческих способностях человеческого разума, служащих предпосылкой любых инновационных решений. Подобный подход позволяет осмыслить проблему устойчивого развития социокультурных систем в соответствии с требованиями объективной истины, абстрагируясь от привычных предрассудков и сиюминутной выгоды.

Истинное познание имеет характер интуитивного озарения, «при феноменологическом постижении сущности открывается... такая наука, которая в состоянии получить массу точнейших... познаний без всяких косвенно символизирующих и математизирующих методов, без аппарата умозаключений и доказательств» [9, с. 174]. Появляется возможность спонтанного поиска новаторских решений, выраженных актом интенциональности, направленности сознания на какой-либо конкретный предмет. Если в качестве этой предметности выступают техногенные проблемы современности, феноменологический метод позволяет стимулировать процесс интуитивного постижения их сущности и причинности, найти способы их эффективного преодоления в целях сохранения дальнейшего устойчивого развития социокультурной системы.

Понятие интенциональности приобретает в рамках феноменологической интерпретации устойчивого развития основополагающее значение. Оно обладает сложной структурой; как указывает Э.Гуссерль: «В потоке сознания мы имеем двойную интенциональность. Или мы... всматриваемся в первичный ряд переживаний... Или мы направляем взгляд на интенциональные единства... : тогда перед нами объективность в объективном времени, собственное временное поле в противоположность временному полю потока переживаний» [7, с. 135]. Тем самым в актах интенциональности диалектически соединяются субъективное чувство истины и её реальное содержание, в современных условиях обусловленное необходимостью эффективного решения глобальных проблем техногенеза.

Посредством интенциональности от возможных предположений отделяется «ясность», «очевидность», как осознание того, что в

производимых действиях реализуются подлинные цели и соответствующие им ценности, направленные на сохранение темпов устойчивого развития социокультурной системы. Происходит «прямое схватывание» ценностей, проявление их в структурных феноменах человеческого сознания. В актах интенциональности, ориентированных на постижение всего нового, Э.Гуссерль видит выражение сущности человека, в отличие от животных, которые в своём поведении руководствуются привычными по форме, неосознанными инстинктами и рефлексам. По своей сути интенциональность есть «стремление предположить в разумном самосхватывании «истинное» в соответствующих отношениях -... истинная или подлинная ценность или добро – в котором простые суждения получают нормирующий их масштаб» [8, с. 125]. Совершая акт интенциональности и опираясь, в дальнейшем, на операцию «эпохе», познающий субъект оценивает и преобразует себя лично в соответствии с нормами разума и критериями устойчивого бытия целостной социокультурной системы.

Точку зрения Э.Гуссерля развивает в дальнейшем Макс Шелер, который тоже трактует способность интуитивно и спонтанно постигать окружающие процессы в их развитии как выражение сущности человека. Стремясь создать универсальную этику ценностей, призванных обеспечить преэминентность устойчивого развития в эпоху техногенеза, он пытается «объяснить специфические монополии *homo sapiens* (среди них – язык, постоянное прямохождение, религия, наука, изготовленный... инструмент)» [15, с. 27]. В работе «Формализм в этике» Шелер отдаёт приоритет не столько «витальным» актам и функциям человека, сколько «чистым феноменам» творческого сознания, обладающим собственной закономерностью. Тем самым область духовных ценностей в качестве конструктивного модального единства отграничивается от «ценностей жизни», обусловленных сиюминутной выгодой, примитивным «опытом». Среди универсальных духовных ценностей, обладающих указанными качествами, особо выделяются «предметы, которые... образуют последнее феноменологическое основание идеи объективного правопорядка» [15, с. 326]. Таким образом, раскрывая через понятие «ценности» аксиологический смысл устойчивого развития, Шелер акцентирует феноменологический статус бытия социокультурной

системы, непосредственно связанный с решением глобальных проблем современности.

Если обратиться к двум обозначенным выше аспектам интенциональности (субъективному и объективному), то необходимо особым образом подчеркнуть, что именно их диалектическая взаимообусловленность создаёт возможность теоретической интерпретации принципов устойчивого развития. Посредством творческого разума все духовные ценности выстраиваются в стройную систему, обладающую объективированным статусом существования. Ориентируясь на неё, субъект осуществляет свою самоидентификацию, более того, он находит оправдание будущей материальнопреобразующей деятельности, т.е. обосновывает её не только «задним числом» *post factum*, но и в долгосрочном последующем соответствии общечеловеческим критериям устойчивого развития. Тем самым осознаётся ответственность за свои поступки и формируется моральная совесть; несовпадение реальных действий с её требованиями порождает субъективный психологический дискомфорт. Признавая наличие своих разумных способностей, обусловленных применением творческого инновационно-феноменологического метода в контексте конкретных жизненных ситуаций, «человек... осознаёт себя вследствие этого ответственным... во всех своих действиях... Там, где они не выдерживают проверки... , там он себя порицает, там он недоволен собой» [8, с. 128]. Это касается как сферы абстрактного познания, так и поступков, направленных на реальные результаты. Подобная социально-этическая мотивация направляет волевые усилия к разумному саморегулированию, обладающему универсальными характеристиками. В субъективном смысле, реализованная в нравственных действиях «воля устойчивого развития» служит основой духовной удовлетворённости, преодолевает психический дискомфорт в условиях техногенного кризиса.

Тем не менее, в рамках акта интенциональности субъективные и объективные аспекты диалектически переплетаются, поэтому интерпретировать феноменологическую концепцию только в её субъективистском значении, как это зачастую делается, было бы неправильно. «Принимая интенциональность сознания за основу, Гуссерль исходит не из субъекта, ... а из субъекта сознания, который способами своего сознания сущностно интенционально отнесён к реальному существу» [14, с. 130 - 131]. Именно эта связь с реальной

действительностью позволяет эффективно использовать априорную идею устойчивого развития при решении техногенных проблем современности.

Интенциональность не исчерпывается «субъективным чувством»; она целенаправленно продуцирует соответствующие переживания, выраженные в феноменах морального сознания, на основе творческого осмысления реальных трудностей, порождённых издержками неупорядоченного прогресса науки и техники. Как подчёркивает Н.Гартман, её объективное содержание обусловлено необходимостью решать эти проблемы, опираясь на коллективные усилия разнообразных политических и хозяйственных субъектов. «Для начала же достаточно зафиксировать разницу способов бытия как данную... Ибо определить её ближе будет не так трудно, если однажды освободиться от предрассудка субъективности идеального бытия и понять, почему и в каком смысле мы в его случае имеем дело с подлинно в-себе-сущим» [3, с. 498]. Поэтому нравственное сознание вынуждено акцентировать такие критерии технического прогресса, которые в силу своего объективированного статуса устраивали бы всех без исключения, не смотря на многовекторность единичных нравственных приоритетов и ценностей, многообразие конкретных жизненных обстоятельств. Основная задача философии, по мнению Гартмана, состоит в том, чтобы сделать беспристрастность основной линией поведения научного работника [19], вывести науку и технику за пределы порочного круга взаимного недоверия и борьбы корыстных субъективных интересов.

Творческий характер акта интенциональности проявляется в сфере бытийственных «парадоксов», демонстрирующих, что в изменившихся условиях привычные трактовки уже не действуют, необходим поиск новаторских решений. С точки зрения подобной новизны, сама постановка этих вопросов, поиск такого рода «парадоксов» обладает самодостаточной ценностью, свидетельствует о проделанной умственной работе, независимо даже от того, будут ли они впоследствии решены позитивным образом. Сама научная новизна той или иной более современной трактовки, наличие диалектического противоречия, которого не видели ранее, но которое по новому актуализировалось в иных обстоятельствах, вносит важный вклад в обеспечение устойчивого развития социокультурной системы.

Примером может служить «мотив Чужого», «парадокс Другого», который играет очень важную роль в рамках феноменологической концепции. В эпоху мировых войн и взаимной конфронтации человечество пыталось на основе военно-промышленного превосходства с позиции силы навязывать ту или иную субъективную трактовку более слабым. Каждая из противоборствующих сторон выступала под лозунгом «защиты общечеловеческих ценностей»; тем не менее, их содержание трактовалось исключительно в свою пользу, исключая мнение любых оппонентов; при этом более убедительной считалась та позиция, которая опиралась на обширные военно-технические ресурсы в конкретных политических обстоятельствах. История показала бесперспективность подобного пути, его опасность в глобальном масштабе. Назрела необходимость найти объективное выражение принципов устойчивого развития, отказаться от субъективного самомнения, необоснованного чувства собственного превосходства над окружающими. Однако здесь возникает принципиальное непонимание Другого (Чужого), парадокс, основанный на его неидентичности: «Взятию на себя судьбы Другого предшествует... необходимость теории, ... которая предполагает оценку и сравнение того, что в принципе несравнимо, поскольку каждое бытие уникально; любой Другой уникален» [13, с. 128 - 129]. Уже сама подобная постановка вопроса, необходимость самоидентификации себя с кем-то совершенно посторонним, выработки на этой основе эффективных критериев устойчивого развития, позволяющих совместными усилиями успешно решать глобальные техногенные проблемы, - всё это непосредственно актуализирует достижения феноменологического метода в современных условиях.

Следует «взять на себя судьбу Другого», попытаться увидеть его Лицо, ощутить свою ответственность за его жизнь и смерть. Стремясь построить на этой основе эффективную теорию устойчивого развития, субъект вынужден так или иначе осуществлять операцию «эпохе», реализовывать интенциональность своего творческого Эго, сопереживать и критически мыслить; из глубины изначального страдания рождается философия как мудрость. «Сознательность человека вовсе не в его возможностях, а в его ответственности, в страдательном отношении к Другому, в согласии с ним, в обязательстве перед ним; именно Другой первичен» [13, с. 135]. В рамках феноменологического редукционизма уже сам процесс подобного

философствования обладает нравственно очищающей силой, наполняет понятие устойчивого развития объективным общезначимым смыслом, позволяет на его основе решать конкретные техногенные проблемы.

Разумеется, проблема Другого не должна ограничиваться уровнем межличностного общения, она трактуется Левинасом расширительно, в масштабе всего человечества. При этом в рассуждении с необходимостью появляется фигура Третьего: Другой имеет к Вам отношение даже опосредованно, когда кто-то Третий причиняет ему зло и, таким образом, порождает необходимость рассудить притязания обеих сторон. В подобной ситуации моральный субъект вынужден направить творческое сознание на поиск объективных критериев: «Третий – тоже мой ближний» [11, с. 336]. Таким образом, делает вывод Э.Левинас, феноменологический метод, трактуемый в духе диалектической антитезы Другого (и Третьего), мог бы значительно облегчить взаимопонимание между людьми, помочь им согласованно направить необходимые ресурсы на охрану окружающей природной среды, обеспечить устойчивое развитие социокультурной системы.

Идеи Э.Левинаса о связи устойчивого развития с глубинным миром эмоций в контексте постижения Другого, поддерживает М.Мерло-Понти [18], затрагивая при этом проблему телесности. Современная техногенная наука исказила и абсолютизировала изначальное предназначение разума. Она погрузила его в мир абстрактных вещей, существующих и самовоспроизводящихся «сами для себя», и в этом бесконечном саморазвёртывании подчиняющих себе человека, заставляющих его видеть в Другом потенциального конкурента в достижении новых материальных благ, тем самым ставящих морального субъекта в отношении конфронтации, превносящих элемент нестабильности в развитие социальной системы. Преодолеть это отчуждение можно только одним способом: надо чтобы научное мышление вернулось к реальным жизненным ценностям, связанным с первичным чувственным восприятием, с ощущением нашей телесности, переместилось в изначальное «есть», обратилось к реальному природному (не искусственному) миру, каким он существует для нашей жизни (а не «героической смерти» в бесконечной борьбе за всё новые потребительские возможности). Подобная жизнеутверждающая установка творческого сознания поз-

волит ему обрести эмоциональное ощущение Другого: «Необходимо, чтобы вместе с моим телом пробудились и ассоциированные тела – «другие», ... вместе с которыми я осваиваю единое и единственное, действительное и наличное Бытие» [12, с. 11]. Именно сопереживание Другому, ощущение его телесной самоидентичности в границах естественного природного мироздания, первичного жизненного мира, должно стать основой саморазвития общественной системы, позволяющей совместными усилиями защитить эту бытийственную структуру от опасностей неуправляемого техногенеза.

Одна из основных трудностей феноменологического обоснования устойчивого развития состоит в соприкосновении двух типов интенциональности, относящихся к своему собственному и чужому миропониманию. Необходимость установления диалога предполагает соотнесение личной точки зрения с чужими притязаниями, что неизбежно предшествует любому партнёрству. Своеобразие чужого притязания выражается в том, что в нём переплетаются две взаимообусловленные формы: с одной стороны, это призыв, который направлен к кому-то, с другой – претензия, которая распространяется на нечто. Каждая попытка морального обоснования того или иного поступка заранее предполагает фактические претензии, становящиеся, тем самым, чем-то большим, чем простые факты. Мораль обнаруживает здесь своего рода лауну: «Творческое выражение опыта предполагает, что сам опыт открывает определенный вид диалогической структуры. Опыт не ограничивается тем, что он что-то полагает или на что-то нацелен, но отвечает на что-то, использует то, что ему встречается... Такое различие между что собственного ответа и на что чужой претензии... означает тогда переход от чужого к собственному» [2, с. 160]. Соответственно акту вопрошания и ответ тоже принимает дуалистическую форму. Исходя из теории речевых актов, ответ-*answer* адекватен фактической претензии «на что-то». Но существует ещё и личностная претензия «ко мне», на которую даётся ответ-*response*. К примеру, на вопрос можно ответить, сообщив требуемую позитивную информацию, а можно – встречным вопросом, ничего не сообщив, но высказав тем самым своё отношение к вопрошающему. Только учитывая все эти нюансы, считают последователи феноменологии, можно обеспечить устойчивое развитие на основе диалога отдельных субъектов, со-

ставляющих социальную систему (каждого с их собственной интенциональностью). Человек это не только существо, обладающее разумом, но и «существо, которое отвечает». Подобная дефиниция по-новому отражает различие как между человеком и животным, так и между человеком и машиной. В диалогической вопросно-ответной форме проявляется во всей своей неоднозначности «мотив Чужого», позволяющий, в конечном итоге, согласовать претензии отдельных хозяйственно-экономических субъектов на более интенсивное пользование природными ресурсами, дальнейшее повышение уровня жизнеобеспечения. Возможность установления подобного диалога является важной заслугой Э.Гуссерля: «Он научил нас, как самим... улучшать себя и как давать исправлять себя другим,- с тем чтобы уметь браться за те большие проблемы, которые здесь встают, придавать им конкретную форму и, по крайней мере, подготавливать их разрешение» [10, с. 220]. Иницилируя творческое сознание, феноменологический метод тем самым даёт возможность непрерывно поддерживать устойчивое развитие социокультурной системы, по мере того, как она подвергается дестабилизирующему воздействию всё новых техногенных факторов. Эта задача приобретает особую актуальность в начале третьего тысячелетия, в условиях дальнейшего обострения техногенных проблем современности.

Литература

1. Блюменберг Х. Жизненный мир и технизация с точки зрения феноменологии//Вопросы философии,1993,№10.
2. Вальденфельс Б. Мотив чужого.- Мн., 1999.
3. Гартман Н. К основоположению онтологии.- СПб., 2003.
4. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т.1.- М., 1999.
5. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология.- СПб., 2004.
6. Гуссерль Э. Логические исследования.- Мн., М., 2000.
7. Гуссерль Э. Собр.соч. Т.1. Феноменология внутреннего сознания времени.- М., 1994.
8. Гуссерль Э. Статьи об обновлении // Вопросы философии, 1997, № 4.

9. Гуссерль Э. Философия как строгая наука.- Новочеркасск, 1986.
10. Ингарден Р. Введение в феноменологию Эдмунда Гуссерля.- М., 1999.
11. Левинас Э. Избранное: Трудная свобода.- М., 2004.
12. Мерло-Понти М. Око и дух.- М., 1992.
13. Философия, справедливость и любовь (Беседа с Эмманюэлем Левинасом) // Философские науки, 1991, № 6.
14. Херрманн Ф.-В.фон. Понятие феноменологии у Хайдеггера и Гуссерля.- Мн., 2000.
15. Шелер М. Избранные произведения.- М., 1994.
16. Эмманюэль Левинас: путь к Другому. Сборник статей и переводов, посвящённый 100-летию со дня рождения Э.Левинаса.- СПб., 2006.
17. Donohoe, Janet. Husserl on ethics and intersubjectivity: from static to genetic phenomenology.- Amherst, N.Y.: Humanity Books, 2004.
18. Gordon, Haim. Maurice Merleau-Ponty*s Phenomenology of perception: a basis for sharing the earth.- Westport, Conn.: Praeger, 2004.
19. Morgenstern, Martin. Nicolai Hartmann: Grundlinien einer wissenschaftlich orientierten Philosophie.- Tubingen: Francke Verlag, 1992.

2. Историческое развитие социокультурных систем и техногенные архетипы «коллективного бессознательного».

Не только феномены творческого сознания привлекают внимание современных философов, интересующихся проблематикой устойчивого развития социокультурных систем в условиях техногенеза. Существует ещё обширный пласт «бессознательного», находящегося за пределами рационально-логического постижения, однако оказывающего непосредственное влияние на жизнь технократического социума. При всей кажущейся разумности и упорядоченности научной деятельности, стремящейся, особенно в области естествознания, к ясным и точным идеалам математических формул и уравнений, глубинные мотивы деятельности учёного зачастую подчиняются спонтанным иррациональным импульсам, которые не всегда осознаются даже им самим. Тем в большей степени

это касается обычного человека; по прошествии времени люди сами удивляются абсурдности и безрассудству своих поступков: бессмысленно растроченные в мировых войнах материальные ресурсы и человеческие жизни; хищнически разграбленные и бесполезно растратированные богатства природы; периодические вспышки массового психоза, приводящие к власти политических лидеров на грани психопатологии, ввергающих мир в пучину новых конфликтов и взаимного уничтожения. По мере того, как в условиях научно-технического переворота неизмеримо увеличиваются разрушительные возможности человечества, скрытые у него в подсознании деструктивные тенденции начинают угрожать его дальнейшему выживанию. Ряд современных мыслителей попытались исследовать специфику бессознательного, чтобы предложить человечеству направить его энергию в созидательное русло, обеспечить тем самым жизнеспособность социокультурной системы, её дальнейшее устойчивое развитие.

Как указывает Э.Фромм, причина возникших проблем состоит в том, что в современном мире «технологическое развитие превращается в основу этики» [11, с. 63]. Развитые страны, стремясь опередить друг друга, неизбежно вступают в борьбу за природные ресурсы, каждая из сторон трактует ситуацию в свою пользу, действуя исключительно с позиции силы. Развитие военных технологий в требует дополнительных материальных ресурсов, что ведёт к новым виткам конфронтации. Стремление к превосходству приобретает навязчивый невротический характер, вступает в неразрешимое противоречие с базисными для человеческого общества гуманистическими ценностями. Возникает чувство раздвоенности, разобщённости, тревоги и неустроенности, которое само по себе становится источником неустойчивого развития системы; Карен Хорни подчёркивает, что в структуре технократического социума, как и в психике индивида «источник конфликта вращается вокруг утраты невротиком способности желать чего-либо искренне, потому что его истинные желания разделены» [13, с. 30]. Фатальный круговорот принимает более обострённые формы, за иллюзорной рациональностью всё чаще проглядывают слепые стихийные силы безумия. Анализируя итоги вооружённых конфликтов 20-го века, повлекших огромные жертвы, Жак Лакан констатирует: «Разрушения эти, которые кажутся нам нелепой случайностью, рецидивом вар-

варства, необходимо связаны, на самом деле, с передовой позицией нашего дискурса» [5, с. 305]. Он отмечает, что «бряцанье оружием, которое ставит под угрозу саму планету как место обитания человечества, раздаётся вокруг нас каждый день» [5, с. 136 -137]. Технический прогресс осуществляется по собственным законам, часто недоступным человеческому пониманию; при этом наличие самого человека как живого существа, активной творческой личности, постепенно становится излишним. Э.Фромм конкретизирует: «Мы перестаём быть хозяевами техники и, напротив, становимся её рабами... : великие державы (а также... менее крупные государства) продолжают разрабатывать ядерное оружие... и, в сущности, ничего не делается для преодоления угрозы экологической катастрофы. Иными словами, ничего не делается для того, чтобы сохранить человеческий род» [12, с. 330]. Перед философами-психоаналитиками встаёт фундаментальная проблема проникнуть в суть бессознательных саморазрушительных тенденций, управляющих техногенной цивилизацией, выработать новые универсальные критерии устойчивого развития, которые могли бы объединить человечество и увеличить его шансы к выживанию. К.Г.Юнг по этому поводу чётко формулирует: «Наш век обусловил демонизацию человека и его мира. Появление диктаторов и все несчастья, которые они принесли, происходят от близорукости и всезнайства, отнявших у человека все, что находится по ту сторону сознания, фактически превративших его в жертву бессознательного. Задача же человека, напротив, заключается в том, чтобы проникнуть в бессознательное и сделать его достоянием сознания» [16, с. 136]. К сожалению, бессознательное по самой своей природе ускользает от какого бы то ни было научно-философского анализа, проникнуть в его мир как в индивидуальном, так и в обще-социологическом смысле можно только опираясь на косвенные свидетельства: сны и сновидения, воспоминания раннего детства, мифы, легенды, предания, артефакты массовой культуры.

Приступая к исследованию структур бессознательного как фактора устойчивого развития, необходимо кратко эксплицировать содержание основополагающих терминов. Обычно обращение к данной тематике связывают с именем З.Фрейда, первоначально разработавшего психоаналитический метод как медицинское средство профилактики и лечения неврозов, однако вскоре поднявшего пси-

хоанализ на уровень одной из фундаментальных философско-этических концепций. В работе «Я и Оно» Фрейд замечает: «Разделение психики на сознательное и бессознательное является основной предпосылкой психоанализа» [7, с. 352]. В структуре психики субъекта он условно выделяет три уровня: бессознательное «Оно» (Id), рационализированное сознание - «Я» (Ego) и «Сверх-Я» (Super-Ego), совокупность социальных запретов, проникающих в психику индивида и табуирующих свободное выражение бессознательного. Несколько утрируя, «мы создали себе представление о связанной организации психических процессов в личности и называем эту организацию «Я» личности. К этому «Я» прикреплено сознание» [7, с. 355]. Однако подобная трактовка не является чем-то новым: образ человеческого разума, управляющего чувствами, эмоциями, страстями и животными аффектами, приходит ещё из эпохи античности. Заслуга Фрейда состоит в том, что он сделал акцент на понятии “бессознательного”, вернул человеку его биологическую природу и попытался проанализировать сущность её конфликта с социокультурными факторами личности. «Теперь индивид для нас – психическое «Оно», ... бессознательное, на котором поверхностно покоится «Я» [7, с. 361]. Будучи биологическим существом со всем набором первичных импульсов (питание, размножение, самосохранение), человек формирует своё сознание, осмысливает особое положение личностного “Я” к остальному миру (“не-Я”), к другим аналогичным субъектам (“Ты”, “Мы”, “Они”). Приспосабливаясь к воздействию окружающей природной среды, он создаёт науку и промышленное производство как основу устойчивого развития; при этом субъект неизбежно вынужден устанавливать сложную систему общественных отношений, регулируемых уже не первичным социальным инстинктом (как, к примеру, у стадных животных), а более гибкой системой нравственных норм и принципов. Он уже не может свободно реализовывать свои биологические импульсы, вынужден себя сдерживать и ограничивать; общество, защищая его от враждебной внешней природной среды, подчиняет и обуздывает его собственную биологическую природу. Всё это налагает отпечаток на личность: «Власть может быть и внутренней, выступая под именем долга, совести или «суперэго»... У неё множество масок: здравый смысл, наука, психическое здоровье, нормальность, общественное мнение» [9, с. 144]. Проблема состоит в том, что первич-

ная биотическая энергия никуда не исчезает; если не направить её в позитивное русло (не сублимировать), то она приведёт к антисоциальному девиантному поведению, либо станет причиной невроза. И то, и другое разрушает отдельную личность, подрывает основы устойчивого развития социокультурной системы.

Вторая заслуга Фрейда состоит в обращении к детской сексуальности (ребёнок до периода полового созревания традиционно считался асексуальным существом, «невинным ангелом», «цветком жизни»). По Фрейду детская сексуальность проходит оральную, анальную и генитальную фазу; фиксация на любой из них может впоследствии проявиться во взрослом возрасте, обуславливая соответствующий тип характера: общительный, накопительский и т.п. (Ж.Лакан добавляет к ним «стадию зеркала», когда ребёнок учится узнавать собственное отражение, начинает формировать рациональное «Эго»). Первоначально объектами влечения становятся близкие люди, с которыми ребёнок вступает в телесный контакт: общение с матерью в период кормления доставляет удовольствие, даёт чувство заботы и защищённости; отец символизирует внешнюю силу, отвлекающую мать от ребёнка (т.н. «Эдипов комплекс»). «Упрощённый случай принимает для ребёнка мужского пола следующий вид: ... вследствие усиления сексуальных желаний в отношении матери и сознания, что отец для этих желаний является препятствием, возникает Эдипов комплекс. Идентификация с отцом принимает враждебную окраску» [7, с. 368]. Сам термин берётся исследователем из античной трагедии Софокла: влекомый роком, царь Эдип по незнанию убивает своего отца Лая и становится мужем своей матери Иокасты, за что впоследствии его жестоко карают боги. Фрейд считает, что эта трагедия продолжает волновать современного зрителя не столько темой бессилия человека перед лицом судьбы или перед волей высших сил, сколько преломлённым отражением его собственных бессознательных стремлений. Роль Эдипа «могла бы стать нашей судьбой, потому что оракул снабдил нас... таким же проклятием... Всем нам... суждено направить наше первое сексуальное чувство на мать и первую ненависть и насильственное желание на отца; наши сновидения убеждают нас в этом» [6, с. 268 - 269]. В качестве примера перенесения Эдипова комплекса, Фрейдом приводится фобия «маленький Ганс»: Ганс боится лошадей, поскольку лошадь может его укусить, так как Ганс хочет

чтобы она упала (умерла); лошадь такая же большая и сильная, как его отец – типичный случай бессознательного желания смерти [7, с. 319]. Причиной подобного переноса является нравственный запрет со стороны «Супер-Эго», который начинает действовать в процессе воспитания и первичного формирования личностных установок. «Это изменение «Я»... противостоит другому содержанию «Я» как «Идеал Я» или «Сверх-Я»... «Сверх-Я» сохранит характер отца, и чем сильнее был Эдипов комплекс, чем быстрее (под влиянием авторитета, религиозного учения, обучения...) произошло его вытеснение, тем строже «Сверх-Я» будет позже царить над «Я» как совесть, ... как бессознательное чувство вины» [7, с. 370]. Таким образом, у взрослого индивида влечение к матери и агрессия к отцу уже отсутствует: «Происходящее здесь превращение либидо... приводит к отходу от сексуальных целей – к десексуализации, т.е. к своего рода сублимации» [7, с. 366]. Энергия бессознательного в процессе сублимации переходит в другие санкционированные обществом формы: в работу, учёбу, художественное творчество и т.п. Тем самым снимается конфликт сознания и бессознательного, субъект адаптируется в социальную систему, чем обеспечивается её устойчивое развитие. В случае задержки возможны невротические расстройства; задача врача-психоаналитика состоит в том, чтобы в ходе доверительной беседы на кушетке через анализ сновидений, инфантильных страхов, воспоминаний детства проникнуть в мир бессознательного, обнаружить патогенную этиологию и подсказать пациенту возможные методы сублимации (как дополнение иногда используется гипноз и медикаментозное лечение).

От психиатрических методов анализа индивида Фрейд переходит к философскому истолкованию биологического и исторического развития человечества как вида, уподобляя онтогенез филогенезу. Причину техногенных проблем современной цивилизации, её патологической агрессивности, направленной от человека к природе и к другому человеку, исследователь видит в элементах невроза, протекающих из первичного конфликта биологической и социальной сущности человека как вида *homo sapiens*. В рамках исторического процесса он выделяет три стадии, сопоставляя их с основными этапами развития личности ребёнка. Первобытному обществу соответствует анимизм, мистическое одушевление окружающей природы в сочетании с попытками воздействовать на неё силой магии и шама-

низма, с верой в тотем рода, с неосознанными запретами-табу; древним обществам (древний Восток, античность, средневековье) присуща религиозность в форме политеизма и монотеизма; современному техногенному обществу – развитие научного взгляда на окружающий мир. «Анимистическая фаза соответствует... нарцизму, религиозная фаза – ступени любви к объекту, ... а научная фаза составляет полную параллель тому состоянию зрелости индивида, когда он отказался от принципа наслаждения и ищет свой объект во внешнем мире, приспособляясь к реальности» [7, с. 282]. По мере того, как, согласно эволюционной теории естественного отбора Дарвина-Спенсера, человек биологически развивается из обезьяны (дриопитека), в его формирующемся сознании возникает первичный конфликт (на фоне Эдипова комплекса), который сохраняется и периодически обостряется до настоящего времени. С конца XIX века, когда Фрейд создавал свою концепцию, данные о самых ранних гоминидных формах, промежуточных между человеком и обезьяной, постоянно уточняются; в настоящее время антропологи и палеонтологи рассматривают границу появления протоантропов (австралопитеков, вид *homo habilis*) между 5 – 2 миллионами лет назад, относя их к нижней плейстоценовой фауне; время появления архантропов (питекантроп и синантроп, вид *homo erectus*) - около 0,5 млн. лет. С точки зрения социальной структуры - это всё ещё человеческое стадо, соединённое вместе биологическим инстинктом и имеющее «гаремную» организацию: вожак – некоторое количество самок – молодняк, подрастающее поколение. В ходе полового отбора, борьбы за самку, молодые соперники сначала изгоняются вожаком, а затем пытаются занять место вожака в другом аналогичном сообществе: таким образом генофонд постоянно самообновляется, причём в размножении участвуют только взрослые сильные и крупные особи. Всем управляет инстинкт, о каких-либо других формах регуляции ещё нет речи. В работе «Тотем и табу» Фрейд указывает: «В Дарвиновской первичной орде нет места для зачатков тотемизма. Здесь только жестокий ревнивый отец, приберегающий для себя всех самок и изгоняющий подрастающих сыновей» [7, с. 331]. Аналогичные отношения характерны и для других биологических видов (стадо копытных, стая хищников), «предполагаемые Darwin'ом обстоятельства жизни первобытной орды легко можно наблюдать в табунах диких лошадей» [7, с. 332]. Однако по мере

развития орудийной деятельности (мустьерская культура на стадии неандертальца, вид *homo sapiens neandertalensis*) «сыновья» получили преимущество перед «отцом», «культурный прогресс, умение владеть новым оружием дал им чувство превосходства» [7, с. 331]. Произошёл скачок от человеческого стада к полигамной семье, родо-племенной общине, сопровождавшийся окончательным становлением физического облика современного человека (кроманьонец, вид *homo sapiens sapiens*). Ещё позже, при переходе к земледелию умственный труд отделился от физического: «Примерно около четырёх тысяч лет тому назад... человек сделал новый шаг в длительном процессе своего выделения из природы... Разум и совесть стали для него руководящими принципами; его целью было общество, связанное узами братской любви» [10, с. 471]. Тем не менее, этим прекрасным надеждам так и не суждено было сбыться: вся история человечества вплоть до настоящего времени предстаёт как череда войн, преступлений, агрессивного противостояния. Уже в рамках первобытного существования наметился основополагающий конфликт: «Культура с самого начала развивалась как человеческая природная активность на основании собственной противоположной информации, наносящая ущерб необратимого характера биосфере и самому человеку» [2, с. 121], отсюда вытекает психоаналитическая тема «недовольства культурой».

Развивая орудийную деятельность, «сыновья» сумели преодолеть диктат «отца», перейти от природной организации человеческого стада к полигамным родо-племенным отношениям. Однако они тотчас понесли заслуженную кару со стороны своей биологической природы: поскольку при полигамии молодое несформировавшееся поколение уже никто не изгоняет за пределы популяции и все они преждевременно принимают участие в близкородственных половых отношениях, намечается тенденция вырождения. Считается, что первоначально это послужило сильнейшим мутагенным фактором, обусловившим скачок от биологического типа неандертальца к кроманьонцу; однако дальнейшее вырождение ставит новый вид на грань исчезновения. Не умея объяснить генетические механизмы подобных процессов, первобытный человек видит в них влияние потусторонних сил, месть со стороны свергнутого праотца, пращура, который становится объектом почитания в качестве родового тотема. С ним пытаются договориться, добровольно выполняя те

требования, которые первичный «отец» осуществлял с помощью физической силы; ограничивают себя, налагая «табу» на любые проявления инцестуальных отношений. В этом Фрейд видит зачатки нравственной регуляции, религии, искусства, всех форм духовной культуры современного общества: «Тотемистическая религия произошла из сознания вины сыновей, как попытка... умиловить оскорблённого отца поздним послушанием. Все последующие религии были попытками разрешить ту же проблему» [7, с. 334]. Типичным примером может служить христианская конфессия, которая через десять заповедей и Нагорную проповедь призывает возлюбить ближнего, однако вполне очевидно содержит рудименты первобытного невроза: «Согласно... закону Талиона, убийство можно искупить только ценой другой жизни; самопожертвование указывает на кровавую вину... Таким образом, в христианском учении человечество самым откровенным образом признаётся в преступном деянии доисторического времени, потому что самое полное искупление его оно нашло в жертвенной смерти сына... Он сам становится богом, наряду с отцом... Религия сына сменяет религию отца» [7, с. 343]. Исследуя множество аналогичных примеров в их историческом преломлении, Фрейд делает вывод, что «в Эдиповском комплексе совпадает начало религии, нравственности, общественности и искусства в полном согласии с данными психоанализа, по которым этот комплекс составляет ядро всех неврозов» [7, с. 345]. Именно поэтому устойчивое развитие социокультурной системы постоянно испытывает давление со стороны дестабилизирующих факторов: человек бессознательно стремится, но не может вернуться в своё первоначальное животное состояние.

Техногенная культура и социальная жизнь являются необходимыми условиями его существования, позволяющими ему достичь современной численности и уровня благосостояния. Однако они находятся в отношении имманентного конфликта с природой как вне, так и внутри человека; исторический субъект обуреваем противоречиями, которые время от времени достигают критического уровня, вызывают своего рода массовое умопомешательство. И всё же стремление к устойчивому развитию имеет смысл: оно служит эффективным средством рационализации первичных импульсов, сублимирует энергию бессознательного, смягчает возникшие противоречия.

Теория Фрейда часто подвергалась критике и коррекции со стороны его последователей. Жиль Делёз обвиняет её в редуционистском стремлении свести все проблемы техногенного социума к рудиментам детского сексуального опыта (по схеме: «Гитлер стал диктатором-разрушителем потому, что в детстве его баловала мать, но подавлял властный отец» и т.п. [8, с. 94 - 116]), игнорировании общественного воздействия на личность субъекта. Между тем, человеческая цивилизация охвачена всеобщей машинерией, сам человек уже стал «желающей машиной», «телом без органов»: «Ограничивая жизнь ребёнка Эдипом, ... мы осуждаем себя на неправильное понимание... всей игры первичного вытеснения, желающих машин и тела без органов» [3, с. 80]. Промышленная структура стремится к саморазвитию, поэтому через рекламу и “систему моды” она целенаправленно непрерывно воздействует на личность, вызывая у неё гипертрофированные желания, не связанные с удовлетворением первичных жизненных запросов. Современный человек не в силах сказать: “Хватит, премлемый уровень жизни уже достигнут”, ему нужны всё новые, самые модные и “передовые” достижения потребительской индустрии. Он становится приложением производственных технологий, своего рода “желающей машиной”. Потребление идёт по нарастающей, природных ресурсов на всех не хватает, это становится причиной ужесточения конкуренции как между индивидами внутри социальной системы, так и между странами с развитой экономикой. При подобном машинизированном существовании ни о какой стабильности устойчивого развития не может быть и речи: бессмысленно наращивая темпы потребления, разбазаривая природные ресурсы ради сиюминутной выгоды промышленных корпораций, разрабатывая всё более ужасающие средства уничтожения, которые якобы должны повысить шансы отдельных государств в борьбе с себе подобными, человечество движется к самоуничтожению.

Развитие машин и механизмов требует известной рационализации, которая распространяется и на общественные структуры, делает их системными и упорядоченными (т.н. тенденции “логоцентризма”). Однако эта разумность только кажущаяся и поверхностная. За ней скрыты могучие иррациональные импульсы на грани безумия, ведущие человечество по его фатальному пути (их подробно исследуют в своих работах М.Фуко [16] и другие постмо-

дернистские авторы). Техногенная культура объективно содержит саморазрушительные черты шизофрении («Разрыв между мыслью и аффектом ведёт к болезни, к... шизофрении, от которой начинает страдать новый человек технотронной эры» [11, с. 77]), поэтому подлинная «революция, на этот раз материалистическая, может осуществиться лишь... путём разоблачения того незаконного использования синтезов бессознательного, которое проявляется в эдиповом психоанализе, так что в итоге будет обнаружено трансцендентальное бессознательное, определённое имманентностью своих критериев, и соответствующая практика, определяемая как шизоанализ» [3, с. 121 - 122]. Разрабатывая методы шизоанализа, Ж.Делёз и Ф.Гваттари соединяют понятие “бессознательного” с постмодернистскими требованиями “деконструкции логоцентризма”, открывающей простор инновационным трактовкам устойчивого развития социокультурных систем в рамках полифонического звучания, диалога, прорыва грамматики, нелинейной нарративности, хаоса дискурсивных практик (об этом подробнее будет сказано в последнем параграфе данной главы).

Категорию «желания», принцип «удовольствия» активно использует Жак Лакан как эквивалент фрейдовского «бессознательного», расширяющий его структуру за пределы сексуальности (понятие «Я» - осознанного соответствует «Вещь» - *das Ding*, «Реальность» - *die Wirklichkeit*). Для морального субъекта существует «с одной стороны – бессознательное, с другой – сознание... Канву же его опыта составляет, если можно так выразиться, эрегированная система желания, *Wunsch*, или ожидания, *Erwartung*, удовольствия» [5, с. 43]. Задачу десексуализации психоаналитической методологии стремился решить уже А.Адлер, вместо “Эдипова комплекса” использовавший понятие “комплекс неполноценности” [1, с. 157], акцентировавший внимание на деструктивных разрывах между социальной и биологической зрелостью индивида, несущих в себе невротический потенциал самоизоляции и немотивированной агрессии, нуждающийся в последующем сублимировании. К.Г.Юнг попытался отойти от патерналистской фрейдовской ориентации: «Фрейд... выбрал... название Эдипов комплекс. Но этот мотив далеко не единственный. Скажем, для женской психологии надо было бы выбрать другое название – комплекс Электры, как я уже давно предлагал» [16, с. 111]. К.Хорни выступает с критикой теории

«комплекса кастрации», посредством которой Фрейд пытался объяснить женское тщеславие, завистливость и другие негативные черты характера. К.Хорни акцентирует их внеполовую социокультурную детерминированность: «Окидывая взором эти тенденции, ясно видишь, что они характерны как для невротиков-мужчин, так и для невротичных женщин. Склонности к диктаторской власти, к эгоцентрическому честолюбию, к тому, чтобы завидовать другим и бранить их, - это непроходящие элементы невротозов нынешнего времени» [14, с. 198]. Вводя термин “коллективное бессознательное”, Юнг движется от общества к индивиду, а не от индивида к обществу; он подчёркивает, что в ходе психоанализа «когда воспроизводятся фантазии, уже не основывающиеся на личных воспоминаниях, речь идёт о манифестациях более глубокого слоя бессознательного, где дремлют общечеловеческие, изначальные образы. Эти образы и мотивы я назвал архетипами... Это открытие означает... признание двух слоёв в бессознательном. Дело в том, что мы должны различать личное бессознательное и не- или сверхличное бессознательное. Последнее мы обозначаем также как коллективное бессознательное» [15, с. 105]. Именно здесь, по Юнгу, скрыты объективные характеристики психических процессов, позволяющие рассматривать не случайные девиантные формы в детских впечатлениях отдельной личности [17], а более универсальные аспекты, касающиеся всего человечества: «Я выбрал термин «коллективное», поскольку речь идёт о бессознательном, имеющем не индивидуальную, а всеобщую природу... Другими словами, коллективное бессознательное идентично у всех людей... Содержаниями коллективного бессознательного являются так называемые архетипы» [16, с. 76]. Их постижение позволяет преодолеть влияние субъективизма, в чём часто обвиняли Фрейда, создаёт предпосылки осмысления общезначимых критериев устойчивого развития социокультурной системы в контексте техногенного социума современности.

К.Г.Юнг разрабатывает сложную градацию архетипов коллективного бессознательного, исторически связанного с мифами, сказками, легендами, обычаями, изначальными традициями, не прошедшими какой-либо последующей рационализации [18]. В дальнейшем его идеи развивают другие последователи психоанализа, в частности К.Хорни. На материале детских невротозов, она вычленяет «три главных стратегии: ребёнок может двигаться к людям, против

них и от них. Двигаясь к людям, он признаёт собственную беспомощность... Подчиняясь ... , он получает чувство принадлежности и поддержки... Когда ребёнок движется против людей, он принимает... состояние вражды с окружающими... Он хочет быть более сильным и нанести им поражение... Когда он движется от людей, он не хочет ни принадлежать, ни бороться; его единственное желание – держаться в стороне» [13, с. 34 - 35]. Так и в современном технократическом обществе: одни стремятся властвовать, другие с готовностью выполняют их самые абсурдные приказы, третьи – равнодушно наблюдают, как социокультурная система движется к своему закату.

Э.Фромм сводит коллективное бессознательное к проявлениям двух основных архетипов: стремлению “Быть” (“любовь к жизни”, Эрос, “биофилия”) и стремлению “Иметь” (“любовь к смерти”, Танатос, “некрофилия”). Фромм подчёркивает, что «эмпирические... психоаналитические данные свидетельствуют о том, что обладание и бытие – это два основных способа существования человека и преобладание одного из них определяет различия в индивидуальных характерах людей и типах социального характера» [15, с. 203]. Деструктивные тенденции психики, в свою очередь, актуализируются в проявлениях садизма (стремление разрушать, властвовать, причинять кому-либо боль и неудобство своими властными проявлениями) и мазохизма (желание тепереть унижения, беспрекословно выполнять чьи-то распоряжения, снимая тем самым с себя ответственность за последствия самостоятельного выбора). Они диалектически связаны между собой как проявление социокультурной деструктивности: «Разумеется, в садистских стремлениях всегда обнаруживается... элемент разрушительности. Но... любой анализ мазохистского характера обнаруживает такую же враждебность» [9, с. 138]. Дело в том, что в обоих случаях имеет место “бегство от свободы”, добровольный отказ от самостоятельного осмысления проблемы устойчивого развития, от готовности принять ответственность за последствия своих решений. Термины Эрос и Танатос Фромм заимствует у Фрейда, где они отражают две стороны Эдипова комплекса: перенесённую на внешний мир гипертрофированную “любовь” к матери и “ненависть” к отцу. Однако Фромм придаёт им социально-философское звучание, рассматривает их как основополагающие презумпции психологии широких масс

народонаселения, заставляющие индивида чётко позиционироваться, подстраиваться под свои требования.

Стремление “Быть” характерно для открытых обществ демократического типа, в рамках которых личностная творческая самореализация обладает высшими ценностными приоритетами, интерпретируется в качестве позитивной нормы человеческого бытия. «Этика биофилии основана на выработанных ею представлениях о добре и зле. Добро – всё, что служит жизни, зло – всё, что служит смерти. Добро – благоговение перед жизнью, утверждение жизни, роста, расцвета» [8, с. 78]. Само общество неосознанно подталкивает индивида к самостоятельному осмыслению своего “места под солнцем”, поискам “экологической ниши” в системе свободной рыночной экономики, полному раскрытию заложенных в нём природных задатков, видит в этом основу общественного процветания.

К сожалению, в условиях техногенного существования, когда развитые страны вступили в непримиримую борьбу за сферы влияния, ведут мировые войны, в рамках глобального противостояния всё чаще проявляются авторитарные тенденции, основанные на бессознательном стремлении “Иметь” власть над окружающим миром, поработать свободную творческую личность. Получают преимущество те социальные системы, которые сумели поставить под государственный контроль все стратегические ресурсы, в том числе человека. Его начинают рассматривать в чисто количественной плоскости как своеобразный придаток к пушкам и снарядам, которые производятся военно-промышленным комплексом. Любые проявления самостоятельности мышления трактуются в негативном плане, происходит героизация смерти и разрушения; общество навязывает индивиду некий социальный заказ (солдаты сражаются, учёные разрабатывают новые типы вооружений, деятели искусства укрепляют идеологию и т.п.), поощряя достигнутые успехи безличными знаками отличия (орденами, почётными грамотами и др.). Вместо самобытной творческой реализации индивид стремится коллекционировать эти мёртвые символы, независимо от того, как они получены; все стороны его личности стандартизируются, в рамках социокультурной системы начинает властвовать безжизненная форма. К сожалению, как указывает Э.Фромм, по мере углубления глобального техногенного противостояния, стремление “Иметь” всё чаще проявляется не только в рамках откровенно авторитарных

режимов (к примеру, в СССР или в нацистской Германии), но и применительно к современным западным демократиям [12, с. 191 - 201]; ужесточение борьбы с международным терроризмом в начале третьего тысячелетия, а также неспособность мирового сообщества эффективно противостоять глобальному потеплению климата, лишний раз подтверждают его правоту.

Умение выявить и целенаправленно сублимировать бессознательные деструктивные тенденции приобретает особую актуальность в рамках техногенного социума современности: «Появление фрейдовского понятия влечения к смерти приобретает для нас смысл потому, что желание наше вот-вот перейдёт рубеж, за которым завеса с него спадёт» [5, с. 306], человечество само себя уничтожит, станет ясно, что за всеми “жизнеутверждающими” устремлениями к материальному благополучию на самом деле скрыто бессмысленное влечение к насилию над творческой личностью, к смерти и саморазрушению. Очевидно, что стремление всё рационализировать, логически систематизировать и поставить под контроль государства вовсе не является эффективным средством преодоления техногенных проблем современности. «Тоталитарное решение, будь оно фашистского или сталинского типа, ... ведёт к ещё большему безумию и дегуманизации» [10, с. 368]. Необходимо активизировать творческие ресурсы отдельной личности, привести её к осознанию разрушительных тенденций массовой психологии, научить самостоятельно находить точки соприкосновения с другими индивидами в рамках социокультурной системы.

«Другой», «мотив Чужого», обладают важной архетипической значимостью в структуре научной репрезентации техногенного социума [19]. Жак Лакан связывает исследование этой проблемы со структурами языка, анализирует «Слово, жонглируя буквами которого... , получим что-то вроде другого слова - «единость», которым и обозначаю я идентификацию Другого с Единым (l'identification de l'Autre a l'Un)» [4, с. 43]. Лакан подмечает, что в классической технике психоанализа пациенту предлагают именно нечто сказать, когда он молчит (не высказаться, или рассказывать, важна не связная логическая последовательность содержательных смыслов, а свободная спонтанная ассоциативность психических образов). Именно через язык формулируется христианская заповедь «люби ближнего твоего как самого себя – та самая, что должна была бы... , стать по-

следним – и сколь своевременным – словом Недовольства культурой» [5, с. 126]. Язык как знаковая система имплицитно отражает сущность «бытия человека в мире», о чём неоднократно говорили М.Хайдеггер, Л.Витгенштейн и другие философы. Именно в языковом выражении артикулируется нравственная составляющая устойчивого развития: «Ибо этика (l'ethique) соотнесена с дискурсом (discours)» [4, с. 72]. При этом подразумевается не только непосредственное звуковое (фонетическое) выражение чувств и мыслей, но и система кодов в широком смысле. Любое произведение духовной и материальной культуры является своего рода текстом, автор через него хочет что-то выразить, сказать другому человеку.

В авторитарном техногенном социуме происходит отчуждение Другого, индивид замыкается в самом себе, перестаёт воспринимать Другого как своё зеркальное отражение. Лакан подчёркивает: «Сегодня я говорил... о Другом – Другом в качестве Вещи, Ding» [5, с. 75]. Проблема Другого служит непосредственным выражением коллективного бессознательного, её решение является важнейшим условием устойчивого развития социокультурной системы. Здесь возникает парадокс самоидентификации субъекта: каждый человек неповторим и уникален, Другой является носителем неидентичности; однако только через него моральная личность может взглянуть на себя со стороны, осознать собственную самость на “стадии зеркала”, выработать устойчивые связи с другими индивидами в рамках общественной структуры: «Это другой с маленькой буквы, нам подобный, тот, с кем имеем мы дело в наполовину укоренённых в природной стихии отношениях стадии зеркала» [5, с. 298]. В техногенном обществе происходит подавление творческой активности морального субъекта, всеобщая «машинизация» лишает его способности самостоятельно осмысливать критерии устойчивого развития в конкретных условиях. Э.Фромм иллюстрирует сказанное примером из детской психологии на основе «комплекса Электры»: если мать за маской любви и заботы скрывает холодность и равнодушие, то «девочка ощущает этот разрыв... , но она зависит от матери... Очень скоро она перестанет замечать неискренность... матери; она утратит способность мыслить критически, ... усвоит шаблон мышления» [9, с. 164]. Так и современный человек: испытывая в технократическом социуме всестороннее давление со стороны государственной пропаганды, массовой культуры, рекламных слоганов,

«системы моды», он привыкает мыслить по шаблону, принимает предлагаемую ему деструктивную трактовку социального развития, начинает считать её своей собственной, соответствующей его желаниям. Однако «диалектика отношений между желанием и Законом такова, что желание вспыхивает в нас только в связи с Законом, посредством которого оно становится желанием смерти» [7, с. 111]. Выступая как «желающая машина», «тело без органов», индивид неизбежно попадает во власть «некрофилических» тенденций бессознательного. Субъект замыкается в себе, теряет связь с реальностью, «существование... Закона, берущего... своё начало в Другом, представляется нам чем-то чуждым» [5, с. 249]. В подобной ситуации помочь адекватному осмыслению понятия устойчивого развития может психоаналитическая методология. Современный человек должен преодолеть творческую самоизоляцию, научиться критически мыслить и без насилия убеждать Другого в своей правоте, выстраивая с ним равноправные взаимовыгодные отношения, направленные на стабилизацию всей социальной системы: «Несадистская радость влияния на людей уважает целостность их личности и основана на чувстве равенства» [9, с. 137]. Э.Фромм связывает с этим так называемую «Революцию надежды», которую он противопоставляет социальным революциям, ставшим предпосылкой многих авторитарных режимов современности, поставивших мир на грань самоуничтожения в борьбе за эфемерные идеалы, основанные на перераспределении частной собственности: «Новое отношение к жизни можно выразить конкретнее в следующих принципах: развитие человека требует от него способности вырваться за пределы ограниченной замкнутости собственного ego, алчности, своекорыстия, ... открыться миру..., испытывать с ним тождественность и целостность; ... скорее быть, чем иметь» [11, с. 239]. В этом Фромм поддерживает Ж.Лакана; для него идеалом становится «Святой», весьма далёкий от технократической борьбы за природные ресурсы, за обобществление («огосударствление») материальных благ: «Ибо... именно с этого безразличия все для него часто и начинается... Чем больше святых, тем больше люди смеются – вот мой принцип. Больше того, это и есть выход из дискурса капиталиста» [4, с. 30]. Каждый индивид должен быть готов самостоятельно ограничить свой потребительский уровень в разумных пределах, в этом состоит его нравственный долг как члена общества. К.Хорни

смотрит на ситуацию более оптимистично, чем основоположники психоанализа: «Согласно Фрейду, базисный конфликт является универсальным и в принципе не может быть разрешён: всё, что можно сделать, это достигнуть более выгодного компромисса или более сильного контроля. Согласно моей точке зрения, ... его разрешение возможно, ...- при условии, что пациент готов испытать значительное напряжение и готов подвергнуться соответствующим лишениям» [13, с. 30]. Причём ограничение уровня потребления должно проводиться добровольно, на основе внутренних убеждений. Э.Фромм обращается к историческим примерам, демонстрирующим трагическую несостоятельность любых насильственных попыток привести человечество ко всеобщему благоденствию: «Маркс и ранние социалисты не сомневались в том, что наступило бы бесклассовое общество... Наоборот, российская система показала, что централизованное планирование порождает ещё более сильную степень регламентации и авторитарности» [10, с. 369]. Ж.Лакан делает вывод, что современный человек не должен увлекаться социальными утопиями, призывающими к возвышенным идеалам, однако на самом деле служащими выражением бессознательных стремлений к смерти и всеобщему разрушению на основе бесконтрольного развития науки и техники. Ему следует сублимировать деструктивные тенденции бессознательного, используя творческое самостоятельное осмысление принципов устойчивого развития: «Понятие творения... не только для... мотива сублимации, но и для этики в самом широком смысле... оказывается центральным» [5, с. 157], становится необходимым условием дальнейшего саморазвития социокультурной системы.

Э.Фромм интерпретирует современную ситуацию в медицинских терминах здоровья и болезни. Технократическое существование несёт в себе явные черты невроза и шизофрении, психического заболевания. Целью должно стать “здоровое общество”; придут новые люди, которые, «воплощая в себе дух братской любви, ... являются самыми радикальными критиками современного общества» [10, с. 466]; Возникнет новая более эффективная и гуманная модель отношений внутри социальной системы и между государствами. Человек преодолет власть бессознательного, перестанет быть придатком машины, ограничит и разумно систематизирует производство и потребление материальных благ. «Мы должны взять на себя

ответственность за жизнь всех людей и развивать в международном масштабе... распределение экономических ресурсов» [10, с. 480]. Анализ архетипов “коллективного бессознательного” в их историческом становлении и чисто психологическом преломлении создаёт важные предпосылки устойчивого развития социокультурных систем в эпоху техногенеза.

Литература

1. Адлер А. Спасение человечества с помощью психологии // Зарубежный психоанализ.- СПб.: Питер, 2001.
2. Глосикова О. Онтологический анализ коэволюционной взаимосвязи социокультурной реальности и природы.- Мн.: УП «Технопринт», 2001.
3. Делёз, Ж., Гваттари, Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения.- Екатеринбург: У-Фактория, 2007.
4. Лакан Ж. Телевидение. М.: ИТДК «Гнозис», Издательство «Логос», 2000.
5. Лакан Ж. Этика психоанализа (Семинары: Кн. VII (1959-60)). М.: Изд-во «Гнозис», Изд-во «Логос». 2006.
6. Фрейд З. Толкование сновидений.- Мн.: ООО «Попурри», 1998.
7. Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет. Кн.1.- Тбилиси, «Мерани», 1991.
8. Фромм Э. Адольф Гитлер: клинический случай некрофилии.- М.: Издательская группа «Прогресс» - VIA, 1992.
9. Фромм Э. Бегство от свободы.- М.: Прогресс, 1989.
10. Фромм, Э. Здоровое общество.- М.: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ, 2006.
11. Фромм, Э. Революция надежды.- М.: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ, 2006.
12. Фромм, Э. Психоанализ и религия; Искусство любить; Иметь или Быть? - К.: Ника-Центр, 1998.
13. Хорни К. Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория невроза.- СПб.: Лань, 1997.
14. Хорни К. Психология женщины // Психоанализ и культура: Избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма.- М.: Юрист, 1995.

15. Юнг К.Г. Собр.соч. Психология бессознательного.- М.:Канон, 1994.
16. Юнг К.Г., Фуко М. Матрица безумия.- М.: Алгоритм, Эксмо, 2007.
17. Franz, Marie-Luise von. Archetypal dimensions of the psyche.- Boston; London: Shambhala, 1997.
18. Hillman, James. Archetypal psychology.- Putnam, Conn.: Spring Publications, c2004.
19. Monk, Patricia. The alien as archetype in the science fiction short story.- Lanham, Md.; Oxford: Scape crow Press, 2006.

3. Техногенная экзистенция в контексте устойчивого развития.

Индивидуально-личностному переосмыслению общезначимых факторов устойчивого развития социокультурных систем, претерпевающих радикальные изменения в условиях промышленного переворота современности, особенно с началом постиндустриального периода и эры информационных технологий, уделяет большое внимание этика экзистенциализма. Ещё в середине 19-го века Сёрен Кьеркегор подробно проанализировал этиологию страха и отчаяния нравственного субъекта перед лицом трагических коллизий техногенной действительности. Как представитель религиозного подхода, на фоне всеобщего восторга от позитивного скачка в области естествознания, он сумел интуитивно предвосхитить побочные результаты прогресса науки и техники, которые дестабилизируют социальную систему и могут поставить на грань отчаяния даже самого просвещённого индивида. Причиной подобного экзистенциально-психологического феномена Кьеркегор считал абсолютизацию возможностей человеческого интеллекта, потерю той индивидуальной религиозной веры, которая изначально являлась краеугольным камнем теологии лютеранства [13]. Идеи религиозного служения через творчество С.Кьеркегора непосредственно перекликаются с этикой русского православия, сформулировавшей собственную версию экзистенциализма (Ф.Достоевский, Н.Бердяев и др.). Положительный пафос индивидуализма и субъективизма в контексте экзистенциальной проблематики имеет место также на основе атеистического мировосприятия: подлинное существование личности

сугубо индивидуально, оно включает в себя те глубинные переживания, которые волнуют её в рамках повседневной жизнедеятельности. Из этой индивидуалистичности экзистенциализм выводит креативную концепцию устойчивого развития, отражающую идеал творческой свободы и независимости субъекта.

Современный техногенез, по мнению Кьеркегора, основан на смещении духовного и материального начала, привнесении в структуру нравственных ценностей принципа безразличия. Этот принцип изначально присутствует в мире вещей: полезным изобретением могут с одинаковым успехом пользоваться как хорошие, так и плохие люди. Но область духа призвана продуцировать высокие идеалы должного, а не просто пассивно отражать материальные отношения. Ограничение интеллектуальной деятельности решением прикладных задач технического прогресса приводит к неспособности предвидеть и преодолеть негативные последствия в дальней перспективе, невозможности задуматься о смысле жизни в его нравственном приложении. В результате, считает Кьеркегор, технократический социум преследуется двумя видами отчаяния, составляющими его «смертельную болезнь». Во-первых, человек испытывает страх и неуверенность, когда общепринятые трактовки перестают соответствовать реальной действительности, становятся источником социальной нестабильности. Но с другой стороны, он боится самостоятельно мыслить, чувствует отчаяние, если его суждения о том, как обеспечить устойчивое развитие системы, перестают совпадать с мнением подавляющего большинства [4, с. 255 - 256]. В итоге индивид «либо становится фарисеем, ... либо же отчаяние ввергает его снова в грех» [4, с. 309]. Общепринятые жизненные установки в условиях техногенеза по-прежнему управляют социокультурной системой. Однако эти мнения давно устарели: потребительское отношение к человеку и к окружающей природной среде, ведёт цивилизацию к самоуничтожению. Творческая личность ощущает гибельность этого пути, однако, не в силах бороться с инертным большинством, погружается в грех отчаяния.

Тем не менее, напоминает Кьеркегор [4, с. 309], не следует забывать, что противоположностью греха является вера. Подобные примеры предлагаются в священных книгах христианства: Авраам ради веры готов пожертвовать сыном; Иисус принимает страдания за грехи человечества. Таким образом, именно христианская рели-

гия, демонстрируя способность перенести преследования за истину, даже пожертвовать за неё жизнью, тем самым подсказывает, как каждый из нас должен вести себя в условиях техногенного кризиса современности. Только высокая вера в духовные христианские ценности, обобщает Кьеркегор [4, с. 335], способна раскрыть подлинную человеческую экзистенцию, помочь личности преодолеть грех отчаяния, побудить её самостоятельно, опираясь только на божью благодать и собственное творческое начало, искать новые, более значимые критерии устойчивого развития социокультурной системы.

Аналогичная трактовка личностной экзистенции находит выражение на почве русского православия в этике Николая Бердяева. Техногенные потрясения 20 столетия (мировые войны, революция в России) оказали существенное влияние на его творчество, предопределили интерес к диалектическому взаимоотношению божественного и человеческого, общественного и личного. Как подчёркивает современный исследователь О.Глосикова (Словакия), «по мнению Н.Бердяева, ... утверждение человеческой индивидуальности предполагает универсализм. Человек... себя утверждает, если он подчиняется высшему началу... , и наоборот, человек себя теряет, если он освобождает себя от высшего сверхчеловеческого содержания и ничего в себе не находит, кроме своего замкнутого мирка» [2, с. 53 - 54]. Таким образом, Бердяеву удалось диалектически связать отдельно взятое личностное существование, выраженное понятием неограниченной творческой свободы в эпоху техногенных потрясений, с традиционными для православия идеями Соборности и Всеединства, служившими духовной основой устойчивых социокультурных систем прошлого (Рим, Византия, Российская империя).

Исследуя обусловленный научно-техническим переворотом современности кризис религиозного мировосприятия, Бердяев указывает, что его предпосылки заложены в самой структуре вероучения. Бог слишком часто понимался статично, в духе техногенной власти над природой и человеком, по образцу феодального сюзерена или восточного деспота. В неблагоприятных природных условиях западная цивилизация генетически связана с развитием техники, хотя бы самой примитивной. Из технократической трактовки бытия католическая церковь выводила догматы ада, рая и чистилища, на

этой идеологической основе средневековой инквизиции осуществляла фанатичное преследование инакомыслящих. Авторитарного технократизма не избежали и другие конфессии, «религиозная жизнь была искажена страхом» [1, с. 288]. При этом стремление постичь мистические глубины религиозной веры посредством категорий материального бытия изначально обречено на провал. В подобном истолковании религия оказывается совершенно излишней, как только в результате промышленного переворота Нового времени человек получает точные знания о законах физической природы. Бог перестаёт восприниматься как всезнающий и всемогущий нравственный авторитет, что в условиях общества свободной конкуренции окончательно устраняет сдерживающие регулятивы (если Бога нет, то всё позволено), открывает возможность для неограниченного экономического угнетения.

В современных условиях, когда техногенные противоречия приняли общечеловеческий масштаб, делает вывод Н.Бердяев, необходимо «соединение апофатической мистической теологии с экзистенциальной катафатической антропологией» [1, с. 279] Обновлённая трактовка божественного, по мысли русского философа, призвана динамично отразить возвышенную чистоту творческих устремлений человеческого разума. В действительности нет никакого противоречия между религией и наукой: «Вера в Бога есть вера в высшую Правду, возвышающуюся над неправдой мира»; в этом качестве она реализуется в том числе «через позитивистическую идею мирового прогресса» [1, с. 280]. Религия имеет право на существование как поэтический символ духовности устремлений, поднимающей личность на новый уровень, отвлекающей её от безудержной погони за материальным благополучием. В этом новом истолковании религиозная вера даёт реальные возможности для решения техногенных проблем на основе творческого переосмысления принципов устойчивого развития, поскольку «лучшее ... общество может быть создано лишь... из экзистенциального источника» [1, с. 324], - обобщает Н.Бердяев.

О проблемах техногенеза говорит также Карл Ясперс, ещё один признанный представитель этики экзистенциализма [11]. Размышляя о смысле и назначении истории, он подчёркивает, что в настоящее время широко распространены техницистские интерпретации, превносящие в область личностного существования и социокульту-

турного прогресса идею неограниченного развития науки и техники с её некритическим оптимизмом. «Пессимистическому видению ещё теперь противостоят популярные картины будущего великолепия, коренящиеся в идее прогресса XVIII в.» [10, с. 10]. Истолковывая экономические отношения в духе принципа свободной конкуренции, подобные трактовки не замечают тех социальных противоречий, которые способны полностью искоренить творческую свободу личностного существования.

С другой стороны, доводятся до крайности тенденции универсального планирования, на их основе возникают авторитарные режимы современности. Однако при этом экстраординарные отношения периода мировых войн, социальных революций и глобального противостояния некритически абсолютизируются как всеобщее правило. «В исключительной ситуации, вызванной войной... , тотальное планирование... является безусловно единственным средством... в трудных условиях. Однако то, что здесь с полным основанием совершается в исключительной ситуации... , переносится... на всё существование человека» [10, с. 58]. В рамках авторитарного социума технократическое планирование во имя борьбы за светлое будущее окончательно лишает существование отдельной личности всякой свободы самовыражения, чем существенно подрывает устойчивость социокультурной системы в целом.

Следует отметить, что К.Ясперс по большей части отдаёт предпочтение демократическому истолкованию общественного развития; он считает, что «борьба против ошибок либерального мышления не должна превратиться в борьбу против либерализма как такового» [10, с. 59]. В рамках технократического существования демократия часто допускает ошибочные действия, особенно в сфере распределения материальных благ, но она всегда оставляет возможность исправить положение легальными средствами. Стремительно развивается техника, появляются новые типы экономических отношений и, вслед за ними, совершенствуется теория устойчивого развития. При этом каждый индивид, интересы которого в той или иной степени затронуты, оказывается причастен к дальнейшему улучшению этой теории. «Воля... никогда не бывает полностью удовлетворена. Но... свобода личности не испытывает ограничений... до тех пор пока возможна законная... борьба за правое дело» [10, с. 43]. В то же время, если при возникновении техногенных

проблем ошибку допускает авторитарный режим, закладывая её в систему тотального планирования, противопоставить этому остаётся только меры открытого принуждения. Внутри государства насилие приводит к революциям и установлению вооружённого террора, а в международных отношениях – к войнам, которые в 20-м веке приобретают глобальные характеристики. Демократия всё же даёт отдельному субъекту возможность самостоятельно осмысливать возникающие в условиях техногенеза конкретные проблемы и, влияя с помощью парламентаризма на мнение большинства, отстаивать истину мирными средствами. Склоняясь к демократической модели, К.Ясперс сохраняет концепцию устойчивого развития открытой, в рамках технократического существования оставляет возможность появления творческих инновационных трактовок.

Условия стабилизации социокультурной системы затрагивает также экзистенциальная онтология М.Хайдеггера, которая в столь же значительной степени отражает проблемы технического прогресса современности. Хотя немецкий философ, обращаясь через теорию «понимания» к философской герменевтике, неоднократно критиковал некорректное использование термина «экзистенция» [8, с. 69; 9, с. 200], однако его фундаментальная концепция бытия объективно внесла значительный вклад в развитие экзистенциализма [12]. Следует отметить, что категории «бытия», «существования» и «понимания» диалектически взаимосвязаны между собой: «Фундаментальная онтология М.Хайдеггера рассматривает существование человека как базисное бытийное условие его активности. Человеческое бытие соединяет в себе два начала – бытие в физическом мире и бытие в сознании. Поэтому оно является исходной точкой, отталкиваясь от которой можно понимать мир» [2, с. 53]. По Хайдеггеру, предназначение человека состоит в осмыслении «основного вопроса метафизики»: «Почему вообще есть сущее, а не наоборот – ничто?» На подобный вопрос в принципе нет ответа, но само состояние вопрошания является основой «понимающего бытия-в-мире». Неподлинное существование (Man) изначально игнорирует бытийную проблематику. «И всё же всякого... задевает скрытая сила этого вопроса... Он может вдруг глухо ударить, как колокол, вызвучивая нашу сиюбытность (Dasein)» [8, с. 87]. Экзистенциальное вопрошание возникает спонтанно, на фоне порывов отчаяния или безудержного ликования, скуки и отвращения к обыденному

существованию, других пограничных состояний. Именно оно призвано отразить подлинную суть устойчивого развития социокультурной системы в новых условиях всеобщего техногенного противостояния.

Хайдеггер считает, что утраченный впоследствии элемент творческого понимания проявился уже в период античной архаики, когда европейская духовность начала обособляться от мифологического мировосприятия. Ранние греческие мыслители обладали бытийственной интуицией: в диалектике Гераклита «всё течёт, всё изменяется», пылает творческий «огонь-Логос»; у Парменида бытие предстаёт как саморазвивающаяся природа - «фюсис», связанная с пробуждением мыслительной активности субъекта, элеатскими апориями и парадоксами. «Техника» тоже отражала фактор бытийной открытости, непотаённости: «Фюсис суживается, будучи противопоставлена технэ, которая значит не искусство, не техника, а знание или знающее... управление созданным... Технэ есть производство, устройство, имеющее смысл знающего про-из-ведения (Hervor-bringen)» [8, с. 100]. Эта открытость, по мысли Хайдеггера, впоследствии была потеряна, горизонт мышления сузился до решения прикладных задач более эффективного использования природных ресурсов. Сейчас «от философии ждут... ускорения... технического прогресса» [8, с. 95], забывают о фундаментальных бытийных вопросах «зачем?», «почему?», «что дальше?». Поэтому человечество теряет возможность философского понимания общих тенденций развития, не может предвидеть побочных последствий техногенеза и заранее объединить усилия для их эффективного преодоления. В конкретных обстоятельствах новейшего периода времени проблема бытия уже не есть область абстрактных метафизических рассуждений. Речь идёт о выживании человечества, «... «мировые войны» с их «тотальностью» суть уже следствия бытийной оставленности» [9, с. 188]. Каждая из враждебных сторон декларирует свою, выгодную ей трактовку, а интеллектуальные ресурсы направлены на достижение военно-промышленного превосходства. Находясь в отношении конфронтации друг с другом и с окружающей природой, люди неуклонно движутся к самоуничтожению, даже не осознавая этого.

Философия должна перестать истолковываться к качеству позитивистско-методологического придатка к технократическому есте-

ствознанию; ей следует опять стать «мета-физикой», вернуться к общим вопросам человеческого «бытия-в-мире», которые предшествуют всякой «физике». Необходимо вновь обрести то диалектическое единение бытия, техники и истины, которое интуитивно ощущали древнегреческие философы. Только возвращение к истокам бытийного вопрошания с его открытостью и «пред-ставленностью», считает Хайдеггер, может в какой-то степени смягчить проблемы техногенеза, обеспечить устойчивое развитие социокультурной системы.

Проблематика экзистенциализма во второй половине 20-го века наиболее активно исследовалась французскими философами (Ж.-П.Сартр, А.Камю, Г.Марсель и другие). Применительно к дестабилизирующим факторам общественной жизни, Жан Поль Сартр считает, что тотальная погружённость современного человека в неподлинное бытие, когда сущность предшествует существованию, обусловлена именно технократическим взглядом на природу вещей. Этика непосредственно затрагивает категорию бытия, поскольку «онтология... открывает нам в действительности происхождение и природу ценности» [5, с. 624]. Позитивная наука изначально занята поиском «всеобщего»; она стремится постичь универсальные «законы мироздания», чтобы с помощью техники подчинить окружающую природу своей власти. Сартр считает, что любое техническое изобретение, к примеру - нож для разрезания бумаги, наглядно иллюстрирует подобное отношение к миру. Этот нож «был сделан ремесленником, который руководствовался... заранее известной техникой... Следовательно, ... у ножа его сущность, то есть сумма приёмов и качеств, которые позволяют его изготовить... , предшествует его существованию... В этом случае мы имеем дело с техническим взглядом на мир» [7, с. 321 - 322]. Подобный стереотип переносится и на самого человека, который перестаёт быть свободной творческой личностью, тоже начинает рассматриваться как «вещь», и в этом качестве легко становится объектом манипуляции.

Как и упоминавшиеся выше религиозные философы, Сартр подчёркивает, что технократический взгляд на мир и на «человека-в-мире» начал формироваться ещё в глубокой древности; люди привыкли уподоблять Бога, как творца всего сущего, ремесленнику – «демиургу». Будучи «венцом творения», человек по сути ничем не отличается от ножа для разрезания бумаги, предстаёт как обезли-

ченная «сущность», управляемая высшими силами. Такого рода подход закрепился в западной духовной культуре и приобрёл особую остроту с началом промышленного переворота Нового времени, когда в общественном сознании Бога заменили «природа» и познающая её позитивистская наука, которая управляет этой природой с помощью передовых технологий.

Однако в условиях техногенного кризиса современности возникают пограничные ситуации, требующие творческого самостоятельного переосмысления принципов устойчивого развития социокультурной системы, заставляющие индивида раскрыть свою подлинную экзистенцию. Подобная необходимость создаёт для него значительный дискомфорт, он ощущает состояние «заброшенности», экзистенциального одиночества, всеми силами старается избежать ответственности за принятые решения. Однако сложившиеся в эпоху промышленного переворота устаревшие трактовки окончательно завели человечество в тупик мировых войн и социальных противоречий. Как указывает французский философ, каждому предстоит самостоятельно осознать своё место в мире и на основе принципов гуманизма и взаимной терпимости самостоятельно приложить усилия к стабилизации дальнейшего социокультурного развития.

Среди «пограничных ситуаций» новейшего периода, являющихся ярким примером деструктивности, на Сартра особое впечатление произвели события начала Второй мировой войны, связанные с катастрофическим разгромом демократической Франции и установлением в ней германского оккупационного режима, а также агрессивная послевоенная политика Франции в её колониях, начавших борьбу за обретение независимости [14]. Техногенный характер подобных противоречий очевиден: по мере развития средств сообщения человеческая цивилизация стремительно объединяется, приобретает глобальные характеристики. Однако нравственная неготовность к равноправному взаимовыгодному сотрудничеству приводит к противостоянию промышленно развитых стран друг с другом и с «третьим миром», на фоне безудержной эксплуатации природных ресурсов. Такого рода проблемы неоднократно проявлялись не только во Франции и её колониях, но и в других странах; они получили особую актуальность в эпоху «холодной войны» и с появлени-

ем международного терроризма в начале третьего тысячелетия; поэтому идеи Сартра вполне сохраняют актуальность и в наше время.

Проблемы техногенного существования соединяют сартровскую этику с эстетикой; как метод литературного творчества экзистенциализм предполагает погружение в человеческую субъективность, отказ от авторского назидательного тона и одноплановой сюжетной линии. Имеет место непосредственное обращение к внутреннему миру читателя, побуждение его собственной смыслообразующей активности. В рамках «неподлинного существования» субъект как правило опирается на мнение окружающих, играет многочисленные «социальные роли», избегает малейшей самостоятельности. Поэтому и в качестве читателя он стремится получить от автора готовую точку зрения, совпадающую с привычными стереотипами; он не пользуется личной свободой, не стремится активно творить новые, более эффективные формы общественных отношений. Но творческая пассивность вовсе не снимает с индивида нравственной ответственности за то, что происходит вокруг. В условиях техногенного кризиса «если он создаёт... мир и поддерживает его существование, то он не может уйти от ответственности за это» [6, с. 55]. Поэтому попытка найти в искусстве уводящую от реальности художественную фантазию, равно как и некую идентичную традиционным ценностям назидательную «мораль», утрачивает всякий смысл.

По мысли Сартра, в условиях техногенного кризиса перед автором литературного произведения возникает задача пробуждения творческого личностного самосознания; необходимо дать индивиду стимул к самостоятельному критическому переживанию происходящих вокруг коллизий, постижению и активному преодолению нестабильности в окружающем технократическом социуме. Это заставляет автора направить своё воображение на художественное воспроизведение элементов негативизма. Создавая ощущение абсурдности и «тошноты» техногенного бытия, создатель литературного произведения приобщает человека к «подлинному существованию», побуждает его творчески преодолевать «пограничные ситуации» на основе самостоятельно осознанных принципов устойчивого развития, смело брать на себя моральную ответственность за свои действия перед другими людьми и перед самим собой.

Альбер Камю истолковывает эти нравственные проблемы в категориях экзистенциального бунта и эстетики абсурда. Сталкиваясь в

рамках своего техногенного существования с различными негативными проявлениями, моральный субъект инстинктивно протестует против них, стремится изменить окружающие условия. Власть денег в обществе свободной конкуренции порождает разнообразные формы угнетения, которые идеализируются с точки зрения «священных устоев» частной собственности, дающих возможность активно развивать промышленное производство. В результате возникает метафизический бунт, когда индивид решительно выступает против устаревших трактовок общественного развития, формулирует новые более гуманные идеалы, связанные с обобществлением основных средств производства.

Однако любые попытки радикальной модернизации социальной системы, во враждебном окружении технократических государств, приводят к необходимости защищать революционные завоевания такими же технократическими средствами. В результате возникают авторитарные режимы 20-го столетия, где на смену экономическому притеснению приходит неизмеримо более жестокая тоталитарная власть военно-политической системы, которая окончательно подавляет творческую личность. Стремясь к возвышенным идеалам всеобщей гармонии, бунтарь парадоксальным образом сам становится источником социальной нестабильности. После этого он с неизбежностью приходит к нигилистическому бунту: если истина принципиально недостижима, то пусть исчезнет весь мир с его ложью. «Логика бунтаря – в служении... Нигилистическая страсть, приумножающая... ложь, в бешенстве отрекается от своих прежних притязаний» [3, с. 340]. После появления оружия массового поражения и с началом глобального экологического кризиса бунтарские устремления начинают непосредственно угрожать самому существованию человеческой цивилизации.

В таком случае, ставит вопрос А.Камю, не следует ли вообще отказаться от бунтарства в любых его проявлениях, от какой бы то ни было борьбы за улучшение общественных отношений? Однако это привело бы к стагнации социальной системы, окончательному упадку творческого личностного начала. Бунт является необходимым элементом развития, но в условиях неизбежного техногенного окружения (без техники современное человечество существовать уже не может) его направленность должна быть элиминирована из социальной сферы, ориентирована в область морального сознания.

«Требование... превращается... , если оно не основывается прежде всего на этическом оправдании» [3, с. 281]. Целью становится не обобществление собственности и достижение военно-технического превосходства над всеми, кто с этим не согласен, а революция в душах людей. Они должны научиться самостоятельно творчески переосмысливать принципы устойчивого развития социокультурной системы и на основе уважительного отношения, гуманизма и взаимной терпимости находить пути их реализации в конкретных условиях.

Только подобный подход даёт человечеству шанс выжить в техногенном противостоянии новейшего времени, гуманизация бунтарских тенденций становится насущной необходимостью. А. Камю констатирует, что «XX век – век бунта пролагает путь XX веку – веку... морали... Мораль роскоши будет отвергнута во имя суровой этики строителей» [3, с. 197]. Каждый человек должен выработать в себе способность самостоятельно постигать сущность устойчивого развития в стремительно меняющемся техногенном мире, осознанно находить точки соприкосновения с другими людьми, у которых могут быть собственные мнения по этому вопросу, от всеобщей конфронтации продвигаться к взаимопониманию и взаимовыгодно-му сотрудничеству.

Литература

1. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Бердяев Н.А. О назначении человека.- М., 1993.- 383 с.
2. Глосикова О. Онтологические проекции эволюции природной и социокультурной реальности // Наука – образованию, производству, экономике. Материалы Второй международной научно-технической конференции. В 2 т. Т.2.- Мн., 2004.- 419 с.
3. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство.- М., 1990.- 415 с.
4. Кьеркегор С. Страх и трепет.- М., 1993.- 383 с.
5. Сартр Ж.П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии.- М., 2000.- 639 с.
6. Сартр Ж.П. Что такое литература? Слова.- Мн., 1999.- 448 с.
7. Сартр Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов.- М., 1989.- 398 с.

8. Хайдеггер М. Введение в метафизику.- СПб., 1998.- 301 с.
9. Хайдеггер М. Время и бытие.- М.,1993.- 447 с.
10. Ясперс К. Истоки истории и её цель. Выпуск 2.- М., 1991.- 215 с.
11. Amin, Sonal K. Karl Jaspers and existentialism.- New Delhi, с 1992.- 252 p.
12. Beaufret, Jean. De l'existentialisme a Heidegger.- Paris: Vrin, 1986.- 182 p.
13. Handford, John Richard. Vita coram Deo: Kierkegard's thought in relation to Luther's theology.- London, 2004.- 1v.
14. Sartre, Jean Paul. Colonialism and neocolonialism / translated by Azzendine Haddour, Steve Brewer, Terry McWilliams.- London; New York: Routledge, 2001.- 200 p.

4. Деконструкция технократического логоцентризма как фактор устойчивого развития социокультурных систем.

Теоретическое осмысление проблемы устойчивого развития социокультурных систем приобретает особую актуальность в философии постмодернизма. Наметился кризис традиционной рациональности в современных условиях (эпоха постмодерна), когда научно-технический прогресс часто выходит из-под контроля, порождает неограниченное господство военно-промышленного комплекса, усиливает неравенство между странами и народами, способствует росту агрессивности и взаимного неприятия. Растёт ощущение обречённости технократической цивилизации: «Сделка с Дьволом является... центральным мифом общества, включённого в... технический процесс господства над природой... С этих пор тема присутствует постоянно (параллельно «чуду техники») позади мифа о фатальности техники. Сегодня она пропитывает... всю повседневную мифологию, начиная от опасности атомной катастрофы (техническое самоубийство цивилизации) вплоть до... темы о фатальном разрыве между техническим прогрессом и общественной моралью» [3, с. 239]. Возникла необходимость радикальной деконструкции подобного однобокого рационализма, с чем ряд известных мыслителей современности связывает дальнейшую стабилизацию общественных отношений.

Все побочные результаты спонтанного, бесконтрольного и никем не управляемого прогресса науки и техники, ставящие под сомнение будущее человеческой цивилизации, и даже само её существование, постмодернистская философия охватывает под рубрикой «логоцентризма» [8, с. 91]. Она выдвигает идею «деконструкции», стремясь, тем самым, сгладить возникшие противоречия, дать человечеству возможность выбора тех или иных более благоприятных путей дальнейшего развития, с учётом всего многообразия существующих концепций и точек зрения. Ж.Деррида, сформулировав понятие деконструкции и осуществив его философско-теоретическую интерпретацию, позволил ряду мыслителей непосредственно применить этот термин к анализу современной ситуации. «Деррида создаёт особый тип мышления, которое является многомерным и разнородным, противоречивым и парадоксальным, пульсирующим и плавающим. Оно покоится на деталях и нюансах, полутонах и переливах» [13, с. 105]. Именно опровержение одностороннего рационализма, связанного с военно-промышленным комплексом, ведущего социум по пути дальнейшей конфронтации, углубления экологического кризиса (против чего и направлены, в первую очередь, движение антиглобалистов [27] и другие аналогичные течения), трактуется как необходимое условие устойчивого развития социокультурной системы.

Ряд современных мыслителей, исследующих творчество представителей постмодернизма, отмечают практическую значимость принципа деконструкции с точки зрения решения проблем, порождённых вторичными, не предусмотренными заранее, последствиями развития науки и техники. Речь, разумеется, не идёт о каких-либо насильственных мероприятиях, направленных против представителей государственной власти или общественных групп, связанных с новыми технологиями. Проблема рассматривается в плоскости преобладающих мировоззренческих установок. Делается вывод о том, что человечество сможет успешно продолжить своё существование только в том случае, если сумеет изменить агрессивную потребительскую позицию относительно окружающей природной среды и экономически отсталых регионов, сформировавшуюся в период Нового времени («классическая эпоха», начало промышленного переворота и глобального противостояния между развитыми странами), и сейчас явно устаревшую. Именно с декон-

структивистской трактовкой связан футурологический прогноз Ж.Ф.Лиотара [29], приобретающий, как отмечают исследователи его творчества, особую актуальность на рубеже третьего тысячелетия.

Ключевое для постмодернистской концепции понятие «логоцентризма» включает в себя всю совокупность научно-рационалистических построений, отстаивающих свой приоритет перед другими типами «дискурса» (авангардным искусством и т.п.), претендующих на обладание «единственно правильной научной истиной», на адекватное отражение «объективной реальности». Его современный смысл исторически начал формироваться и прошёл процесс своего становления в эмпирических теориях Ренессанса и Нового времени («Реализм или сенсуализм, «эмпиризм» суть модификации логоцентризма» [6, с. 117]), в немецкой классической философии, в диалектико-материалистических учениях, новейших позитивистско-сциентистских концепциях. Логоцентризм порождает в мировоззрении ложные образы, не отражающие действительность, а только «симулирующие» её. По времени «сменилось три порядка симулякров: подделка составляет господствующий тип классической эпохи от Возрождения до промышленной революции; производство составляет господствующий тип промышленной эпохи; симуляция составляет господствующий тип нынешней фазы, регулируемой кодом. Симулякр первого порядка действует на основе естественного закона ценности, симулякр второго порядка – на основе рыночного закона стоимости, симулякр третьего порядка – на основе структурного закона ценности» [2, с. 113]. Рассматривая этот процесс с точки зрения «археологии гуманитарных наук» [20, с. 70, 90 – 92, 326], философия постмодерна указывает, что эпоха Ренессанса характеризовалась тождеством слов и вещей (слово - символ); в классической эпистеме (естествознание 17 – 18 вв.) слова и вещи начали соотноситься через мышление (слово - образ); в настоящее время они опосредованы языком (слово - знак).

На этой основе массовая культура и государственная пропаганда создают многочисленные мифологемы. В качестве примера Р.Барт называет миф о «марсианах», когда в условиях глобального противостояния «западная мифология приписывает коммунистическому миру ту же чужеродность, что и какой-нибудь планете: СССР – это мир, промежуточный между Землёй и Марсом» [1, с. 67]. Для

современной логоцентристской мифологии «одна из устойчивых черт... - это неспособность вообразить себе Другого. Инакость – понятие, к которому «здравый смысл» испытывает более всего неприязни» [1, с. 68 - 69]. Подобный искажённый рационализм утверждает ситуацию «монолога», при которой «научный» дискурс вещает «высшую истину», заглушая своим «голосом» все остальные точки зрения («фоноцентризм»), противостоит им как «древесная» структура сознания в рамках соответствующих «бинарных оппозиций» (как ствол дерева – ветвям и листьям, чему-то второстепенному).

С точки зрения гендерной проблематики, эквивалентом логоцентристского дискурса является понятие «фаллоцентризма». Постмодернизм как философское направление тесно связан с феминистским движением [26], которое трактуется не только в социологическом смысле (по мере того, как тяжёлый физический труд в структуре общественного производства уходит в прошлое, женщина получает возможность самостоятельно зарабатывать средства к существованию, начинает обоснованно требовать равноправия с мужчинами во всех областях социальной жизни), но и подвергается углублённой теоретической интерпретации с использованием элементов фрейдовского психоанализа. Научно-рационалистический подход, связанный с господством военно-промышленного комплекса, является по преимуществу прерогативой «мужского сословия». В психологическом плане мужчинам присущи проявления сексуально агрессивного поведения, которые сочетаются с пренебрежением к чувственно-эмоциональному личностному своеобразию Другого, тяготением к абстрактно-логическому унифицированному стереотипу мышления.

Подобный дискурс начал формироваться в глубокой древности, когда женское, материнское начало, связанное с функцией деторождения, приобрело предикат табуации, отвращения, позора, мистического ужаса. В авторитарных обществах «попытке установить мужскую фаллическую власть сильно угрожает не менее решительная власть другого, угнетённого ... пола. Этот другой пол, женский, становится синонимом радикального зла» [10, с. 107]. В рамках лого- и фаллоцентризма органически формируется репрессивный патерналистский дискурс, связанный с фрейдовскими структурами «Я» (сознание, рационально-логическое мышление) и

«Сверх-Я» - моральные и религиозные запреты, препятствующие свободному выражению бессознательных инцестуальных желаний – «Оно». В частности, уже в ветхозаветных библейских текстах боже-ство принимает соответствующее наименование; обращаясь через Моисея к народу, неоднократно повторяет «Я – Яхве, Бог ваш». Именно «от имени «Я» ... далее следуют ... моральные запреты» [10, с. 140]. Эта тенденция продолжается и в христианстве, где «понятие греха, в большой степени основанное на идее воздаяния, ... предлагает ... Благо и Умеренность» [10, с. 157 - 158], непосредственно подводит субъекта к «вратам инквизиции», олицетворяющим репрессивно-теологическую функцию социокультурной стабильности.

Эпоха ренессансного «гуманизма» в лице Босха, Брейгеля, Дюрера, других деятелей искусства и культуры вносит свой вклад в ощущение негативной антитезы Другого, создаёт художественный образ инаковости через апокалиптические ожидания конца света, причудливую «алхимию знания», противостоящую освобождённому звериному тварному началу в человеке. Переход мыслителей Возрождения от теологической проблематики к рассмотрению проблемы человека ничего не меняет с точки зрения авторитарного характера социальных отношений: на смену понятию греховности приходит трагический образ безумия мира, которое нуждается в изоляции подобно эпидемиям чумы и проказы в эпоху средневековья. Ненормальность, сумасшествие, воплощённое в мирских пороках, олицетворяется в таких художественных произведениях, как «Корабль дураков», «Похвала глупости»; «через Бранта, Эразма, через всю гуманистическую традицию безумие осваивается сферой дискурса» [17, с. 47 - 48], - констатирует М.Фуко.

Отождествление инаковости и безумия, якобы одинаково нуждающихся в изоляции, наказании и исправлении, находит дальнейшее выражение в эпоху Нового времени. М.Фуко в своих фундаментальных работах приводит многочисленные исторические примеры 17 – 18 вв., когда обитателями лечебных учреждений, организованных по принципу тюрьмы, наряду с умалишёнными, становились вольнодумцы, атеисты, «либертины» (в духе маркиза де Сада), «отцы-расточители», «неблагодарные сыновья», мошенники, «лица, отказывающиеся посещать католическую мессу», «сочинители проектов» и т.п. Ко всем ним применялись промывания же-

лудка, кровопускания и другие «оздоровительные процедуры», призванные через угнетение телесности исправить неадекватный образ мыслей. Особое место занимают маргинальные представительницы женского пола: «старухи», нищенки, «девицы лёгкого поведения»; любое отклонение от буржуазной системы ценностей несёт на себе печать «инакомыслия» и «ущербности ума» (в условиях социальных потрясений начала промышленной эры к ним прибавятся «неработающие бедняки», «неимущие» и т.п.). «Как ни странно, именно рационализм допустил, чтобы наказание смешалось с лекарством, а жест карающий... с жестом врачующим...» [17, с. 102]. Прикладной разум, направленный на количественное увеличение показателей технического прогресса и «покорение» окружающей природы, постепенно подчиняет себе и природу человека, делает его неодушевлённым «винтиком» безликого «социального механизма». М.Фуко отмечает связь карающего научного дискурса с техникой: «Психиатрия назначает себе роль генерализированной социальной защиты... Она становится технологией научной охраны общества... И по сей день действуют приёмы и понятия, глубоко связанные... с этой технологией психиатрии второй половины XIX века» [18, с. 376 - 378]. Функция подавления оказывается неизмеримо важнее реального процесса лечения, возникает концепция «неизлечимо больных», «неисправимых», «закоренелых преступников», которых следует чётко классифицировать и оградить от общества в больницах, тюрьмах, концлагерях и т.п. «В том, что немецкая психиатрия так непринуждённо функционировала в рамках нацизма, нет ничего удивительного» [18, с. 377]. Стремление к унификации «нормы» и сегрегации широко трактуемых «отклонений» создаёт благоприятные предпосылки для расизма во всех его видах, становится важнейшим фактором социокультурной нестабильности. «Специфичность современного расизма не связана с ментальностями, с идеологиями, с ложью власти. Она связана с техникой, с технологией власти» [19, с. 272], поэтому нельзя считать, что проблема уже решена после поражения нацистской Германии, распада СССР, повышения уровня политкорректности в США.

Разрушительные процессы сопровождаются окончательным оформлением позитивистского дискурса, системы формализованного унифицированного научного знания, служащего инструментом дальнейшего подавления личности. В современных услови-

ях через соотнесение инаковости с предметом научной психиатрии «мы без особого труда обретаем... счастливое сознание того, что медицина вечна и бессмертна» [17, с. 131], что она имеет безоговорочное право вторгаться в личную жизнь любого индивида. Очень показательна в этом отношении имевшая место в позднем советском обществе практика использования психиатрических лечебных учреждений закрытого типа в борьбе с диссидентами. Более того, применительно к настоящим больным фаллоцентристский дискурс наделяется целебной функцией. Смягчение режима лечебных учреждений (сравнительно с «классической» эпохой), формирование духа «братского» содружества больных и администрации, подчиняющихся авторитету директора (образ Отца), призвано инициировать мифологему патриархальной семьи: «Попав в атмосферу взаимной любви, ... больные обретут то покойное счастье и безопасность, которые может дать лишь семья в чистом виде» [17, с. 465]. Однако все логоцентристские попытки научно классифицировать безумие и устранить его из общественной жизни оказались обречены на провал. История 20-го века показала, что безумие в конечном итоге одержало верх над разумом, вырвалось на свободу, через массовую культуру и тоталитарную идеологию проникло в общественное сознание, подчинило себе саму науку и технологию. Тем не менее, логоцентризм и фаллоцентризм догматически настаивают на своей правоте и исключительности, чем подрывают основополагающие принципы устойчивого развития социокультурной системы.

С точки зрения постмодернистского феминизма, в настоящее время все стороны общественной жизни (экономика, политика, международные отношения) несут на себе печать мужского шовинизма, что приводит к эскалации немотивированного насилия [25]. Возникает эпистемологический образ унифицированного линейного пространства: «Фаллос... подобно плугу, вспахивающему плодородный слой земли, - прочерчивает линию на поверхности» [5, с. 264]. Такого рода нарративная линейность, основанная на прерогативе «научности» и культе грубой силы, принципиально не допускает существования каких-либо иных, столь же адекватных трактовок. В то же время, в отличие от однобокой мужской логики, стремящейся к подавлению любого инакомыслия, эмоции и чувства, присущие женской натуре, допускают большую гибкость, избирательность, изменчивость, возможность непосредственной реакции

на любое конкретное изменение обстоятельств. Разнородные эмоциональные оценки происходящего вполне могут мирно уживаться вместе, что важно для современного человечества, озабоченного преодолением последствий глобального противостояния, экологического кризиса, стремящегося к достижению мирного сосуществования отдельных рас и цивилизаций во всём их многообразии, обеспокоенного опасностью международного терроризма. Поэтому, делает вывод постмодернистская философия, женский тип психики является предпочтительным, в большей степени способствует реализации принципов устойчивого развития социокультурных систем.

В онтологическом плане логоцентризм догматически искажает понятие объективной реальности, претендуя на окончательное обладание её «научно» постигаемым глубинным смыслом. Поисками этой «логики смысла» занята вся классическая философия, весь западноевропейский рационализм, начавший своё развитие в эпоху античности в лице Платона с утверждения объективно истинной, трансцендентной, умопостигаемой «идеи», и завершившийся в современную эпоху абсолютизацией военно-промышленного превосходства в отношениях между странами и народами. Представители постмодернизма уделяют особое внимание критике «логики смысла», «низвержению платонизма», ссылаясь, при этом, на философию Ницше, и, даже ещё раньше, на Канта и Гегеля. Поиск глубинного линейного смысла предполагает сложную систему «научных» классификаций и градаций, которые, в конечном итоге, оказываются симуляцией реальности: «Симулякры – нечто вроде ложных претендентов, чьи претензии строятся на несходстве, заключающемся в сущностном извращении» [5, с. 332 - 333]. Отсюда, как указывает Ж.Делёз, берёт начало знаменитая триада неоплатоников: непричастное, сопричастное, участник (основание, объект притязания, претендент; отец, дочь, жених). «Непричастное отдаёт сопричастное для участия, оно предлагает сопричастное участникам» [5, с. 109]. Подобная изощёрность логического мышления в 20 веке приобретает характеристики имморализма: в контексте порождённого техническим прогрессом глобального противостояния каждый из его участников формулирует выгодную только для себя «единственно правильную», «научно обоснованную» трактовку, отстаивая её с позиции силы.

В современных условиях господство логоцентризма ведёт человечество в тупик, становится опасным для его существования. Склонность стран, развитых в военно-техническом отношении, навязывать свою точку зрения всем остальным, не считаясь с многообразием национальных особенностей и культурных традиций, стремление закрепить социальное неравенство, низкий уровень жизни отсталых регионов, порождает взаимное отчуждение. В недавнем прошлом это выражалось в глобальном ракетно-ядерном противостоянии, в начале третьего тысячелетия – в немалой степени способствует развитию международного терроризма, который при интенсивном совершенствовании средств массового поражения угрожает всему человечеству. Само понятие «террора» (ужаса) с его диалектической антитезой – футуристической экзистенциальной «весёлостью» составляет суть эпохи постмодерна [22]. С ним связан ряд других важнейших проблем новейшего времени: негативные демографические тенденции [28], интеллектуальная деградация общества потребления с его соблазнами и репрессивной функцией массовой культуры [24]. Всё это настоятельно требует переориентации технического прогресса, выработки новаторских социальных решений, направленных на обеспечение устойчивого развития системы.

Именно поэтому в недрах современной духовной культуры, указывают представители философии постмодернизма, вызревают тенденции деконструкции, призванные ниспровергнуть мировоззренческий приоритет логоцентризма. Деконструкция не является эквивалентом нигилистического отрицания; Ж.Деррида подчёркивает: «Что меня интересовало... , так это... общая стратегия деконструкции. Эта последняя должна... избежать простой нейтрализации бинарных оппозиций метафизики» [8, с. 71]. Задача состоит не просто в механистическом устранении одной из противоречащих конструкций, либо обеих вместе. Необходимо поставить различие (Difference) на место якобы достигнутой унификации, дать возможность разным точкам зрения вести взаимовыгодный диалог, осуществлять сотрудничество, сосуществовать одновременно. «Деррида выделяет следующие операции и ступени деконструкции: 1) извлечение элементарной бинарной оппозиции, 2) выделение негативного термина... 3) инверсия терминов, 4) демонстрация однородности терминов и доказательство равенства негативного термина позитивному,

5) фиксации общей нейтральной посылки» [12, с. 60]. Принципы деконструкции затрагивают все стороны общественных отношений, предполагают изменение роли гуманитарного знания, касаются более корректного использования информационных технологий и средств массовой коммуникации [30], профилактики деструктивного поведения, сближения государственных приоритетов и т.п. Решение всей совокупности конкретных социальных проблем предполагает выработку обновлённой, более толерантной концепции устойчивого развития социокультурной системы.

Постмодернистская концепция деконструкции предполагает отказ от приоритета «научнообразного» стиля мышления в современном мире. Наука, способная, в своём безудержном стремлении к достижению военно-технологического превосходства, весьма далеко отклониться от ценностей гуманизма, должна быть дополнена другими мировоззренческими структурами, которые до этого занимали подчинённое положение на периферии техногенной цивилизации, носили маргинальный характер. Сюда относятся основные виды и жанры авангардного искусства, пытающиеся по-новому взглянуть на мир через призму художественного творчества; общественные движения, выступающие против экономического угнетения, загрязнения окружающей природной среды; неорелигиозные течения, занятые поисками обновлённой возвышенной духовности, призванной объединить человечество, спасти его в условиях глобального кризиса [21]. Деконструкция требует, чтобы между ними осуществлялось равноправное взаимодополняющее сотрудничество, чтобы подавление со стороны «позитивной науки» было окончательно преодолено.

Соответствующим образом должна измениться социальная структура. Творческая интеллигенция (художники-авангардисты, литераторы-футурологи, преподаватели-гуманитарии и т.п.) должны войти в элиту общества наряду с бизнесменами, предпринимателями, руководителями транснациональных корпораций, связанными с военно-промышленным комплексом научными деятелями. При этом характерный для логоцентризма назидательный тон социальной элиты совершенно не допустим. М.Фуко подчёркивает: «Роль интеллектуала как наставника... для меня не подходит. Помоему, люди достаточно взрослые, чтобы самим выбирать, за кого им голосовать» [16, с. 205]. Учёный и философ в силу своей про-

фессии имеет возможность просто более углублённо исследовать наиболее актуальные проблемы социального развития; он призван привлечь к ним внимание широкой общественности, приглашая поразмыслить над ними всем вместе (Фуко так и поступает, изучая репрессивный статус пенитенциарной и лечебной системы технократического социума, историю сексуальности, «археологию» знания). Задача не состоит в том, чтобы полностью вытеснить представителей научно-технической элиты, монополизировав дискурс власти. Здесь действует принцип взаимодополнительности: «И я бы хотел, чтобы мне сказали: «Давайте работать с нами», а не слышать... : «Вы мешаете нам работать». Ну нет же, я вам не мешаю работать. Я ставлю перед вами ряд вопросов. А теперь попытаемся совместно разработать новые способы критики, новые способы постановки под сомнение; попытаемся сделать что-нибудь иное» [16, с. 207 - 208]. Подобные изменения социальной стратификации, основанные на широком привлечении оппозиционных интеллектуалов к управлению обществом при сохранении роли существующих органов власти, по мысли представителей философии постмодерна в большей мере соответствуют интересам всего человечества. Именно такого рода обновлённая элита сможет вывести его из тупикового пути радикального техногенеза, обеспечить дальнейший прогресс, преодоление глобальных проблем современности.

Деконструкция логоцентризма не предполагает полного нигилистического элиминирования науки и рационализма из жизни современного общества (их достижения в области материального благосостояния самоочевидны). Речь идёт об исключении репрессивных дискурсов власти, связанных с подавлением творческой личности интеллектуала, лишением его возможности предлагать обществу инновационные методы преодоления негативных побочных последствий техногенеза. «Запад не смог бы достичь тех экономических и культурных успехов, каких он фактически достиг, если бы подобная рациональность не была задействована. И как отделить такую рациональность от сопровождающих её механизмов, процедур, техник... власти, которые мы... обозначаем... как типичную форму подавления, присущую капиталистическим и... социалистическим обществам» [15, с. 254]. В контексте техногенного противостояния идеологические противоречия представляются несущественными; обе социальные системы представляют собой разные рубрики одного и

того же – логоцентризма, порождающего химеры, недостижимые фантомы (под названиями «всеобщая демократизация», «коммунизм» и т.п.), которые тем не менее приводят к реальным человеческим жертвам. Ж.Деррида считает, что далеко не случайно фраза «Призрак бродит по Европе» занимает ключевое положение в марксовском манифесте. «Урок марксизма... состоит в том, что марксизм не просто верил в призраков, но наделил их реальным существованием в культурной химере социалистического государства. Ещё один урок спектрологии, по Деррида, марксизм преподносит интеллектуалам сейчас, когда возвращается в свою прежнюю позицию культурного призрака, ... после того как он доказал свою способность превращать целые культуры в призраков» [4, с. 176]. Проблема состоит в том, что дискурс логоцентризма порождает подобные химеры с необходимостью, любая из них в новых условиях может занять место опровергнутого марксизма, дать новый виток всеобщей конфронтации. Необходимо изменить духовную ситуацию в целом, чтобы бесплотные призраки в качестве «высшей истины», «научного взгляда на мир» не могли увлечь за собой широкие массы людей, повести их к самоуничтожению.

С этой целью в рамках концепции деконструкции предпринимается всесторонний пересмотр места и роли научно-технической информации в жизни современного человечества. Вся духовная и материальная культура, созданная на протяжении исторического процесса, рассматривается постмодернизмом как совокупность текстов, требующих соответствующей расшифровки, текстологической интерпретации. При этом должен учитываться не только буквальный (денотативный) смысл, заключённый в величайших памятниках художественной литературы, изобразительного искусства, архитектуры, в выдающихся технических проектах, но и всё многообразие исторических коннотаций, субъективных факторов, личностных предпочтений. «Коммуникация, сведённая к речи субъекта, ... стремится полностью упразднить ... трансформационно-производительный аспект. Понятие коннотации, дополняющее понятие денотации, призвано воспрепятствовать такой редукции» [9, с. 92 - 93]. В результате возникает хаос дискурсивных практик, призванный прийти на смену линейной «научно-рационалистической» концепции. В этой хаотичности, принципиальной множественности, по мысли представителей постмодерна, может быть скрыт некий

положительный смысл, призванный дать человечеству новые, более адекватные ориентиры дальнейшего развития.

Этот смысл способен выявиться только в условиях полного отсутствия какого бы то ни было диктата со стороны «науки», при свободном взаимодействии разнородных эпистем. «Взяться за рассмотрение идеологического функционирования науки для того, чтобы обнаружить и видоизменить его,- это... значит вновь рассмотреть её как практику в ряду других практик» [14, с. 341]. Научный дискурс, согласно принципам деконструкции, трактуется как один из видов текста, равноценный с любыми другими «стилями письма», созданный по законам своего «художественного жанра», который должен оцениваться только с позиций категории «эстетического», и осуществлять равноправный диалог с любыми иными типами дискурса.

В рамках деконструкции меняется сущностный характер нарративных практик [23], в структуре повествования вместо линейной логоцентристской модели возникает полифония, принципиальная множественность текстуальных интерпретаций. На смену монополии «голоса», приходит идея «письма», допускающего одновременное высказывание различных мнений, их поливариантное сосуществование, «наука - грамматиология – везде в мире делает решающие усилия для своего освобождения» [6, с. 117]. Говорит всегда один человек, устанавливая, тем самым, ситуацию «монолога», навязывая свою точку зрения окружающим, которые могут только слушать сказанное, либо, перебивая говорящего, пытаться тоже занять доминирующее положение (что порождает на психологическом уровне враждебность и конфронтацию). Грамматология же позволяет одновременно обмениваться информацией в форме «письма», продуцировать новые смыслы: «Письмо – это исход, как нисхождение из себя в себе смысла: метафора-для-другого-ввиду-другого-который здесь, метафора... , в которой бытие должно скрыться, если мы хотим, чтобы появилось иное» [7, с. 48]. Реализуя принципы взаимовыгодного «диалога», иницирующего новые смыслы бытийственной структуры, «письмо» обеспечивает устойчивое развитие социокультурной системы.

С ним связано понятие «смерти автора», которое предполагает отказ от жёстко заданной смысловой и сюжетной линии текста, которую предстоит воспринять читателю, расшифровать её в своём

сознании; «если о чем-либо рассказывается ради самого рассказа, а не ради прямого воздействия на действительность, ... то голос отрывается от своего источника, для автора наступает смерть, и здесь-то начинается письмо» [1, с. 384]. В рамках деконструкции текстологическая интерпретация получает такую же значимость, как и авторская позиция, доминирующая фигура «автора» размывается среди бесконечного множества вариантов прочтения. «Ныне мы знаем, что текст представляет собой не линейную цепочку слов, выражающих единственный... смысл («сообщение» Автора-Бога), но многомерное пространство, где сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма, ни один из которых не является исходным; текст соткан из цитат» [1, с. 388]. В результате возникает многомерность, многоплановость текстов, их нелинейность, появляется «хаос дискурсивных практик», который трактуется в положительном смысле, позволяет выявить бесконечное множество иных, более целесообразных путей социального развития.

«Древесная» структура уступает место художественному образу «ризомы», грибницы, стелющейся по земле и дающей множество равноценных отростков. «Делёз и Гваттари призывают разрушить «древесную» организацию знания и отождествляемую с ней «древесную» организацию власти... Появление без причины... может быть усмотрено и реализовано в ином... образе мира, который авторы изображают как «траву засеянной пустыни», или rhizome (корневище как сплетение корней) – полицентричную организацию плюралистического знания и общественной жизни» [12, с. 61]. Вместо «бинарных оппозиций», из которых одна всегда представляет «ствол дерева», доминирует над «ветвями» и «листьями», как над чем-то второстепенным, появляется множество равноправных и равноценных концепций, отношения между которыми обладают полифоничным звучанием. «Наша рабочая гипотеза состоит в том, что по мере вхождения общества в эпоху, называемую постиндустриальной, а культуры – в эпоху постмодерна, изменяется статус знания» [11, с. 14]. На этой основе формируется обновлённый образ глобального мироустройства, основанного не на диктате военно-политического превосходства, а на уважительном диалоге многообразных социокультурных моделей, реализации многовекторной направленности развития.

Философски осмысливая указанные процессы, постмодернизм раскрывает сущность «новой рациональности», призванной вернуть науке и современной технологии гуманистический статус, во многом утраченный в 20 веке, в эпоху мирового противостояния и глобальных конфликтов, позволить им на равных сотрудничать в дугими видами дискурса, не подавляя их, сохраняя всё богатство и многообразие культурных традиций. На примере постмодернизма, экзистенциализма, психоанализа и феноменологии приходится признать, что философия в начале третьего тысячелетия сохраняет и расширяет свою созидательную функцию в развитии мировой духовной культуры, продолжает вести человечество по пути прогресса и гуманизма, создаёт теоретические предпосылки устойчивого развития белорусского общества.

Литература

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. - М., 1994.
2. Бодрийар Ж. Символический обмен и смерть. - М., 2000.
3. Бодрийар Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. - М., 2006.
4. Гурко Е. Деконструкция: тексты и интерпретация. - Мн., 2001.
5. Делёз Ж. Логика смысла. - М., Екатеринбург, 1998.
6. Деррида Ж. О грамматологии. - М., 2000.
7. Деррида Ж. Письмо и различие. - М., 2007.
8. Деррида Ж. Позиции. - К., 1996.
9. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. - М., 2004.
10. Кристева Ю. Силы ужаса: эссе об отвращении. - СПб., 2003.
11. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. - М., СПб., 1998.
12. Некрасов С.Н. Принцип деконструкции и эволюция постструктурализма // Философские науки № 2, 1989.
13. Силичев Д.А. Ж.Деррида: деконструкция, или философия в стиле постмодерн // Философские науки № 3, 1992.
14. Фуко М. Археология знания. - СПб., 2004.
15. Фуко М. Интеллектуалы и власть. Часть 2. - М., 2005.
16. Фуко М. Интеллектуалы и власть. - М., 2006. - Ч.3.

17. Фуко М. История безумия в классическую эпоху.- СПб., 1997.
18. Фуко М. Ненормальные.- СПб., 2004.
19. Фуко М. Нужно защищать общество.- СПб., 2005.
20. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук.- СПб., 1994.
21. Харт К. Постмодернизм.- М., 2006.
22. Christopher Palmer. Philip K.Dick: exhilaration and terror of the postmodern.- Liverpool: Liverpool University Press, 2003.
23. Daniel Punday. Narrative after deconstruction.- Albany: State University of New York Press, c2003.
24. David B.Clarke. The consumer society and the postmodern city.- London; New York: Routledge, 2003.
25. Elizabeth Grosz. The time of violence: deconstruction and value // Violence and body: race, gender, and the state / edited by Arturo J.Aldama; foreword by Alfred Arteaga.- Bloomington: Indiana University Press, c2003.
26. Gender and theory: Feminism / postmodernism.- N.Y., 1990.
27. **Michael Peters.** “Anti-globalization” and Guattari’s **The three ecologies** // Futures of critical theory: dreams of difference / edited by Michael Peters, Mark Olssen, and Colin Lankshear.- Lanham, Md.; Oxford: Rowman & Littlefield, c 2003.
28. Nancy E.Riley and James McCarthy. Demography in age of the postmodern.- Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2003.
29. Peter Pericles Trifonas. The postmodern condition: Lyotard’s futurology // Futures of critical theory: dreams of difference / edited by Michael Peters, Mark Olssen, and Colin Lankshear.- Lanham, Md.; Oxford: Rowman & Littlefield, c 2003.
30. Thomas J.Mickey. Deconstructing public relations: public relations criticism.- Mahwah, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 2003.

Глава 4. Инновационная деятельность и идентичность: визуализация архетипических образов родной природы, души народа, семьи.

Визуальные свидетельства – документы и объекты открывают для социальной философии новые пути к пониманию феномена идентичности, обогащая исследовательский арсенал такими способами анализа данных, которые прежде игнорировались. Значимость визуальных репрезентаций по-разному оценивалась в истории социального познания. Первые попытки применения визуальных методов исследования в социологии и антропологии были связаны с изучением «примитивных» народов, образа жизни различных неевропейских сообществ. Сегодня визуальные методы исследования широко применяются в социальных науках – культурологии, социологии, социальной и культурной антропологии. Необходимо разработать единую методологию социально-гуманитарного знания, т.к. подобный «визуальный поворот» нуждается в философском осмыслении. Как сегодня устроено знание, добываемое визуальными антропологами и культурологами, какие мировоззренческие и социальные функции это знание выполняет, как оно используется, какое место в этом знании занимает философия – вот проблемы, на решение которых направлен проект.

С момента появления технических средств отображения и фиксации реальности, как на научном, так и обыденно-повседневном уровнях мировосприятия человечества, произошли значительные трансформации, онтологически расширившие как линию горизонта, так и среду включенности и нераздельности социокультурного бытия. Техногенное изображение стало не просто способом фиксации исторической памяти, функцией, но и самостоятельной ценностью, объектом осмысления и интерпретации в свете определенных методологических программ. В ряду техногенных изображений особое место занимает биографическая фотография, как смыслодержащая и порождающая новые традиции реальность. Исследование её на фоне ускоряющейся динамики научно-технического прогресса, с постоянно возникающими новыми сегментами техногенной реальности, актуально тем, что на фоне расширяющегося поля инструментально-игровых функций техногенных изображений фотогра-

фия аккумулирует повседневность как мир людей. Фотография выступает одним из вариантов огромного числа восприятий повседневной жизни. В этой неотрефлексированности антропологической данности содержится многогранная проблема анализа и интерпретации практик фотографирования, собирания и показываний фотографий. Она имеет не только теоретическое, но и жизненно-практическое значение вплоть до вопросов безопасности сохранения идентичности.

Научная идея исследования идентичности состоит в отказе от целого ряда привычных подходов, зафиксированных классической парадигмой философского знания к проблеме субъективности и идентификации, и переходе к исследованию фотографических и биографических практик в качестве способов самоинтерпретации и самоидентификации. Социальные взаимодействия предполагают коммуникативную компетентность, которая намного превосходит вербальные способности. Признавая безусловное право за повседневностью на повествование о себе, мы видим, что словесные повествования - не единственный способ обретения личностной идентичности. Основная идея проекта – рассмотреть «письмо света» – фотографию, как связанное с практиками построения биографии и автобиографии, обретения и изменения образа себя. Если для речи существует связь «говорить – слышать», то для визуального отношения выступает связь «видеть – быть видимым». Биография восходит к пространству устности, к самым древним формам литературы, а фотография – к изобразительному искусству. Повествования и их фиксация - это шаг к историческому бытию, где линейное упорядочивание служит формой коллективной памяти. Установленные подобным образом порядки речи и письма выполняют функции «правильной» хронологии, форм сохраняемой самости и приемлемой идентичности. Целью исследования является социально-философское исследование совокупных стратегий фотографических и биографических практик в белорусском и российском социокультурных пространствах. Семейный фотоальбом – это собрание визуальных репрезентаций, они клишированы, как и положено фольклорной действительности, суть альбома не в нем самом, а в идеях, лежащих в основе бытования этой разновидности письма, в тех функциях, которые этот артефакт выполняет. Как и фольклор в целом, альбом в первую очередь связан с социализацией. Рубрики

альбома отталкиваются от порождающих их социальных ритуалов, но фотографии не просто воспроизводят ритуалы, а продуцируют и структурируют системы социальных смыслов. Склоняясь к феноменологическому прочтению проблематики жизненного мира, в проекте делается упор на исследование свидетельств людей, их повествований о себе, какими они складываются в мире повседневности. Складывающееся здесь социальное знание – это часть социальной реальности. В современных исследованиях культуры известны подходы к повседневности, на материале «наивного письма» - писем, заявлений, дневников жизни и т.д. Вместе с тем, к практике домашней переписки многих семей, членов которой жизнь разбрасывала далеко друг от друга (например, в Россию и в Белоруссию), примыкала практика пересылки фотографий, сохраняющаяся до сих пор. Фотографии семейного альбома используются в качестве предмета исследования, однако во главу анализа берется не только «фотография события», но и само «событие фотографирования».

В рамках исследования

проведен анализ естественной установки по отношению к жизненному миру;

развернута цепь аргументов в пользу тезиса о несубстанциональности Я, о вынесенности феномена Я в жизненный мир, в том числе, в мир технически создаваемых изображений;

исследованы практики письма о жизни (биография/фотография), в том числе и письма о своей жизни (автобиография/биографическая фотография);

раскрыты источники биографических и фотографических повествований, способы их построения, выяснено то, каким образом связаны и в чем противостоят эти способы письма;

изучены коммуникативные аспекты фотографического опыта, раскрыть связь и различия использования фотографий в публичных коммуникациях и коммуникациях семейных, рассчитанных на локальное и приватное прочтение;

проведены исследования существующих фотографических практик в их связи с социальными ритуалами интеграции и идентификации, доказать связь изменений фотографических практик с процессами социокультурной динамики.

Повествующее Я понимается как вечная и постоянная инстанция. Опыт трактуется лишь гносеологически, чувственность чело-

века объявляется не просто второстепенной по отношению к духовной сфере, но тем, что еще надлежит «преодолевать». Здесь видение отождествляется со зрением, т.е. с природно-детерминированным процессом, тогда как лишь языку и речи надлежит свидетельствовать о символическом потенциале культуры. В неклассической традиции позиции окажутся иными едва ли не по всем направлениям. Человеческое Я, событию которого посвящается биография («письмо жизни») личности, не является реальностью от этого письма независимым, Я выступает как рассказанное Я. Интерес к феномену идентичности откроет его динамичность и множественность, представленность его на различных уровнях человеческого существования: телесном, психическом, социальном, экзистенциальном.

Конкретная новизна поставленных задач заключается в том, что идентичность рассматривается сквозь призму биографических и фотографических повествований. Способы письма (биография – «письмо жизни», фотография – «письмо света») позволяют судить о нормах и идеалах людей, их отношениях к социальным и культурным явлениям, о способах проведения ими идентифицирующих границ, о специфике биографических представлений различных социальных институтов – детства, профессии, досуга, праздников, предметов увлечений и интересов, достойных семейной памяти.

Разработка текстуальной части мультимедийных презентаций велась на основе научно-исследовательского анализа. В качестве основных методов исследования были использованы феноменологический, социологический, семиотический, антропологический, психоаналитический, нарратологический подходы.

Феноменологический подход предполагает отказ от традиционного философского субъектно-объектного деления, в нем также отвергается идея «самообъективации» субъекта. В работах «Око и дух», «Феноменология восприятия», «Видимое и невидимое» М. Мерло-Понти, «Психология воображаемого», «Бытие и ничто» Ж.-П. Сартра, «Мотив Чужого» Б. Вальденфельса, «Феноменология тела. Введение в философскую антропологию» В. Подороги, посвященных исследованиям визуальных аспектов культуры и связанных с ними способностям человеческого видения, формулируется основная идея о том, что любой акт видения есть результат слияния визуальных впечатлений от предмета и встречной активности человека, посылающей навстречу этой информации сгустки

прошлого опыта, означенного и осмысленного, интегрированного в общей структуре телесности человека. Субъект и объект восприятия едины, поскольку их противоположность снимается в рамках самого процесса восприятия. Воспринимающее тело субъекта и объект восприятия образуют непрерывное единство, в котором любое, даже незначительное перемещение взгляда приводит к мотивированному изменению видимого. Взгляд ощущаем, он оставляет след, отпечаток на видимом. Одновременно воспринимающий субъект претерпевает индивидуальные воздействия оттого, что он в данный момент воспринимает. Видение есть «проживание» самого перцептивного акта, когда видимый объект «схватывается» нашим взглядом и, тем самым, выявляется в своей сути. Это своего рода оцепенение, «ощущение присутствия», которое действует некоторое время и не является для нас постоянным. М. Мерло-Понти сравнивает взгляд с «указательным жестом»: «Взгляд и зрелище как бы привязаны друг к другу, ничто не может их разъединить, иллюзорное перемещение взгляда захватывает и зрелище, скольжение последнего есть, в сущности, не что иное, как его закрепленность на кончике якобы передвигающегося взгляда»^[6, с.80].

Использование в исследовании разработанной в рамках феноменологического подхода категории видимый мир, позволило установить тот факт, что видением управляет закон мотивации, поскольку акт видения есть взаимодействие объектов в самом поле

зрения, в результате чего видящий лишается своего привилегированного познавательного положения, подчиняясь правилам и установкам восприятия, приходящим извне. Отсюда вытекает второе категориальное понятие – телесность, которое означает постоянную «ситуированность» в мире, неразрывную связь с ним и, одновременно, актуальное присутствие мира в восприятии. Поскольку подобно другим органам тела глаз имеет «представительство» в телесной схеме человека, то, концентрируясь на предмете, как на цели видения, он, тем самым, вводит его в эту схему. Любое взаимодействие видящего тела с видимым миром оставляет отпечаток воздействующей на него причины, изменяющий это тело. Таким образом, человеческое тело не существует в качестве чистой природной данности: оно всегда организовано определенным образом. В традиционном понимании тело для человека выступает как граница с внешним миром, но даже когда оно скоординировано на

столкновение с чем-то инородным, оно уже готово воспринять чужое в качестве неприятного или болезненного ощущения, становящегося телесной памятью. То же, что освоено и приемлемо телом (как, например, трость слепого или костыль хромого, соска ребенка, пишущая ручка и т.п.), органично сочленяется с ним.

В единое целое сливаются внутренние ощущения, физический объем и действия, осуществляемые телом и с его помощью. Поэтому видеть - не означает видеть одними только глазами, мы видим всей нашей телесностью. В отличие от телесного организма, само тело человека не является завершенной реальностью: оно постоянно модифицируется в различных типах культурного и социального опыта.

В онтогенезе параметры тела конструируются постепенно, через локализацию тактильных и двигательных ощущений. Поскольку зрение, как и другие телерецепторы (слух, обоняние), является дистантной сенсорной модальностью, зрение дает возможность человеку увидеть себя со стороны: в водном отражении, зеркале, во взгляде другого человека, т.е. как бы выйти за границы своего физического тела. А для этого нужно другое физическое тело. Тем самым, тело удваивается до действующего тела, которое открывает, исследует мир, и тела-вещи, которое благодаря видению себя само встречается в мире. Б. Вальденфельс пишет: «Двойственность существа, которое одновременно видит и видимо, находится одновременно здесь и где-то там, присваивает ему уникальный способ бытия»^[1]. С.155]. С этого момента тело становится «телом-для-себя» и, одновременно, «телом-для другого», так как оно воспринимается в двойном измерении. Первое возникает на основе телесной схемы, как бы взгляда изнутри, второе является объектом, воспринимаемым другими, и возможно благодаря зрительной способности выходить за пределы телесности, видеть себя как объект глазами других. Мы воспринимаем потому, что до нашего восприятия совершилось восприятие нас самих в качестве воспринимающих существ. Словами Ж. Деррида: тело, которое «стремится собраться», ускользает, «отклоняется» от самого себя и благодаря этому функционирует^[2]. С.240]. Таким образом, развитие зрения и возникновение видения оказывается напрямую связанным с появлением способности конституирования себя в ка-

честве увиденного внешнего объекта посредством взгляда Другого. Принята за

основу идея феноменологов о роли визуального опыта в формировании самоидентичности человека.

Раскрыта связь процессов идентичности и идентификации и жизненного мира, как мира человеческой субъективности, где складывается смысловая картина мира и образа человека, каким он понимает себя. Подобная точка зрения была рассмотрена в книге «Бытие и ничто» Ж.-П. Сартра, где он подробно анализировал понятие «взгляда». Феноменология «взгляда» Ж.-П. Сартра выявляет структуру связи Меня и Другого. Характер восприятия Другого, которое Э. Гуссерль называет «доступностью недоступного», открывает собственную чуждость: дистанцию меня самого по отношению ко мне самому. Мы понимаем и интерпретируем Другого хотя и приблизительно, но всегда лучше, чем самих себя. Именно избыточность видения Другого (его я могу рассмотреть лучше, чем он или я видим себя) обнаруживает мою «внезаходимость». Если Другой дан мне непосредственно «здесь-и-сейчас», то свое Я можно зафиксировать только в рефлексии, в некотором отстранении от актуального настоящего. Открытие Другого – функция, прежде всего, визуального опыта. Речь всегда опосредована значениями, взгляд существует только в непосредственном событии, действии перцептивного акта. Таким образом, Другой и его точка зрения удостоверяют о существовании Меня как личности. Ж.-П. Сартр выявил напряженную динамику отношений «объектности» и «свободной самости» между ее участниками: Другой обнаруживает себя как «чужой», когда он внедряется в мою субъективность, и «меня» - субъекта делает объектом своего мира. Принципиальная взаимозаменяемость моей перспективы и перспективы Другого возможна при условии, что, встав на место Другого, заняв его «здесь», Я увижу вещи так же, как и он. Именно опыт восприятия Другого и ограниченность этого опыта расширяют понятие телесности до социального измерения. Для Сартра семейная фамильная фотография становится точкой столкновения времен, перекрещивания между «it-will-be» фотографируемой личности (его/ее проекта для будущего) и тем, что Барт позже назовет «it-has-been» зрителя (чувство того, что проект и его будущее теперь уже в прошлом).

В исследовании также использовано феноменологическое понятие интенциональности, т.е. постоянной направленности человеческого сознания на окружающую действительность. Отсюда делается вывод о казуальности нашего восприятия, обусловленности его видимым миром и условиями восприятия. Категория интенциональности позволяет выходить за пределы чистой феноменологии к поискам социальных аспектов: поскольку мой мир постоянно открывается чужим интенциям, именно на пересечении различных интенциональных посылов возникают общие, социально-устойчивые смыслы.

Социологический подход в исследовании фотографий основан на использовании таких известных работ по теме фотографии как «Photography: A Middle-brow Art»// «Un art moyen: essai sur les usages sociaux de la photographie» П. Бурдьё, «On Photography» С. Зонтаг, «Ways of Seeing» Д. Бергера.

В своей книге П. Бурдьё показывал, что в обществе есть как сферы, в которых культурные продукты наделены аурой свершившейся легитимации с уже устоявшимися авторитетами этой легитимации - музыка, живопись, скульптура, литература, театр, так и сферы, где культурные продукты еще только подлежат легитимации – кино, фотография, джаз, шансон. Здесь авторитеты легитимации конкурируют, идет борьба за посвящение и признание, для этого и есть клубы и критики. Именно поэтому Бурдьё называл фотографию «средним искусством», но не в смысле посредственности, а в смысле промежуточности. Есть, наконец, сферы случайной или сегментарной легитимности – мир одежды, косметики, кулинарии, декорирования. П. Бурдьё осуществил социологическое и этнографическое исследование фотографического поведения людей, разных социальных групп. Выявлена и проанализирована основная идея его книги - установление способов регуляции и организации индивидуальной практики фотографирования в рамках социальных групп и классов. Умение видеть зависит от выработанных коллективных способов смотрения, обусловленных совокупностью множества условий. Как указывает П. Бурдьё, большинство тривиальных фотографий выражают, независимо от внутренних интенций фотографа, общие для всей группы системы схем восприятия, мышления и оценок. В фотографии присутствуют те области, которые имеют дело непосредственно с технологией и механикой и не

связаны с намерением фотографа выбора способа фотографирования. В дальнейшем любая область, которая связана с технологией производства снимка, также будет определяться такими ее свойствами как предсказуемость и схожесть. Большая часть людей, вовлеченная в практики фотографирования, будет стремиться к определенному рода эстетике, присущей данной социальной группе, стараясь избежать нетрадиционных фотографических приемов и методов, которые в данном контексте могут рассматриваться как угроза чувству социального порядка. Как отмечает П. Бурдьё: «Нормы, которые организуют фотографическую оценку мира в терминах оппозиции между тем, что подлежит фотографированию и не подлежит, эти нормы неотделимы от внутренней системы ценностей, поддерживаемой классом, профессией, художественным объединением, частью которого фотографическая эстетика должна быть, даже если она отчаянно требует автономии»^[9, P.6].

Установлены значимые социальные функции семейного фотографирования. По мнению П. Бурдьё фотографическая практика существует и поддерживается большую часть времени благодаря ее семейной функции или скорее функции дарованной ей семейной группой. Семейные фотографии являются ритуалом домашнего культа, в котором семья – и субъект, и объект. Семья утверждает свое единство и свою непрерывность через аккумуляцию знаков своего единства и близости. Фотографирование членов семьи - один из важнейших ритуалов современной семейной жизни, так как с помощью фотографий семья создает своего рода свидетельство существования той или иной семьи, хронику семейного существования. Нередко семейный альбом — не только единственное, что объединяет большую семью в некое единое целое, но и единственное, что создает иллюзию обладания прошлым, включая даже нереальное прошлое. Семейная фотография поворачивает каждую индивидуальную историю в серию отдельных событий, берет на себя функцию накопления семейного наследия.

Она, кроме того, является как указателем, так и инструментом интеграции. Семейный альбом выражает сущность социальной памяти, но его задача не исследование «утраченного времени», семейные фотографии с комментариями, выступают опорами в ритуальной интеграции, в ходе которой новичку позволяют пережить свою идентичность. Узнавание – вот критерий правильной и точной

репрезентации, когда мы рассматриваем фотографию как объект социологического чтения. Смысл подобной фотографии – в событии фотографирования, важнейшего ритуала семейной интеграции. Подобные ритуалы служат способами интернализации социальной функции.

Принято решение развить идеи Э. Дюркгейма о социальной функции праздника применительно к событию фотографирования, как к способу соединения и интегрирования семейных связей. Отмечаемая Э. Дюркгеймом функция религиозных ритуалов как способа сплочения общности может быть также применима и к фотографическим практикам. Событие фотографирования, особенно в ранний период формирования фотографических практик, было способно вызвать чувство сакрального благоговения, оно как бы возвышалось над профанным миром. Фотография была предназначена для сохранения в памяти событий, выходящих за пределы повседневности: все важнейшие ритуалы перехода (из одного возрастного и социального статуса в другой, от бытия к небытию), связанные с социальностью как таковой, обязательно фиксировались фотографически. Фотографирование подобных церемоний необходимо потому, что оно транслирует поведение, которое социально одобрено и социально регулируемо, это поведение, которое торжественно отмечается. «Ничто не может быть сфотографированным, безотносительно к тому, что должно быть сфотографировано. Церемония может быть сфотографированной, потому что она выбивается из ежедневной рутины, и должна быть сфотографированной, потому что она реализует образ, который группа стремится иметь о себе как свой образ» - отмечает П. Бурдьё^[9, P.23-24]. Подобное разделение или двойное видение мира («*di-vision du monde*»), зафиксированное П. Бурдьё, действует как наилучшая из

коллективных иллюзий. Происходит процесс институционализации социальных отношений, взаимоотношений полов, жизненного пути. Подобным образом ритуалы рассматривания фотографических изображений, в процессе которых участники разделяют друг с другом увиденное, недоступное для истинного понимания без комментария, интерпретации хранителя фотоальбома, позволяют пережить трансцендентное чувство сопричастности.

В ходе работы была взята за основу социальная теория преодоления дуализма объективизма и субъективизма, в связи с этим в

исследовании используются новые понятия, важное место среди которых занимают понятия объективированной субъективности и субъективированной (интернализированной) объективности.

С. Зонтаг в своей книге отмечает тот факт, что фотографию отличают две уникальные способности - давать субъективную интерпретацию действительности и представлять ее объективное отображение. Фотографирование людей предполагает тот факт, что фотограф запечатлевает их облик в том виде, в котором они не имеют возможности увидеть себя. Снимок превращает человека в своего рода предмет, дает возможность символического обладания им. Безоговорочную веру в достоверность фотографического отображения породило то обстоятельство, что, являясь механическим прибором, фотоаппарат запечатлевает реальную действительность, как бы гарантируя ее объективность. В то же время фотографирование предполагает такое изменение реального объекта, которое не является его трансформацией, но «редукцией», тем самым оно делает значительным для человека все, что изображает. Благодаря фотографии возникает возможность выделить зафиксированное событие из общей массы произошедшего и увиденного, а также сохранить его изображение. Фотокамера способна осуществить нечто недоступное человеческому глазу – запечатлеть, зафиксировать определенное событие. Это дает событие остается неизменным. Э. Гофман называет фотографию «вневременной фиксацией», остановленным в нашем внутреннем взоре портретом социальной действительности.

Процессы продуцирования социальных смыслов и их потребления слабо исследованы в современной социальной и гуманитарной науке. Интерес социального исследователя к фотографии – это как раз интерес к повседневной «жизни незамечательных людей», интерес к коллективному опыту и коллективным представлениям. По мнению С. Зонтаг фотокамера изображает окружающий мир посредством двух важных для функционирования развитого индустриального общества способов - в виде определения действительности как зрелища (для широких масс) и в виде объекта для надзора (для властных структур). Тем самым производство фотографий воспроизводит господствующую идеологию. Это доказывает искусственный, сконструированный характер фотографий: на их производство, демонстрацию и комментирование влияют культур-

ные, национальные, социальные политические и другие особенности. Фотографии являются комплексными отражениями отношений между фотографирующими и фотографируемыми, в которых и те, и другие играют роль в формировании характера и содержания фотографий. Когда мы используем камеру для производства визуальной записи, мы делаем отбор, определяемый нашими идентичностями и интенциями, а также нашими отношениями с фотографируемыми субъектами. Фотографируемые люди также редко являются пассивными участниками события, чаще они становятся прямыми соучастниками, направляющими процесс фотографирования к желаемому результату. Посредством фотографических практик, подчиненным разделяемым большинством людей социальным смыслом, осуществляется формирование идентичности. Процессы принятия собственной идентичности и формирования субъективности оказываются связанными друг с другом.

Вопросы формирования женкой и мужской идентичности, посредством визуальных практик, исследованы в работе Д. Бергера. В своей книге он отмечает тот факт, что, следуя давней традиции европейского искусства, женщины на фотографиях по-прежнему изображаются не так, как мужчины - потому что за «идеального» зрителя всегда принимается мужчина, и изображение женщины предназначено для того, чтобы угодить ему. Им также разработано понятие отсутствующего, «несфокусированного» взгляда, который чаще всего использовался как прием в салонной фотографии. Подобный тип взгляда поддерживал иллюзию превосходства, очарования и гламура, и так как этот взгляд не был направлен на камеру, и, следовательно, на зрителя, но мимо него, то он вызывал чувство незаконченности и неудовлетворительности восприятия у смотрящего на фотографию.

Семиотический подход в исследовании фотографии отражен в работах Р. Барта «Camera Lucida. Комментарий к фотографии», «Фотографическое сообщение» // Барт Р. «Система моды. Статьи по семиотике культуры», «Риторика образа» // Барт Р. «Избранные работы: Семиотика: Поэтика». В ходе исследования были приняты за основу основные цели и задачи семиотических исследований: анализ содержания фотографического сообщения, способы его передачи, коды интерпретации.

Проанализированы идеи Р. Барта о том, что фотография это сообщение без кода, а фотографическое сообщение является непрерывным сообщением. Как полагает, Барт фотографии могут разрушать наше общепринятое чувство реальности в чувстве пунктума/прокола, которое разрывает, проникает или задерживает студиум, т.е. культурное и последующее контекстуальное прочтение образа. Пунктум – это результат субъективной и непредсказуемой интеракции между зрителем и образом, случайный эффект или добавление, возникающее за пределами интенции фотографа. Барт определяет фотографический образ как потенциально способный регистрировать больше, чем означает его денотат. Как бы ни был точен фотографический образ, он включает также что-то приобретенное извне, неожиданно персональное и аффективно соотнесенное, которое ни риторика, ни студиум не могут предсказуемо производить. Это происходит, когда фотограф подходит субъективно к тому, что изображает. Как мы можем видеть, этот зрительский пунктум будет ключевым в комплексе отношений между фотографией и памятью, с потенциальным перетеканием из пунктума в студиум без остановки в пунктуме, если фотография обнаруживает историю вообще, это также защищает ее от этого, если она вызывает воспоминания, она в равной степени помогает забыть.

Семиотический подход акцентирует внимание на аспектах данности реальности как текста, значения, знаково-символического изображения, метафоры, образа. При конструировании очередного языка прочтения текста, реальности, идущие от него множатся, и возникает парадоксальный феномен изображения. Он заключается в том, что текст все время ускользает от абстрактно-логических средств его отображения. Тогда семиотика прибегает к дополнительным возможностям контакта с текстом и пытается не столько раскрыть его содержание, но означить само пространство текста для последующего его изучения. Применительно к любительской фотографии речь идет о семиотических технологиях реконструкции изображений в их событийной самости. Событийность может стать начальным условием реконструкции содержащихся в ней смыслов. Важно различать язык текста и язык отображающихся средств. Язык текста онтоичен. Он является неотъемлемой частью со-бытия. Язык отображающих средств субъективен интерпретацией и формирующей его методологией. Видя фотографию, читают не

буквальный её смысл, а добиваются возможности присутствия в традиции – присутствия в значимости. Если таковое осуществляется, то возникает потребность распознавания. Следует выяснить механизмы «считывания» фотографий: на каком этапе происходят процессы «вербализации» и интерпретации фотографического сообщения. Любая рефлексия означает неизбежную деформацию текста. Сразу возникает вопрос об адекватности семиотической реконструкции текста. Знаково-символическая реконструкция текста возможна лишь в функции его описания синтаксическими и прагматическими средствами. При этом описание может рассматриваться как достаточная задача. В результате процедура верификации становится неизбежной. Биографическая фотография никогда не входила в предмет этой процедуры вследствие своей естественности и повседневности. Фотография демократизирует формы человеческого опыта, в том числе, процесс фотографирования как производства образов, позволяя фотографировать все, что угодно. Как отмечает Р. Барт, фотография начиналась с выделения примечательного, но сейчас она делает примечательным все, что фотографирует. Она превращается просто в расширенный взгляд. Все фотографируемые объекты по их способности быть фотографируемыми, оказываются равными или как бы рядоположенными. Каждый взявший в руки фотокамеру, становится семиотической инстанцией, производящей и объективирующей идеальные образы, выраженные в стереотипах и клише представлений о типическом или идеальном объекте.

Приняты за основу положения Р. Барта о двух типах сообщений: денотативном, то есть собственно аналоге реальности, и коннотативном, то есть способе, которым общество в той или иной мере дает понять, что оно думает о ней. Современная семиотика выделяет в языке два плана – денотативный и коннотативный. Под денотативным значением принято понимать не сам предмет, но типовое представление о нем. Любая дополнительная по отношению к денотативному значению смысловая информация является коннотативной. Коннотативный знак – знак «встроенный» в денотативный, коннотативные смыслы характеризуют либо сам денотат, либо выражают отношение субъекта речи к ее предмету, раскрывают коммуникативную ситуацию, указывают на тип употребляемого дискурса. Все денотативные значения даются в явной форме, коннотативные значения относятся к области вторичных смысловых

эффектов. По Р. Барту денотативное значение – это сообщение, сведенное к сугубо предметным значениям. Коннотативные смыслы могут иметь форму ассоциаций. Понятие кода связано с пространством цитации, диапазоном, в котором располагаются всевозможные культурные голоса. Р. Барт выделяет 5 кодов: герменевтический, задача которого заключается в выделении формальных единиц, позволяющих сконцентрировать, загадать, сформулировать, ретардировать и, наконец, разгадать загадку; проайретический, образующийся в ходе действий последовательного характера; символический, образованный культурными особенностями, семный и референциальный (культурный - код страсти, код искусства, код истории и т.п.). Кроме того, он определял такие приемы коннотации как монтаж, позу, объекты, фотогению, эстетизм, синтаксис. В реальной практике языкового значения денотативный уровень всегда более или менее идеологизирован, хотя и стремится скрыть это, причем денотация добивается подобной иллюзии именно за счет коннотации. Многие коннотации способны к идеологическому насыщению: от политических, до стилистических. Отсутствие подобной двойственности сообщений в сообщениях фотографического типа, связано с тем, что сама точность фотографического изображения превращает его знак объективности. Фотоснимок выдается за механический аналог реальности и его сообщение как бы заполняет собой всю его субстанцию, поэтому вторичному сообщению развернуться уже негде. Коннотация, то есть наложение вторичного смысла, где содержится отношение к реальности изображения (например, выражения чувства сентиментальности, иронии, одобрения, жалости) на собственно фотографическое сообщение осуществляется на различных уровнях создания фотоснимка (отбор, техническая обработка, кадрирование), в общем и целом ее задача закодировать фотографический аналог; соответственно представляется возможным выделить приемы коннотации. Коннотация присутствует не только в речи (фотография в самый момент своего восприятия уже вербализируется), но и в самом изображении: «парадокс фотографии заключен в сосуществовании двух сообщений - одно из них без кода (фотографический аналог реальности), а другое с кодом («искусство», обработка, «письмо», риторика фотографии)». Таким образом, коннотативные коды оказываются встроенными в денотативную поверхность. Один из парадоксов фото-

графии заключается в том, что когда реальность выглядит неправдоподобной, фотография вновь облекается мифом аналогии и чистой денотации и осуществляется как иконография реальности.

Рассмотрены работы современных исследователей фотографии Г. Сонессона («Semiotics of Photography»), Д. Чандлера («Notes on “The Gaze”»), С. Холла («Representation. Cultural Representations and Signifying Practices») в которых показано, что существует множество иконических кодов, что фотографии запечатлевают не природную стихию, окультуривая ее, но опираются на систему со своими кодами и референтами. Д. Чандлер рассматривает проблематику взгляда как всего того, что отличает культурное видение от природного зрения. Он показывает, как фотокамера превращает изображенного человека в объект, дистанцируя того, кто смотрит, от того, на кого смотрят. Действительно, фотограф (пусть временно) обладает властью над теми, кто находится перед зрачком камеры, эта власть может переходить и к тем, кто рассматривает изображение. Д. Чандлер подчеркивает важную роль зеркала и фотографии в формировании человеческого эго, раскрывает социальные нормы, которым подчиняются практики смотрения. Они усваиваются в социализации, несут на себе особенности культур. Коды, которым подчиняются практики видения, являются индикаторами властных отношений в самых «горячих» областях – сфере пола, расы, класса.

Исходя из символического понимания культуры, С. Холл различает рефлексивный, интенциональный, и конструктивистский подходы к процессам означивания. В соответствии с рефлексивным подходом, язык просто отражает значения, которое уже существуют там, в мире объектов, людей, событий. В соответствии с интенциональным подходом язык выражает только то, что говорящий или рисующий хотели сказать, его или ее личное значение. В соответствии с конструктивистским подходом значение возникает в практиках письма (на песке, бумаге, экране – реальном или виртуальном), само понятие «репрезентации» связано только с третьим подходом. С. Холл считает, что есть две системы репрезентации. Первичная система – это система, в соответствии с которой все виды объектов, людей и событий соотношены с множеством понятий или мысленных представлений, с помощью которых происходят процессы интерпретации мира. Вторая система репрезентации, во-

влекающая в полный процесс конструирования значения - это об- щий язык, где соотносятся понятия и идеи с определенными запи- санными словами, речевыми звуками или визуальными изображе- ниями. Репрезентация является результатом означивания понятий в нашем уме с помощью языка. Это звено между понятиями и язы- ком, которое позволяет нам отсылать как к реальному миру объек- тов, людей или событий, так и к воображаемому миру объектов людей или событий. Значение зависит от компетентности рецепи- ента. Значение текста находится между производителем текста и читателем, в этой сфере происходит кодирование и декодирование медиальных дискурсов. С. Холл раскрыл важные стороны рецепции продуктов культуры, в том числе и изображений техногенного типа.

Антропологический подход позволяет через призму методов ви- зуальной антропологии изучать визуальные аспекты культуры, как в условиях ее стабильности, так и в ситуациях культурных перемен. Визуальная антропология формировалась как продолжение, и одно- временно как антитеза этнографическим исследованиям. Визуаль- ные антропологи обнаружили, что традиционные объекты этногра- фического интереса – «люди, которые на нас не похожи» – могут быть увидены не только на далеких островах, чтобы их увидеть до- статочно перейти на другую сторону улицы. В узком смысле слова выражение «визуальная антропология» обычно применялось для обозначения одной из сфер культурной антропологии, но сегодня это выражение понимается шире. Складываясь в пределах социаль- ной/культурной антропологии, визуальная антропология не образу- ет точную предметную область, она выступает обобщенным назва- нием совокупности стратегий исследования визуальных систем. Ес- ли на ранних ступенях визуальной антропологии фотографическая камера выступала для исследователей неким дополнительным ин- струментом, то сегодня предметом интереса все чаще становится реальность не только по ту, но и по эту сторону камеры. Человек с камерой перестает быть невидимым, актуальными для исследова- ния становятся обстоятельства его письма (как оно возникает, в ка- ких целях используется). Обнаруживается, что образами окружает себя не только исследователь, но и тот, кого он исследует, что объ- ект этого интереса сам наделен стратегиями видения, что традици- онный субъект исследования утрачивает привилегию быть невиди- мым. Задачи визуальной антропологии усложняются, к первой за-

даче – использовать визуальные образы в познании, добавляется вторая – исследовать то, как используются визуальные медиа в культуре. Антропологический интерес к фотографии заключается не в том, что она есть, но в том, что она показывает. Использование фотографий в исследованиях применимо и является постоянным аспектом современной антропологической практики. Хотя даже там, где фотография образуется как важная методологическая техника, зачастую за основу берется ее идентичность как медиума. Внимание исследователей фокусируется исключительно на фотографическом содержании, без любого рассмотрения существенно-сти фотографической формы.

Работы по визуальной антропологии Д. Мак-Дугалла и С. Уорта обращают внимание на значимость исследования самого события фотографирования. Дэвид Мак-Дугалл известен как автор теоретических работ: ряда статей («Social Aesthetics and The Doon School», «The Visual in Anthropology»). В отличие от позиций классической визуальной антропологии, где видимые изображения берутся для исследований как данность, Мак-Дугалл исходит из сконструированного характера реальности как особого аспекта социальной жизни. Определяя социальное окружение как «ландшафт», он отмечает, что подобное окружение является соединением культурного и природного. Опыт антропологов показывает, что каждое сообщество демонстрирует физические свойства и образцы поведения, которые связаны друг с другом, специфичны для него, и немедленно распознаются его членами. В результате исследования такого ландшафта, может быть лучше понята важность самых разных установок человеческой жизни, поскольку он существует в эмпирических условиях и наделяет отличительным фоном повседневную жизнь людей. Изучение коллективных визуальных репрезентаций само по себе порождает новые вопросы о том, что антропология может сообщить о них.

В последние годы повышается антропологический интерес к переживаниям, времени, телу, чувствам, гендеру и индивидуальной идентичности. С. Уорт указывает, что в задачи антропологии должно входить изучение фотографии как одной из символических систем, с помощью которых люди создают новые формы старых мифов о себе. Так же, писал С. Уорт, как изучение систем родства, мифов, и других ритуалов и способов проживания может

помочь в нахождении универсалий и различий в культуре, так и исследование визуальных свидетельств должно стать неотъемлемой частью изучения культуры. Не менее важной задачей антропологии является изучение различных способов рассматривать изображения, отличных от метода, сформированного в одной культуре. Изучение фотографий должно вестись в контексте культуры, в пределах которой они были сделаны и использовались. Домашние снимки и семейные альбомы объединяют частное и коллективное, индивидуальное и общественное, сохраняют формы повседневного представления людей о себе через визуальные свидетельства. Для настоящего исследования важно предположение С. Уорта о том, что в пределах существования Советского Союза различные национальности были соединены одним способом репрезентации, одним набором обычаев и одним социальным ландшафтом. В пределах структуры социализма фотографическое сообщение унифицировало этнические особенности и личностную индивидуальность.

Проанализированы публикации современных исследователей М. Бэнкса («Visual Methods in Social Research»), Дж. Руби («Seeing Through Pictures: The Anthropology of Photography»), Л. Рагг. Авторы подчеркивают значимость устных свидетельств владельцев семейных альбомов, обращая внимание на особые способы показывания и комментирования семейных фотографий. Как об этом пишет М. Бэнкс: «С одной стороны, визуальные антропологи имеют дело с контентной (содержательной) стороной каких-то визуальных репрезентаций – каково событие здесь отображено? Кто этот человек на фотографии? С другой стороны, они имеют дело с контекстной (интерпретативной) стороной этих визуальных репрезентаций – кто создал эти артефакты, для кого, почему сделаны снимки одних людей и затем сохраняются другими?»^[8, p.12]. Важное предостережение содержится в замечании М. Бэнкса – «когда визуальные репрезентации создаются исследователем, существует опасность что контентная сторона получит приоритет перед контекстной». Думать, что изображения сами по себе содержат в себе молчаливую «правду» – сильно преувеличивать. «Образы не более прозрачны, чем словами описанное содержание, фильм, видео и фотографии стоят в индексальном отношении к тому, что они репрезентируют, они являются лишь репрезентациями реальности, но не прямой расшифровкой ее. Как репрезентации они подвержены влиянию соци-

ального, культурного, исторического контекстов их производства и потребления».

Визуальная антропология, считает Д. Руби, логически отталкивается от простой идеи, что культура проявляется через видимые символы, содержащиеся в жестах, церемониях, ритуалах, и артефактах, рассмотренных как в искусственной, так и естественной среде. Если любой может видеть культуру, то и исследователи могут это делать. Используя аудиовизуальные технологии, они могут записывать эти данные, подвергать их затем анализу и репрезентации. Визуальные антропологи внесли вклад в это движение через анализ фотографической практики как культурного поведения. Возможности визуальной антропологии состоят в том, что с помощью нее может быть предложен альтернативный способ постижения культуры, конструируемый с помощью объектива.

В книге «Picturing Ourselves Photography and Autobiography» Л. Рагг, используя в качестве основы своего исследования теорию фотографии В. Беньямина, развивает идею двойной самопрезентации посредством фотографической записи и автобиографии, что позволяет ей перейти на новый уровень рассматривания и прочтения как текстов, так и образов. Автобиография сама по себе есть способ контроля над собственным образом, поэтому в процессе описания собственной жизни, авторизации жизни, она занимает привилегированное положение. Фотографы вводят автобиографический нарратив для того, чтобы соединить текст и изображение: фотография размещается в пространстве автобиографических текстов, помогая отыскать истоки обращения к жанру автобиографии. С ее помощью становится возможным «писать» (и читать) «наивное письмо». Любительские фотографии часто создаются и предполагаются как сопровождение к автобиографическим текстам. В автобиографии объект и субъект текста есть то же самое, поскольку автор пишет свою собственную историю. С другой стороны, фотограф и субъект фотографического опыта обычно не один и тот же человек, следовательно, фотограф занимает третью позицию по отношению к фотографируемому событию.

Психоаналитический подход изучен на примере работ К. Юнга и Ж. Лакана. В исследование включено ключевое понятие «архетипа» К. Юнга, которое может быть применено к огромному множеству типов фотографических изображений. К.Юнг разрабатывает

сложную градацию архетипов коллективного бессознательного, исторически связанных с мифами, сказками, легендами, обычаями, изначальными традициями, не прошедшими какой-либо последующей рационализации. Фотография также выполняет функции различных архетипов, пробуждая в зрителях различные желания. Обращение к древним архетипам и поиск на их основе новых символических форм в визуальной культуре – актуальная тема для современных психоаналитических исследований.

В психоанализе исследуются процессы складывания субъектной идентичности. Ключ к ее формированию обнаруживается в анализе ранних этапов детского развития: ребенок видит, слышит, говорит с родителями, т.е. находится в определенных отношениях с теми, кто ухаживает за ним. Найдена несомненная параллель между индивидуально переживаемой «стадией зеркала», описанной Ж. Лаканом, и совершившейся в истории экспансией зеркала в повседневную жизнь людей. Работы Ж. Лакана показывают, что осознание человеком собственной личности проходит через стадию осознания собственной «показанности». Мы проживаем «стадию зеркала» в очень раннем возрасте, именно поэтому забываем, не обращаем внимания на исключительную парадоксальность ситуации. Ж. Лакан использовал термин Валлона «стадия зеркала», который вкладывал в это определение опыт шести-восьмимесячного ребенка осознания себя самого и идентификации себя в пространстве. Этот опыт состоит в первую очередь в освоении и осмыслении перехода от зрительного восприятия к воображаемому, а затем - от воображаемого к символическому. Воображаемое возникает как первичный опыт видения себя в отражении, то есть видения того, чего в реальности нет. По Ж. Лакану система собственного Я оказывается невозможной без соотнесения с системой Другого: «Референтом собственного Я является другой. Собственное Я устанавливается в отношении-сти к другому. Оно является его коррелятом»^[4, с.69]. Именно на основе эффекта узнавания формируется слой воображаемого, который в дальнейшем определяет восприятие человеком всего «другого». Ж. Лакан настаивает на том, что осознание целостности собственного тела происходит раньше его действительной целостности. Он связывает основной генетический момент формирующегося Я с отождествлением собственного внешнего вида и его зеркального отражения, где один лишь вид целостной формы чело-

веческого тела дает субъекту преждевременное по отношению к реальному овладению и потому воображаемое господство над его собственным телом. Первоначальное Я воспринимается как отражение в зеркале. Это Я обеспечивает идентификацию с тем образом или лицом, которым субъект в данном контексте способен обладать на более поздней стадии своей эволюции, поскольку тело, в той мере, в какой человек его знает, может быть равнозначным образом этого тела. Однако насколько реальным оно бы ни было, тело неизбежно будет реализовано изнутри как нечто внешнее и иное по отношению к самому себе. Зеркало создает идеальное пространство, но для того, чтобы оно совпало с реальным, его нужно воспринять, то есть увидеть себя в зеркале. Поскольку отраженное оказывается раздвоенным уже в самом себе. Повторяя, отражение, тем самым, расщепляет. Но, восприятие это не только, и не столько узнавание, сколько желание обладания, через которое человек конституирует себя и открывается в себе другим. Работы Ж. Лакана показывают, что осознание человеком собственной личности проходит через стадию осознания собственной «показанности».

Потребность обладать своим изображением, возникшая в исторический период Нового времени, к XX веку оказалась закреплена с помощью новой технически более совершенной и экономически дешевой технологии фотографирования. Фотографические портреты позволяют идентифицировать свой образ с изображениями, корректировать его в соответствии с эталонами и образцами современной массовой культуры. В работе К. Силверман «Преддверие видимого мира» (Silverman K. «The Threshold of the Visible World». New York&London: Routledge, 1996) используются лакановские понятия «смотрения», «взгляда» и «экрана». Силверман интересуется массовой продукцией производства женских телесных образов высокой степени идеализации, а также обратная сторона этого процесса - то есть высокая степень производства женского фрагментаризованного тела как «тела в кусках». Силверман задает вопрос о том, каким образом осуществляется наша субъективная способность «подключаться» в процедурах идентификации к тем женским образам, которые не являются собственно «нашими», а представляют собой как бы «одолженную память, удовольствия и неудовольствия других», переживания которых настолько интенсивны, что хотя и находятся за пределами наших нормативных репрезентаций, однако, способны

при этом всецело захватить нашу жизнь. Осуществлять операцию видения - значит воплощать некий образ внутрь постоянно изменяющейся матрицы бессознательных представлений, которая может включать в свою либидинальную экономию культурно незначимый объект, и, наоборот, исключать по видимости значимый для системы нормативных репрезентаций объект.

В рамках психоаналитической парадигмы понятие идентичности разрабатывалось Э. Эриксеном, который определял ее как внутреннюю непрерывность и тождественность личности. Подобная концепция позволяет увидеть влияние исторических и социокультурных факторов на реализацию идентичности. В рамках психоанализа идентичность рассматривается как множественная категоризация индивида с самим собой и другими, причем различные составные категории варьируются в зависимости от ситуации, влияют на поведение и составляют смысл жизни. Желание - это всегда отчужденная конструкция, возникающая как конструкция символического, «потерянного» объекта. Отсюда, сексуальность - это символический уровень реальности. Сексуальная дифференциация есть не что иное, как цепь гендерных символических различий, в которой пол определяется через место, занятое в этой бесконечной цепи символического означивания, а не как биологический пол. Ж. Лакан обозначает женское Другое как травматическое, называя его Реальным, сопротивляющимся эффекту символизации. Он одним из первых в психоанализе исследовал значение фактора визуального в структуре женской субъективности, имеющего огромное значение для женских «политик репрезентации». Особенностью лакановского подхода явилось то, что эти политики определяются как сложные и множественные, зависящие не от субъективного Я, а от культурного репертуара гендерных образов, существующих в обществе. Субъективность обретает свое существование только в тот момент, когда начинает воспринимать образ своего тела в пределах рефлексивной поверхности - то есть через визуальный статус. Именно визуальный образ формирует основу эго и репрезентативные стратегии субъективности; в визуальный образ эго при этом входит не только собственная внешняя репрезентация, но и образы других. В результате основным парадоксом феномена идентификации через визуальный образ оказывается то, что субъект идентифицируется с тем, что она/он не есть. Для понимания роли визуального в репрезентатив-

ных стратегиях субъективности Ж. Лакан обращается к понятию «экрана», вместо зеркальной рефлексии, имеющей место на стадии зеркала. Экран - это определенное культурное имаго, обеспечивающее функцию «взгляда» по отношению к субъективности и идентификацию субъекта с тем, чем он никогда не может быть, - с гендерным идеалом. Ж. Лакан настаивает на том, что детерминирующим для субъективности является не то, как мы видим или хотим видеть самих себя, но то, как мы восприняты культурным взглядом - это и есть «экран», демонстрирующий, что мы не можем произвольно выбрать как мы «видимы» в культуре. Данный механизм он называет «визуальной» драмой субъективности, базирующейся на разрыве между тем, чем субъект является, и тем, как он визуальнo репрезентирован.

Нарратология, теория нарратива — дисциплина, изучающая повествовательные тексты, природу, формы и функционирование нарратива, общие черты, присущие всем возможным типам нарративов, равно как и критерии, позволяющие отличать последние между собой, а также систему правил, в соответствии с которыми нарративы создаются и развиваются. Нарратология оформилась в 1960 — 70-х гг. в рамках структурной лингвистики, порождающей семантики, структуралистской поэтики. Начало этой дисциплины восходит к исследованию В. Проппом русской сказки и К. Леви-Строссом — логики мифа. Исследователи, изучающие нарратологические принципы, цели и достижения, - П. Рикёр, Ж. М. Адам, Ж. Женетт, Т. Павел, Ш. Римон-Кеннан, Дж. Принс - связывают факт значительного увеличения количества и расширения горизонта исследований в этой области с осознанием важности повествований в человеческой жизни, с пониманием, что они сосредоточены не только в литературных текстах, но и в повседневном языке, а также в научном дискурсе. На уровне индивида жизнь как единый и целостный феномен изображается (и, как считает значительное число исследователей, конституируется) с помощью автобиографического нарратива. В историях других людей, социальных групп, народов нарративы демонстрируют взаимосвязанность и значимость на первый взгляд случайных дел и событий, увязывают их в целостные образования, способные мобилизовать коллективное воображение и волю, особенно в часы испытаний способов, посредством которых человеческая жизнь может быть собрана воедино. Устные рассказы

представителей непривилегированных классов связаны с традицией народного повествования, в которой жанровые различия между «достоверным» и «литературным» нарративами, между «событиями» и воображением достаточно условны. В типичные повторяющиеся структуры нормированного языка встроены диалекты как элементы коллективной памяти.

Нарративы выступают одним из главных способов организации переживания человеком времени. Фиксация временных отношений посредством повествования возможна за счет ее способности конфигурировать последовательность событий в объединенное целое. Нарративное упорядочивание помогает постижению отдельных событий за счет обозначения целого, которому они принадлежат. Процесс упорядочивания идет за счет увязывания отдельных событий во времени, указания тех последствий, которые одни действия имели для других, связывания событий и действий во временной образ. Средство превращения единичных событий в связный нарратив есть сюжет. Именно сюжет связывает события в упорядоченную последовательность. Нарратив соответствует извечному стремлению людей вырваться из непрерывного потока времени, обозначая в нем начальные и конечные пункты происходящих с человеком событий, его дел и переживаний. Целое индивидуального человеческого существования артикулируется как сюжет повествования, представляющий собой нечто гораздо большее, нежели простое хронологическое перечисление событий. В горизонте биографии время приобретает особый статус: оно складывается как упорядоченность пережитых событий: реализованные связи - содержание жизненного опыта, потенциальные – конструирование собственной идентичности, встраивание ее в существующие условия. Культурные традиции представляют собой запас сюжетов, которые могут быть использованы для организации событий жизни в истории.

Новое время принесло понимание повествования как самопонимания личности и истории с точки зрения взаимодействия отдельных индивидуальных историй. Жизнь каждой личности представляет собой осмысленное целое в форме истории, а история социума предполагает переплетение этих историй. Нарратив представляет собой универсальную характеристику культуры в том смысле, что нет, по-видимому, ни одной культуры, в которой отсутствовали бы те или иные его виды. Культуры аккумулируют и транслируют соб-

ственные опыт и системы смыслов посредством повествований, запечатленных в мифах, легендах, сказках, эпосе, драмах и трагедиях, историях, рассказах, шутках, анекдотах, романах, коммерческой рекламе и т. д. Способность быть носителем культуры неотделима от знания смыслов ключевых для данной культуры повествований. Самая сильная коллективная память свойственна замкнутым группам. Степень социализации индивида также связывается с определенной мерой его языковой компетентности, ключевым компонентом которой является способность индивида рассказывать и пересказывать истории. Пол Томпсон называет устную историю первой разновидностью истории. Устная традиция в дописьменных обществах включала в себя ритуалы, формулы обучения, рассказы, поэтические произведения, юридические и другие комментарии, социальная значимость которых нашла свое выражение в надежных системах передачи от поколения к поколению с минимальными искажениями. Деревенские носители устных преданий сохраняли свою общественную значимость вплоть до распространения практик семейного фотографирования: личные воспоминания и личные семейные предания становятся теперь стандартным типом не только устного, но и, одновременно, визуального свидетельства. Устные исторические источники – это повествовательные источники, при анализе которых должны использоваться категории, разработанные нарративной теорией. Такие категории как «дистанция» и «перспектива», детально разработанные Ж. Женетом позволяют применить нарратологический подход к осмыслению феномена семейного фотографического альбома.

Проработка теоретического базиса исследования позволила сформулировать несколько предположений о способах соотношения фотографий семейного альбома и рассказов о них. Феномен семейного фотографического альбома может быть characterized следующими особенностями:

- Семейный фотоальбом содержит взаимоотношения членов семьи, действия, в которых эти отношения выражаются, места, где эти отношения осуществляются, ритуалы, которые фиксируют эти отношения. До появления видеосъемки только фотография могла отобразить визуально-образную информацию о членах семьи и важных для нее событиях. Семейное фотографирование, таким образом, оказывается тесно связанным с ритуалами. Хранящиеся в

семейных архивах фотографические изображения отражают основные значимые события в жизни семьи и ее отдельных членов: рождение ребенка, первое сентября, новоселье, свадьба, проводы в армию, юбилеи, похороны. В традиционном обществе ритуалы строго формализованы, они наполняют жизнь событиями, требуют совместного участия и организуют членов общества в единое целое. Семейное фотографирование и традиция коллекционирования подобных фотографий способствуют утверждению определенных, нормативных в данном типе общества параметров идентичности, а также соответствуют стратегиям и тактикам накопления коллективной памяти.

- Фотографии из семейных альбомов следуют принятым и пространственным образам, сформированным в определенном социокультурном поле. Фотографические образы, из-за их соответствия принципам народной эстетики, становятся устойчиво воспроизводимыми, типичными и клишированными и, следовательно, попадают в сферу анонимности. В то же время, при рассмотрении и сопровождающем его комментировании они воспринимаются как персонализированные и имеющие глубокий личностный смысл. Сюжет и композиция снимка часто выстраивается в соответствии с привычными образцами, продиктованными имплицитно подразумеваемыми правилами.

- Семейный альбом чаще всего структурирован в хронологическом порядке, он характеризуется сменой поколений. Изучение фотоальбомов периода 1920-80-х гг. показало, что и в городских семьях сохранены ценности крестьянского уклада жизни. Среди жителей Беларуси в начале XX века преобладало сельское население. В крестьянском сообществе очень силен культ семьи, семейственность. На сегодняшний день большинство горожан является всего лишь 1-2 поколением, рожденным в городе. Многие традиционные ценности были перенесены их родителями в новый городской уклад жизни. У большей части горожан в сельской местности остались близкие родственники, с которыми поддерживается постоянная связь. Фотографии семейных альбомов не только иллюстрируют подобные связи, но и помогают их сохранять. Все эти факты находят свое подтверждение при изучении фотографических изображений. В крестьянских семьях в начале прошлого века фотографии хранились на видном месте - их заботливо вставляли в раму, как

правило, большую, и вывешивали на стену. Затем в эту же рамку добавляли новые фотографии. Подобным образом формируются коллекции семейных фотоальбомов. Кроме групповых семейных фотографий в фотоальбомах хранятся изображения многочисленных родственников, не только сделанные на совместных праздниках, но и подаренные. Довольно часто фотографические снимки, сделанные на память, сопровождаются подписями: «На долгую память», «Храни молчаливую копию, если нравится живой оригинал», «Быть может, волна жизни унесет меня куда-нибудь, тогда, взглянув, вспомнишь про меня», «Лучше вспомни и взгляни, чем взглянешь и вспомнишь», «Гады пройдут не разам, а там хто ведае - усе лес. Быць можа снова, где найдемся і успомнім пражытыя гады». Иногда обороты фотографий содержат письменные послания, описания сфотографированных персонажей, стихотворные произведения. За основу анализа подобных подписей к фотографическим снимкам были взяты социально-антропологические исследования «наивного письма» - частной семейной переписки, дневников, писем граждан в инстанции власти и т.п., которые проводились российскими исследователями Н. Козловой и И. Сандомирской.

- Обнаружена связь биографического повествования с процессом принятия и изменения идентичности, которая отмечается у большинства респондентов. В процессе просмотра фотографического альбома и его комментирования респондентами возникает разрыв между тем, что комментируется и тем, что не включается в биографическую нарратацию. Поскольку пребывание в модусе воспоминания, с опорой на фотографию, или без нее, возвращает человека к некоторым историям, но не может дать видение всей жизни в целом, постольку невозможно преодолеть дискретность биографического повествования. Напротив, присутствие фотографии может сделать событие еще более дискретным, потому что память сохранит только то, что было сфотографировано. Возникает возможность манипуляции биографическими фактами. Вместе с тем, остается не выясненным, что и почему включается в рассказ, а что исключается. Усиливает дистанцированность и сам факт изображения человека: то, что видит себя на фотографии. В таком случае имеет место эффект зеркала, глубоко анализирувавшийся в философском и культурологическом дискурсе. Биографическим импульсом, т.е. стремлением окинуть взглядом всю свою жизнь и/или рассказать об

этом другим, сопровождаются ритуальные моменты: личные или семейные годовщины, праздники, поминовения и проч. Те же события люди стремятся запечатлеть на фото и видео, следовательно, биографический импульс одновременно является и импульсом фотографическим. Таким образом, семейный альбом оказывается набором мемориальных пунктов, позволяющим восстановить содержание и контекст воспоминаний, структурирующих биографическое повествование. Литературные и фольклорные формы языка, влияя на биографическое повествование, создают области «общего знания». Тогда можно предположить, что аналогичное повествование обнаруживается и в визуальной сфере. Инструментом включения устных биографических повествований в такое пространство взаимного понимания выступает их жанровая тематизация.

Современные методы визуальной антропологии предполагают, что фотографические свидетельства могут быть не просто иллюстративным пояснением языка слов, не просто дополнительным материалом, но самостоятельным средством антропологического письма. Восприятие фотографии, в том числе и наивное, всегда является результатом работы «читательского знания». Фотография прочитывается как идеограмма, то есть неязыковой письменный знак или нефонетический символ. Идеографическое письмо находится посередине между образом и словом, воплощая их одновременно. В силу специфического соотношения денотативного и коннотативного аспектов фотографического изображения, определенные установки вызывают ожидание определенного рода текстов и формирование устойчивой интенции их восприятия. Поскольку фотографическому изображению можно дать различное истолкование, коннотативный характер репрезентации таких существенных отличий будет оставаться неизменным.

Интервьюирование респондентов, предоставивших фотоальбомы для исследования, проводилось на основе нарратологического подхода. Нарратив - фундаментальный компонент социального взаимодействия, выполняющий функции создания и трансляции социального знания, а также самопрезентации индивидов. Перед исследовательским коллективом была поставлена задача в ходе интервью изучить роль в производстве нарративов таких факторов как гендер, этнос, регион, возраст, конфессиональная принадлежность, социальный статус и т. п. В ходе проведения интервью респонден-

там была предложена свободная форма словесного комментирования фотографических изображений. Демонстрация фотографий домашнего альбома, как правило, сопровождалась развернутым комментирующим повествованием. Владелец фотографий в той или иной форме пояснял особенности содержания или композиции и всегда прояснял личности персонажей. Правдивость показаний данных в интервью столь же верна, как и большинство более формально организованных материалов фольклора. Информантами комментировались не все фотоснимки, присутствующие в альбоме. Данный факт указывает на то, что респондентами в ходе интервью были прокомментированы, в первую очередь, биографизированные фотографии, т.е. те изображения, которые обладают исторической ценностью для членов данной семьи. Тем самым, некоторая часть фотографий, не обладающая биографической значимостью, не была отобрана для сканирования и не попала в поле дальнейшего исследования.

Рубрикация основных тем таких как, «портрет», «праздник/ритуал», «фотография и гендер», «детская фотография», «город на фотографиях», была сделана на основе жанровой классификации, разработанной в работах Р. Чалфена (Chalfen R. «Snapshot Versions of Life»), А.Л. Уокер и Р. Кимбэлл Мултон (Walker A., Kimball Moulton R. «Photo Albums: Images of Time and Reflections of Self»).

- Портрет. В более ранний период портретная фотография заимствовала приемы портретной живописи. Фотографический портрет того времени был реликвией, закрытой в маленьком ювелирном ящике, его качество как вещи, его осязаемость были фундаментальными – это был объект, предназначенный для того, чтобы его трогали и прикасались, обеспечивая ритуальную телесную связь с отсутствующим членом семьи. Даггеротипы и фотографии вставлялись в ювелирные рамки, медальоны и кулоны, в которые иногда вкладывались локоны человеческих волос. Первоначально возникшее отношение к фотографическому портрету как к чему-то сакральному и магическому впоследствии трансформируется в социальную значимость снимка, его принадлежность к сфере политики и идеологии. Иконичность, картинность первых портретов, тщательно ретушируемых, заменяется индексальностью, посредством которой формируются основные социальные типы, репрезентиру-

ющие определенный стиль жизни и позиционирующие себя как представителя определенного политического класса или прослойки. Складываются общие стереотипы восприятия фотографических изображений портретного характера.

Проанализированы подобные изменения на примере фотографий 10-х – 30-х гг. XX века, создававшихся в период возникновения советского государства. Как и дореволюционная, портретная фотография этого периода изначально постановочна. Семиотика изображения здесь складывается таким образом, что на первый план выходит определенным образом организованная телесность: «правильная» поза, одежда, улыбка, выражение лица, фон, символические атрибуты. В фотографических снимках, относящихся к периоду формирования советской власти, еще существуют реминисценции, отсылающие к дореволюционной фотографии. Причины этого заключались не только в объективных факторах (количество фотографических студий в городах, особенно провинциальных, было небольшим, и потому атрибуты, задний план, позы и ракурсы фотографируемых кажутся почти идентичными), но и в не сформировавшейся еще новой форме социальной перцепции, которая позволила бы относиться к феномену фотографии как к политическому явлению. С проникновением фотографии в сферу повседневной жизни людей, изменяется характер снимков.

Для ранних фотографических портретов характерно отсутствие динамики. Персонажи на снимках располагаются фронтально, у них одинаковые позы, схожее выражение лиц. Эти особенности обусловлены не только близостью фотографических приемов того времени с живописными композиционными приемами, но и несовершенством технического оснащения фотографа, большими размерами техники, длительным процессом съемки. Фотографии, как правило, не содержат сюжета, нет ощущения динамики происходящего действия, ощущение неожиданности на фотографии появляется случайно, только от неумения фотографа, люди на фотографиях часто выглядят неловко. Однако в фотографиях хорошо читается образ человека, его характер. Кроме того, событие фотографирования являлось одновременно и важным событием в жизни. Это придает фотографиям данного периода монументальный характер, роднящий их с иконописной традицией. У людей на одной фотографии обычно одинаковое выражение лиц. Персонажи позируют, пред-

ставляют себя в лучшем виде. Параллельно начинает развиваться «артистический» тип портрета, связанный с распространением кинематографа. Здесь фотографируемые люди, позируя, зачастую не смотрят в объектив, что придает взгляду романтический оттенок. Законченность подобному типу снимков придают виньетки и художественное обрамление фотографических карточек.

В 1930-40-х гг. печатный письменный текст (социальность) весьма авторитетен, он универсален, он властно располагается поверх изображения индивидов в виде виньетки: «Привет из Крыма», «Помни, не забывай». Люди на фото вокруг виньетки — как величины переменные вокруг постоянных, степень доверия к самому изображению еще не велика. Дело не просто в недостатке грамоты. Логос письма доминирует над мифосом образа. Магический призыв «Помни, хоть иногда», по сути, дублирует молчаливый призыв самого изображения, благодаря которому адресату надлежит через изображение приблизиться к изображенному.

Фотографический реализм 30-40 годов демонстрирует политический потенциал широко распространенного мифа о том, что фотография записывает реальность, она отлична от литературы или живописи, поскольку сама по себе является частью вещественных следов реальности, и что значение фотографии состоит в том, что она есть независимое и репрезентативное свидетельство истории. В действительности, риторика образов этого периода составили два важных истока визуальных медиа: кинодокументалистика и изобразительная пропаганда.

В 40-50-е гг. источником наибольшего объема заимствований является кинематограф, распространяется фронтовая тематика. 60-е гг. - это период массового увлечения любительской фотографией в СССР, налаживается массовое производство фототехники, и потому значительное количество студийных снимков в альбомах дополняется любительскими фотографиями. Происходит смена фотографического взгляда: появляется раскованность, непосредственность поведения в кадре, динамичность композиции, неожиданные ракурсы, фрагментация.

В семейном фотоальбоме фотографические портреты чаще всего выступают в роли идентификаторов, отмечая возрастные или статусные изменения, происходящие с членами семьи. Им соответствуют биографические комментарии типа: «Это я в 18 лет», «Здесь

дедушка в армейской форме, наверное, это сороковые, или чуть позже». Иногда роль маркеров дополняют подписи к снимкам: «Митенька. 5 лет», соседний снимок «Тоже Митенька, но уже в 17». Этот тип изображений менее всего подвергся исторической и социокультурной трансформации. В 70-80-е гг. формируются новые фотографические образы, опирающиеся на образцы, транслируемые средствами массовой информации. Появляются новые темы детства и материнства. В этот период портретные снимки также в основном продолжают делать в фотостудиях, что свидетельствует о том, что портрет является наиболее ритуальным типом изображений, производство которого все еще доверяется профессионалам.

- Групповой портрет. Подобный вид изображений в фотоальбомах является способом собирания коллективности как таковой: семейной, профессиональной, социальной, этнической, политической. Семейные фотографические портреты в особенности примечательны в отношении тех усилий, которые прикладываются для того, чтобы отредактировать историю семьи в режиме подтверждения частной идентичности. Фотографируемые люди объединены на визуальном уровне приближенными друг к другу фигурами, взглядами, обращенными в одну точку, схожими позами. В семейных групповых портретах четко выражена социальная иерархия: старшие, как правило, располагаются по центру; мужчина – стоя, положив руку на плечо сидящей женщины; при линейном расположении фигур нижний и верхний ряды занимают социально менее значимые персонажи. Для предвоенного времени было характерно явное преобладание коллективных изображений, причём группа в подавляющем большинстве строилась по унифицированному гендерному признаку; это не смешанные семейные фотопортреты, а исключительно мужские или женские школьные классы, трудовые коллективы, дружеские группы. Подобный тип коллективной фотографии отражал характер нового государственного строя. Появляются типы трудового и социального портрета, репрезентирующие определенный вид деятельности («у станка», «за комбайном», «на митинге», «во время спортивного состязания», «на параде» и т.п.). В послевоенное время они утрачивают гендерную стратификацию, перемещаются в частную жизнь (мужчины и женщины вместе за столом, в домашней обстановке). На первый план выдвигаются семейные ценности, много фотографий, объединяющих несколько поколений:

пожилые мужчина и женщина, их дети, внуки и правнуки. Начиная с 50-х гг. распространяется тип коллективных досуговых фотографий. Вводятся новые принципы фотографирования: фиксируется мимолетность, случайность, естественность поз.

- Праздник/Ритуал. Социально-философские исследования места праздника в общественной жизни проведены в работах Э. Дюркгейма и К. Мангейма. Как доказано ими, экзистенциальные основания феномена праздника рефлексированы в состоянии заботы. Праздник является ближайшим и наиболее массовым «здесь-бытием», которое выделяется как необходимость из нашей повседневности, привычных для человека способов поведения. В отличие от повседневности с ее случайностью и окказиональностью праздник имеет четкую ценностную структуру, в центре которой всегда событие. Именно эти особенности были взяты за основу рубрикации темы праздника. Принцип события, которое должно было быть зафиксировано в важности момента, позволил не разделять фотографии на типы праздничных событий: это могли быть семейные события, такие как юбилей или свадьба, государственные, политические, профессиональные или даже этнические праздники. Биографическим импульсом, т.е. стремлением окинуть взглядом всю свою жизнь и/или рассказать об этом другим, сопровождаются также и ритуальные моменты: похороны или семейные поминовения. Те же события люди стремятся запечатлеть на фото и видео. Можно предполагать, что биографический импульс одновременно является и импульсом фотографическим.

- Праздник как событие. Фотографии приурочены к праздникам, ритуалам, необычным событиям, помогающим сложить личную биографическую историю или историю семьи. Они не просто репрезентации жизни, но репрезентации некоторых аспектов жизни в форме сырых событийных форм. И эти события, в свою очередь, должны быть изобретены или созданы, или узнаны через один и тот же процесс понимания или создания чувства события, которое фотография и должна показать. Сам праздничный опыт меняется вместе с включением в него практик фотографирования. Процесс фотографирования также меняет восприятие события. Он накладывается на происходящее церемониальное событие, и его конвенциализирующие образы могут трансформировать действительные ритуалы церемонии в мистификации памяти. Отличительной чертой подоб-

ных фотографических изображений является повествовательный характер, требующий развернутого комментария рассказчика. Праздничное событие не записывается с помощью фотографий, но создается надлежащей записью согласно ритуальным правилам фотосъемки. Чаще всего серия снимков такого рода в альбоме также располагается последовательно. Анализ устных комментариев также показал, что в альбоме хранятся фотографические изображения тех событий, которые имеют особенное историческое значение для семьи, своим наличием они удостоверяют социальный статус ее членов, их принадлежность к определенным социальным иерархиям. Совместный просмотр таких фотографий оказывает влияние на воспоминания участников церемонии о степени значимости события, для других членов семьи он закрепляет существование семейных мифов и легенд.

- Свадьба. П. Бурдые констатирует, что свадебные фотографии были приняты быстро - как особые затраты они являются частью праздничного поведения, покупка групповой фотографии - важное потребление, которого никто не избежит без потери лица. Все идет в студию, даже самые бедные. Групповая фотография обязательна как почитание женатой пары. Результат - нет свадьбы без фотографий. Свадебная фотография ассоциируется с праздником, она обеспечивает своими средствами очевидность этому важному моменту социальной жизни, в котором группа торжественно вновь утверждает свое единство. С социологической точки зрения, пишет П. Бурдые, свадебные фотографии представляют собой социограммы, чтение старых свадебных фотографий имеет форму курса генеалогического знания, в котором мать, специалист в этом предмете, сообщает детям о связях, которые соединяют каждого из них с изображенными людьми. Свадебные фотографии репрезентируют не реальные события и эмоции, которые возникают в ходе церемонии, но то, какова завершенность ритуала должна была быть, согласно характеристикам формальной свадьбы: от свадебных фотографий не требуют высоко персонализированной документальности, но идеализированной типизации события. Большая часть формальных свадеб имеет идентичный сценарий, и фотографии помогают удостовериться в правильности следования этому сценарию. В то же время, фотографирование тоже есть важная часть свадебной церемонии. Практика профессиональной фотографической съемки

свадьбы сама по себе ритуал, поскольку она воплощает в себе следующие ритуальные практики: создание свадебного фотографического альбома «Наша свадьба» и его многократные предъявления родственникам и знакомым.

- Траур. Фотографии похоронных ритуалов и траура уходят корнями в крестьянский мир, устанавливая «правильность», регламентированность смерти. Они выполняют функцию объединения семьи, напоминая об умирании, о былой жизни, ее кончине, о похороненных, они напоминают и об оставшихся в живых. Значительное количество похоронных фотографий относится ко времени 40-70-х гг. Фотографии присутствуют как в альбомах горожан, так и в сельских семьях. Фотографируется не столько покойный, сколько сообщество приехавших родственников и друзей. Композиционно, фотографии построены так, что все живые противостоят одному мертвому. Фотографии этого типа иллюстрируют мысль Б. Малиновского о том, что смерть в локальном сообществе влечет за собой действия по реинтеграции группы. Фотографии ритуалов траура - неперемнная сфера крестьянского фотографирования. Фотографии не только «пробуждают» прошлое, но они и «заклинают» его, скажем, похоронные ритуалы выполняют в обществе нормализующие функции. Одновременно такие фотографии выступают индексом, указывающим на временные границы крестьянского мира. В крупном населенном пункте в похоронах уже не могут участвовать все жители, поэтому круг присутствующих ограничивается родственниками, коллегами, близкими друзьями. Практики фотографирования в таком случае заполняют некоторые социальные «бреши». Ритуальная фотография расширяет круг участников, она может быть предъявлена и тем, кто на похоронах не присутствовал, но, видя фотографию, они тоже вовлекаются в работу коллективной памяти, чтят память усопшего. Фотографические альбомы выразительно свидетельствуют, как в считанные десятилетия (70-90 гг.) меняются фотографии траурного цикла, а затем и вовсе исчезают. Крестьянская укрошенная домашняя смерть выталкивается за границы культуры, подвергается медиализации.

- Гендер и фотография. Понятие «гендер» появилось в философском, социологическом и политологическом дискурсе неслучайно. Оно пришло из английской лингвистики в сферу гуманитарных наук и стало дополнительным к категории пол (в английском языке

– sex, sexus), которая отражает преимущественно биологические различия между мужчиной и женщиной. Гендер помогает взглянуть на проблему полов с позиции социокультурных различий. Методологическая цель внесения данного понятия связана с попыткой ввести в научный дискурс более универсальную категорию, нежели категория пол. Термин «гендер» используется для обозначения социальной организации отношений между полами. Когда мы говорим о видимости гендера, то, подразумеваем наличие четко определенных характеристик, которыми наше сознание наделяет понятия «мужчина» и «женщина». Гендер включает четыре взаимодействующих элемента: 1) культурно-доступные символы, опирающиеся на многочисленные репрезентации, 2) нормативные концепции, содержащие «правильные» интерпретации символов, 3) родовые системы, обуславливающие степень родства и, следовательно, схемы социальных взаимоотношений, 4) субъективную идентичность.

Сам феномен присутствия женских и мужских образов в визуальной культуре имеет двойной контекст. Техногенная визуализация сегодня позволяет соединить разнородные гендерные признаки в одну общую картину, из которой рождается представление о женском и мужском поле. А уже потом это представление вовлекается в процесс социализации личности, усваивающей новую культурную информацию. Как семейное разделение труда, так и фактическое назначение каждому родителю его обязанностей играют существенную роль в дальнейшем формировании гендера. Таким образом, мужественное и женственное являются вымышленными, субъективными конструктами.

Тем не менее, женская сущность (впрочем, как и мужская) является гораздо более сложным феноменом, нежели ее визуальная объективация, изучением которого занимаются и занимались известные философы и исследователи. Первой затронула тему искусственной природы гендера Симона де Бовуар в своей работе «Второй пол». Она попыталась уйти от социокультурного, политического и экономического контекста и выявить эту проблему на индивидуальном уровне. Неоднозначность восприятия женской и мужской сексуальности в культуре занимала Мишеля Фуко, который рассматривал эту проблему в работах «Надзирать и наказывать», «История сексуальности», «Ненормальные». Он предлагает для характеристики восприятия женской сущности категорию маргинальности, марги-

нальной субъективности. Таким образом, женщина рассматривается как подчиняющееся существо, репрессированное через насильственное принятие навязанного типа поведения. Женщина, как и ребенок, вытесняется в область маргинального через конституирование норм.

Новые гендерные тенденции обретают свою визуализацию в рамках семейного фотоальбома советского периода. Сущность революционных преобразований общественной системы тесно переплетается с преобразующими факторами первой волны феминизма, «социальная революция» имеет одним из своих аспектов «сексуальную революцию», связанную с изменением подчинённого женского положения в рамках традиционной системы. Женщина как своего рода «угнетённый пролетариат» раскрепощается, при «новом строе» она активно заявляет своё право на участие в общественной жизни, осваивает интеллектуальные функции управления. Если раньше основными сферами её деятельности оставались подсобные полевые работы в сельской местности и ведение домашнего хозяйства, уход за детьми, то в годы советской власти всё больше женщин переселяются в город, получают образование, приобретают материальную независимость, работая на производстве, в государственных учреждениях, в школьной системе.

- 20-30е годы: Фотографии этого периода можно условно разделить на два типа: «артистический» и «рабоче-крестьянский». Первоначально в портретную фотографию из живописи транслируется тема женщины как объекта желания. Идеализация женского образа в культуре связана, по мнению некоторых исследовательниц, например Л. Мэлви и А. Кун, с попыткой преодолеть страх, порождаемый женщиной в мужчине. Лишенная всякой реальной субстанции, Прекрасная Дама функционирует как зеркало, на которое мужской субъект проецирует свой воображаемый идеал. В подобном типаже у женщин немного утомлённое лицо, с тонкими выразительными чертами, большие печальные глаза, тонкие брови, ярко накрашенные, четко очерченные губы. Это изящные, хрупкие женщины, их одежда соответствует моде того времени.

Параллельно начинается доминирование в общественном сознании того времени идеологических установок асексуальности восприятия мужских и женских образов. К середине 30-х годов артистический тип женской внешности сменился рабоче-крестьянским.

Его отличали такие особенности как, широкое лицо с крупными грубыми чертами, абсолютное отсутствие косметики и общая неухоженность изображаемых лиц, волосы, просто ровно подстриженные чуть ниже ушей, зачёсанные на пробор, крепкая, коренастая фигура, объёмная одежда, под которой с трудом угадывались женские признаки.

Изменяется также гендерный статус мужчины: уступая место женщинам в общественной жизни, он в то же время стремится повысить своё социальное положение в рамках традиционного уклада, выйдя за границы сословно-классовых ограничений: «Кто был ничем – тот станет всем». В советских альбомах подавляющее большинство составляют вполне ортодоксальные семейные фотографии, которые могли бы быть сняты в любой другой стране, несущие, тем не менее, намёк на открывшиеся перед простым крестьянином или рабочим возможности социального роста: представитель комсостава Красной армии с женой и маленьким ребёнком; советский служащий в пиджаке и с галстуком, тоже в сопровождении счастливой семьи и т.п. Имеются также типажные художественные фотографии первой половины 20 века, которые трудно непосредственно связать с революционными событиями и даже хронологически точно датировать (сняты до или после революции), однако свидетельствующие о своего рода бунтарских настроениях в обществе: портрет молодого мужчины в полный рост, в городском костюме, в очень свободной позе, стоит подбоченясь, нога за ногу, во рту сигарета.

- 40-е годы: Продолжает распространяться рабоче-крестьянский стиль, на фотографиях нельзя было заметить женственности и элегантности, образ товарища характеризовал женщину как гражданина. Это ещё больше подчёркивалось внешним обликом женщины, её причёской. На страницах фотоальбомов часто можно встретить одиночные женские фотопортреты, подчёркивающие изменение социального статуса: монтажница в рабочей спецодежде, учительница у доски в школьном классе, женщины-служащие, работницы научно-исследовательских институтов отмечают советские праздники в стенах родного коллектива. Их внешний облик разительно отличается в военные и послевоенные периоды: «комиссарско» - милитаризированный типаж времён Великой отечественной войны

(военная форма с погонами) сменяется яркими платьями с учётом послевоенных модных тенденций.

- 50-60е годы: После 20 лет переживаний, культура прикоснулась к табуированному прошлому. Это был первый опыт вольности, принёсший крайне полезную возможность самоидентификации советской культуры в контексте мировой. Образ девушки на фотографиях 50-60 годов обрёл изящность и некую романтичность: появились модные на то время береты и шляпки, девушка, наконец, обрела свою женственность, на фотографиях уже можно заметить использование косметики - обычно это ярко подкрашенные губы, выщипанные или подведённые тонкие брови. Аккуратные причёски придавали женщинам индивидуальность и шарм.

Для мужского пола характерно изменение отношения к армии: фотографии 50 – 60 годов демонстрируют возросшую роль армии в жизни общества, важное значение офицерской формы в повышении мужского статуса и престижа. Военнослужащие с гордостью позируют перед фотообъективом, даже в неофициальной обстановке имеют строгий подтянутый вид, форма одежды соответствует уставным требованиям.

- 70-80е годы: Для женских фотоизображений эпохи «развитого социализма» характерен отход от «общественных функций», погружение в сферу личных отношений, причём со всей искренностью и самоотдачей. Происходит «диалектическое движение» вновь к ценностям «личной жизни», хотя и на ином качественном уровне. Добившись экономической самостоятельности, работающая женщина приобщается к индустрии культурного отдыха, особое место занимают фотографии в санатории, на курорте, на морском пляже, на фоне исторических достопримечательностей.

Фотоматериалы фиксируют тенденции нонконформизма, показывают те изменения, которые произошли в массовом сознании: мужчина уже не воин-защитник, отбывая воинскую обязанность, он относится к своему положению с иронией, демонстрирует наличие иных, более интеллектуальных «гражданских интересов». Для рядового состава срочной службы пребывание в армии становится своего рода «экзотикой», на фотографиях наличие оружия приобретает характер «позёрства», в ношении формы проявляются разнообразные мелкие «неуставные» нарушения, особенно в неофициальной обстановке: расстёгнутый воротник, сапоги «гармошкой» и т.п.

(такого рода сюжеты особенно характерны для т.н. «дембельских фотографий», которые попадают и в семейные фотоальбомы). Курсанты высших военных учебных заведений снимаются на фоне архитектурных достопримечательностей, причём часто этот фон преувеличивает над собственно портретным изображением. Вне армии в облике молодых мужчин проявляются изменения, свидетельствующие об утрате «логоцентристских» приоритетов: длинные волосы, джинсовая одежда, идеал для мужчины – уже не армейский командир, партийный функционер или советский служащий, а рок-исполнитель на эстраде. Ирония распространяется на все стороны жизни, затрагивает, в том числе, культ здорового образа жизни, «физкультуры» (человек как важнейший «стратегический ресурс» социалистического государства). Большой репрезентативностью в этом отношении обладает портретное изображение ребёнка дошкольного возраста с сигаретой во рту, представленное в одном из семейных фотоальбомов (можно предположить, что комический эффект с помощью сигареты, контрастирующей с возрастом «курильщика», попытался создать его отец, неосознанно выразив тем самым своё отрицательное отношение к закосневшим идеологическим стереотипам советской системы). Гендерный аспект визуализации художественных образов на материале советского фотоальбома позволяет констатировать, что на рубеже 80 – 90-х годов в массовом сознании сформировались предпосылки отказа от «логоцентристской» милитаризированной нарративной модели, связывавшей революционные изменения с достижением военно-политического превосходства в мировом масштабе.

- Материнство. В визуальной культуре тема женщины с младенцем одна из востребованных. Образ матери с ребёнком был особенно популяризирован в послевоенное время как символ мира. На журнальных фотографиях этого исторического периода формируется иконографический тип, схожий с иконописными и ренессансными композиционными приемами изображений мадонны с младенцем. В то же время подобные изображения практически не встречаются в семейных альбомах. Традиционная роль женщины-матери со своими индивидуально-интимными проявлениями закрывалась общей заботой о строящемся мире. Проявлению и презентации интимности не способствовала официальная идеология. Очень длительное время наиболее распространенным в фотографической

практике был «погрудный» женский портрет, который не отображал никаких проявлений материнства. Также встречаются групповые семейные портреты, в том числе совместно с маленькими детьми, но в таких фотоизображениях ни тема материнства, ни тема детства не выделяется в отдельную, эти снимки скорее символизируют семью, ее единство.

Такие события в жизни матери как, беременность, рождение ребенка, его кормление остаются табуированными, закрытыми от внешнего взгляда, в том числе и от взгляда фотографа вплоть до конца 60-х гг. В последующий период эта тематика получает более широкое распространение, что связано и с изменением отношения к статусу матери в обществе, и с развитием любительской фотографии, при которой доступна та доля интимности, которая позволяет раскрыть тему материнства. С появлением фотоаппаратов-любителей в объектив фотоаппарата попадают скрытые ранее стороны повседневности. Образ женщины с младенцем прочно входит в собрание семейных фотоснимков. В сравнении с профессиональными фотографиями эти изображения носят несколько иной характер. Они более эмоциональны, спонтанны, нет изначального постановочного характера как в профессиональной фотографии. Фотографии молодых женщин, целующих грудного младенца, отличаются особой лиричностью, искренностью, лишены какой-либо наигранности, присущей официальным фотоизображениям. Особый интерес представляют фотографии, где юные женщины, будущие матери, с радостью снимаются с маленькими детьми, как бы примеряя предстоящую роль.

- Детство. Сам феномен детства и его изучение связаны с проектом Модерна, во временных рамках которого и возникла технология фотографии. Ребенок на фотографиях изначально приобретает объектные свойства: он располагается в центре любой фотографии, изображения родителей и родственников выполняют дополняющие функции знаков-референтов, указывающих родственную связь. Послать фотографию ребенка родственникам по почте – это представить нового члена группе в целом, которой нужно теперь «признать» дитя. Фотографии, изображающие детей и родителей, показывают основные типы взаимоотношений в семье. Если на ранних фотографиях прослеживается одна иерархия в предпочитаемых

изображениях - сначала взрослые, затем взрослые и дети, наконец, только дети, то в последующие годы иерархия делается обратной.

В период 20-40-х гг. фотографии детей в альбомах встречаются достаточно редко, в большей степени это коллективные портреты. На ранних семейных фотографиях дети никогда не были центром внимания, являясь частью семейной группы. Одиночные изображения детей появляются после 1945-х годов, равно как фигура женщины как матери. После войны отношение к статусу ребенка изменяется, что находит свое отображение на фотографических снимках. Хотя верхний ракурс еще доминирует, ребенка фотографируют намного чаще: он заслуживает интереса фотографа наравне с взрослыми.

Начиная с 50-х гг. фотографическое отношение к ребенку постепенно изменяется: появляется новый акцент, смещающий внимание фотографа на индивидуальные особенности ребенка, его эмоциональные проявления. В число практик родительской социализации входит новый опыт фотографирования младенца. Появление на свет нового человечка обладает неким сакральным смыслом, поэтому первые фотографии, первое вмешательство фотографии в жизнь младенца какое-то робкое, несмелое. На подобных снимках младенец обычно спит, принимая минимальное участие в создании фотографии. В 70-80-е гг. семейный фотографический альбом заметно «молодеет». Детскому существованию на фотографиях придается статус персональности и уникальности. На самых первых фотографиях ребенок почти полным ростом входит в кадр. При этом горизонтальная и вертикальная ориентация снимка может прочитываться по-разному. Горизонтальная ориентация снимка как бы подчеркивает статус маленького ребенка, его беспомощность перед окружающим миром, его отличие от мира взрослых. Младенец находится в самом начале жизненного пути и самой главной характеристикой его является рост, поэтому очень часто для детской фотографии применяется вертикальная ориентация, которая подчеркивает эту направленность (атрибут) жизни малыша. Возможность самостоятельно поддерживать тело вертикально (как минимум сидеть, а лучше – стоять) дает возможность для первой профессиональной фотосъемки.

В 80-е гг. начинает складываться отдельный жанр детского фотоальбома, все страницы которого содержат подробный отчет о раз-

витии ребенка, часто подкрепляемый письменными комментариями. Одновременно устанавливаются новые типы фотографических изображений, разделяющие жизнь ребенка на определенные символические этапы (родильный дом, детский сад, школа, пионерский лагерь и т.п.), визуальным подтверждением прохождения которых и выступают фотографии. Первый год жизни ребенка оказывается насыщенным событиями фотографирования. В прицел фотообъектива попадают и первые кормления, и первое купание, и первые шаги. Создаются не отдельные снимки, а целые фото-ряды, иллюстрирующие рост и развитие ребенка в отелный период времени. Как правило, смысловым центром фотографии является ребенок, при этом, чем младше ребенок, тем больше к нему внимания. Очень распространенным является фотоизображение, где присутствие взрослого выражается в обрезанной руке на заднем фоне, либо может быть обрезано лицо, что лишний раз концентрирует внимание на младенце. Если кроме младенца с взрослыми есть еще дети другого возраста, все равно все внимание направлено на младенца.

В фотографиях с позированием дети стараются оставаться максимально серьезными и сосредоточенным. При значительной разнице в возрасте старший ребенок берет на себя функции взрослого/родителя – поучать, контролировать, помогать. Фотографии, сделанные без предварительной подготовки, когда дети заняты своими играми и не обращают внимания на снимающего, получаются особенно эмоциональными. В них присутствует тот элемент, который Барт называет *Punctum*. На данных изображениях основным сюжетом является детская игра, которая увлекает ребенка. В игре ребенок создает некий новый мир, приобретает новый социальный опыт. Участие в фотоопыте для ребенка представляет некую игру, осознание значения фотографии. Узнавая свое изображение, ребенок само фотографирование воспринимает в качестве очередной игры. В любой игре ребенок ведет себя максимально раскрепощенно. Таково же и его поведение и перед объективом он пробует себя в различных ролях, не имея еще представления о том, как выглядеть социально одобренным на снимке.

В дальнейшем временные разрывы между сфотографированными этапами жизни человека увеличиваются: фотографии приурочены к праздникам, необычным событиям, помогающим сложить личную и семейную историю. В разных семьях традиционными

становятся студийные фотографии ребенка, снимаемые ежегодно (например, снимок к очередной дате рождения).

Важной вехой в жизненном пути ребенка становится детский сад, школа. Именно в рамках данных институтов происходит первое самостоятельное столкновение ребенка с большим чужим миром. Полученный опыт необходимо отражается в практике фотографирования. Эти изображения являются первым опытом коллективного фотоизображения. Именно видя изображение самого себя в окружении своих одноклассников, возникает желание сравнить свой внешний вид с внешностью окружающих. Такие фотографии отражают основные визуальные стереотипы социально одобряемых форм детского поведения.

- Город. В рамках социологических исследований проблема города впервые была затронута в работах М.Вебера и Г. Зиммеля. Г. Зиммель показал значимость оптического восприятия городского пространства, придав зрению уникальную социологическую функцию. «Среди органов чувств, - отмечает он, - глаза созданы для уникальной социологической функции: соединения и взаимодействия индивидов, которое заключено в обмене взглядами»^[3, С.6]. Изображения городских видов на заднем плане снимков выполняют различные функции в зависимости от того, кем производятся эти снимки. Понимание пространства именно как городского раскрывается через конкретные ситуации и определённые ракурсы фотографирования. Топография городского фотографируемого пространства складывается из памятных, узнаваемых мест: чаще всего само событие фотографирования приурочивается к посещению данного места. Городское пространство на фотографиях становится публичным и эстетизированным, оно поделено на «городские виды», предназначенные для фотографирования, и «зоны», которые недостойны внимания фотографа. Фотографии из семейных фотоальбомов показывают то, как постепенно складывается опыт «оживления» и проживания городского пространства.

- Сакральное место связано с идеей монумента как памятного, но одновременно и властного знака. Римское слово *monumentum* имеет значение

«напоминания» или «напоминателя». Это исторический, воинский и одновременно государственный/державный памятник: в Минске – площадь Победы, курган Славы, в других городах – так-

же, чаще всего это памятники Великой Отечественной Войны. Довольно часто в фотоальбомах встречаются изображения свадебного ритуала возложения цветов к подобным монументам, групповые памятные портреты, где сакральное место выполняет функцию значимого фона. Фотографический фон здесь выполняет важную индексальную функцию: он является знаком-указателем и легко переводится на вербальный уровень. Фотографии с изображением сакрального места наиболее полно показывают сохранившиеся связи новых городских социальных групп с прежними традициями и ритуалами, характерными для жителей аграрного типа. Сакральное место – особенно огонь, место поддержания и передачи традиций от старшего поколения к младшим, напоминающее о вечном, заставляющее возвращаться к нему снова и снова. На одном из снимков ребенок на переднем плане у вечного огня, сам того не осознавая, служит связующим звеном между сакральной бездной и торжественно застывшей семьей на заднем плане у памятника. Композиция явно «выстроена» хозяином/патриархом семьи с целью подчеркнуть значимость события.

- Город как фон. Для горожан характерные, повторяющиеся виды города на заднем плане снятых на фотографиях людей выступают своеобразными топографическими «местами памяти». Они попадают на снимок как бы случайно, но в то же время, служат своеобразными указателями социального положения. Известный исследователь Мишель де Серто указывал на особенную повседневную «слепоту» горожан, их невнимание к городу «здесь и теперь». Он связывал эту особенность с «вплетенностью» телесных схем местных жителей в топографию города, который является для них естественной средой обитания. Горожанин является носителем «ретроспективного» фотографического взгляда: он может фотографировать одни и те же места в разное историческое время, производя наблюдения изменений. Зачастую подобные изменения сохраняются в фотографической памяти, переживаются заново в ходе многократного рассматривания альбомов и становятся фактами биографии.

- Туристический взгляд на город. Туристическая фотография наиболее полно выполняет функцию «музеефикации» видимого мира. Как указал в своей работе М. Маклюэн, фотография перевернула с ног на голову цель путешествия^[5]. С.224]. Первоначальной

целью странствий, путешествий была встреча с незнакомыми, неизведанными местами, но с развитием технической цивилизации групповая туристическая поездка превращает все места мира в легкодоступные и заранее исследованные маршруты. Посредством распространения рекламных технологий происходит превращение реальных ландшафтов и монументов в их изображения: для туриста рекламные брошюры в форме фоторепортажей выступают в роли обязательных ориентиров будущего маршрута, а снятые им во время поездки фотографии являются дубликатами ранее увиденных и, потому, доказательствами его удачного совершенного путешествия. Однако фотографирование не столько свидетельствует о пережитом опыте, сколько отвергает заведомо возможность приобретения этого опыта, подменяя его поиском объектов для фотографирования, превращая опыт в изображение, сувенир.

В отличие от горожанина, турист воспринимает город преимущественно как набор достопримечательностей. Для путешествующих такие места выступают в роли доказательств того, что «они здесь были»: чаще всего это центр города и его основные памятные места. Подобные фотографии «сертифицируют» городское пространство, выделяя социально культурно значимые зоны. Особенности фотовосприятия города туристом связаны с темпоральным измерением городского опыта: путешественник стремится интенсифицировать столь усердно задаваемый ему культурными матрицами опыт, превращаясь в

коллекционера видов и впечатлений, стремясь увидеть как можно больше, но при этом, не переходя, в подавляющем большинстве случаев, символических границ, сформированных представлениями об«интересном», достойном внимания. Туристический взгляд на город имеет дело только с «местами потребления»: в поездках, путешествиях туристические гиды направляют взгляды туристов и их фотокамеры, давая советы по поводу хороших видов, делая остановки для фотографирования. Распространение

фотографий этого жанра в Советском Союзе связано с периодом хрущевской оттепели. Повышается уровень жизни, как горожан, так и селян. Отдых в форме путешествия становится широко распространенной досуговой практикой. География путешествий одной семьи разнообразна: в фотографических альбомах белорусских семей встречаются снимки практически всех крупных городов Совет-

ского Союза (чаще всего это Москва, Ленинград, Киев). Популярным становится тип коллективного портрета на фоне какой-либо достопримечательности. Композиция таких фотографий схожа с иконописными образами с клеймами: центральную часть занимают изображения людей, окаймление создается из изображений исторических памятников и мест.

- Фотография на отдыхе. Расширение фотографических практик тесно связано с наиболее характерным способом времяпрепровождения современного человека - отдыхом во время отпуска. Схватывая образ наиболее замечательных мест и моментов, человек преобразует их в памятники досуга. Фотография является подтверждением, что у человека был отпуск, свободное время запечатлело себя. «Фотография – это то, что делают в отпуске, и то, что делает отпуск»^[9, P.36]. Меняется характер комментариев к подобным снимкам: чаще всего в них описываются не персонажи и отношения, связывающие их (как это происходит в случае комментирования остальных групповых портретов), а интерпретируются события, при которых была сделана фотография, повествование переходит на эмоциональный уровень воспоминания, проживания заново запечатленного фрагмента жизни.

Постепенно складывается новая традиция оформления отдельных альбомов об отпуске. В практики путешествий, туристических походов, пикников также включаются традиции фотографирования, в ходе которых, проявляя активность, позируя, люди представляют себя как желаемые будущие воспоминания. Фотографии в основном не столько отображают «географии», сколько производят их, новые тела и «способы бытия вместе» одновременно с началом действия камеры. В сценах позирования тело оказывается привнесённым в игру кодированных культурных знаков – счастья, приветливости, привлекательности, интимности и так далее. Фотография становится «путем, направляющим» и «путем действия» так же как и «путем видения» и часто вовлекает в интимные отношения между наблюдающими и наблюдателями.

Биографические исследования ведутся сегодня как на Западе [Berteaux D. (ed.) *Biography and Society*. Beverly Hills, Sage, 1981; Plummer K. *Documents of Life*. London, Allen and Anwin, 1983; White, Hayden, V. *The Content of Form: narrative discourse and historical representation*, John Hopkins University Press, Baltimore, 1987; Riley M.W. (ed.) *Sociological Lives*. Newberry Park, 1988; *Sociology. The*

Journal of British Sociological association, N 1, Vol. 27, 1993. Special issue. Biography and autobiography; Certeau, Michel de. The Practice of Everyday Life. Berkeley, 1988], так и на постсоветском пространстве [Биографический метод в социологии. История, методология и практика М.: Ин-т социологии РАН, 1994; Судьбы людей: Россия. XX век. Биографии семей как объект социологического исследования. М.: Ин-т социологии, 1996; Козлова Н.Н. «Слабое место» социальной реальности // Социологические исследования, 1993, № 2; Козлова Н.Н. Крестьянский сын: Опыт анализа биографии // Социологические исследования, 1994, № 6; Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора. М.: Институт философии РАН, 1996; Сандомирская И. Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик; Женская устная история: Гендерные исследования/ Сост. А. Пето. – Бишкек: ОФ «Центр издательского развития», 2004; Божков О.Б. Биография и генеалогии: ретроспективы социально-культурных трансформаций // Социологический журнал, 2001 №1; Голофаст В.Б. Многообразие биографических повествований // Социологический журнал, 1995 №1; Цветаева Н.Н. Биографический дискурс советской эпохи. // Социологический журнал, 1999 №1/2].

Взятый за основу изучения биографических и автобиографических практик нарратологический подход, используемый как в социально-философских, так и в социологических исследованиях, позволил расширить предметное поле анализа. В нарратологическом подходе принципиально меняется само представление о документе: источниками обнаружения биографических и автобиографических импульсов в нем являются любые обращения к свидетельствам людей, к их архивам - частным письмам, дневникам, бытовым записям. Поставленная задача применить нарратологический подход к осмыслению феномена семейного фотографического альбома была решена путем рассмотрения фотографических изображений как семантических конструкций, а также корреляции их с текстами биографических комментариев информантов.

Практика просмотра фотографического альбома и его комментирования респондентами в ходе проведения интервью показала, что пребывание в модусе воспоминания, с опорой на фотографию порождает дискретное биографическое повествование. Семейный альбом оказывается набором мемориальных пунктов, позволяющим

восстановить содержание и контекст воспоминаний: личные или семейные годовщины, праздники, поминовения, поездки. Это подтвердило теоретическое предположение о совпадении фотографического и биографического импульсов. В то же время устная биографическая наррация зачастую не совпадает с изобразительной, так как в процессе повествования комментируются не все изображения, а только те, что имеют высокую степень собственной биографической значимости. При составлении фотографического альбома и при его показе, сопровождающемся комментариями автора, возникает возможность манипуляции биографическими фактами, а именно, конструирования, выстраивания личностной субъектности и групповой идентичности. Е.Р. Ярская-Смирнова пишет: «...респонденты конструируют нарративы, рассказывая о таких конкретных событиях своей жизни, где был разрыв между реальным и идеальным, между «Я» рассказчика и обществом...»^[7]. С.43]. Поскольку атрибуты субъектности и идентичности, такие как национальность, этничность, возраст, пол, социальный статус, классовая принадлежность, складываются в языке в ходе символического обмена, то значимыми они оказываются только в своем дискурсивном функционировании, в процессе проговаривания. Была поставлена и решена задача рассмотреть правила порождения дискурсов и их использование в практиках, которые определяют ситуации и способы говорения в повседневной жизни.

Проведенная работа по выявлению текстовых кодов и их классификации доказала, что реальность жизненного мира, в том числе и повседневная, конструируется в процессе взаимодействия в форме социального знания, она воспроизводится в языке, тексте. Реальность как продукт человеческого действия «в и над миром» производится человеческой активностью. Это замечание относительно сконструированности реальности ведет к особенному взгляду на культуру, в котором могут быть увидены и процесс этого конструирования, и его продукты, вовлекающие все уровни человеческой активности и опыта. Конструирование реальности опирается на коммуникативные практики и их продукты, которые есть центральны факторы большинства социальных структур посредством их репрезентацию общих верований. Коммуникация – это процесс образования и поддержания коллективного, но перцептивно обнаруживаемого мира значений. Поэтому язык представляет собой важную

форму культурного и социального капитала: он является практикой символического обмена. Конструирование социальной реальности подразумевает автопроекцию субъекта говорения. Порядок дискурса обеспечивается встроенными в личностную субъектность различными правилами, как говорения, так и умолчания. Желая стать субъектом речи должен соответствовать этим правилам. Авторитет языка навязывает носителям свои категоризации. Через структурированное языковое знание носители культуры приобщаются к скрытому порядку, становясь, таким образом, не просто носителями языка, но, по умолчанию, членами его институций. Язык упорядочивает коллективное подсознание, подчиняет его своей грамматике и организует своих носителей на правах первичного социального института в сообщество коллективного знания. Культурная общность людей подчиняется дисциплине языка, безусловной очевидности его классификаций. Принятие коллективной языковой идентичности - неперемное условие вхождения в язык, приобщения к нему и как к культурной ценности, и как к культурному институту, т. е. владения языком. Последнее уже может быть обозначено как культурно-языковая компетентность, то есть определенная степень владения культурным репертуаром, степень включенности в данную социокультурную среду, использование всего многообразия культурных форм самовыражения. Отсюда любой текст является открытой системой, требующей множественной интерпретации. Многообразие кодов объясняется наличием существования в тексте различных типов контекстов – социальных, культурных, идеологических, этических, эстетических. Кроме того, тексты представляют собой разные типы дискурсов. В повседневных дискурсивных практиках чаще всего обнаруживается включение отрывков «чужой речи» - фрагментов «посторонних» дискурсов. Разные стандарты описания: этнический, политический, религиозный переплетаются и создают форму рассказа. Для построения подобной сложной и многослойной структуры текстовых кодов был применен топологический метод анализа. В ходе проведения аналитической работы текст рассматривался в качестве разнородного пространства, объединенного пересекающимися дискурсивными локусами различных национальных, социальных и культурных традиций. Были выделены текстовые коды классической культуры: литературный, художественный, фольклорный.

- Литературность. Литературный язык - это культурный институт, структурированный в рамках определенных правил и закреплённый литературной практикой. Это общий язык письменности народа, школьного обучения, официальных документов, письменного-бытового общения, науки и публицистики. Грамматические, лексические и стилистические средства литературного языка позволяют сохранять такое его свойство как целостность. Подобное совместное использование единых способов моделирования реальности обеспечивает непрерывность традиции и создание культурных стереотипов. Воплощая

в себе коллективную память, литературный язык, таким образом, становится средством приобщения к традиции. Особой формой литературного языка является письмо, в практике которого устанавливается жесткая граница между цивилизационным мифом официальных идеологий речи и архетипическим мифом устного предания, помещаемым в пространство устного народного творчества. Нормативное письмо - символический капитал, который дает привилегии в отношениях с обговариваемым миром. Поскольку письмо является институтом культурным, категория литературности в нем выполняет охранительную функцию. В рамках доминирующей культуры публичные тексты воплощают в себе официально признанный дискурсивный порядок, который организует производство смыслов.

- Художественность. Кроме сохранения грамматической и лексической нормативности, культурно-языковая компетентность предполагает соблюдение жанрово-стилистической чистоты, то есть принятой в данном обществе эстетической нормы. В отличие от нормы грамматической, эстетическая норма подразумевает творческое вмешательство субъекта культуры. Средствами выразительности художественного языка являются специальные стилистические средства: тропы и метафоры. Таким образом, художественные коды обеспечивают экспрессивную функцию языка. Изначально автобиография создавалась как жанр «высокой» литературы. В рамках этого жанра был разработан набор сюжетов, которые и сегодня могут быть использованы для описания биографических событий жизни. Подобный «эпический» стиль биографического повествования был связан со «святостью» письменности, он проектировал

публичный, официальный имидж нации, этноса, класса на представителя этой группы.

- Фольклорность. Фольклорность в языке трактуется и как просторечие, и как диалект. Однако категория фольклорности не является антитезой литературному языку в том смысле, что фольклорные коды также формируются и конструируются согласно определенным нормам. Единственное их отличие состоит в принципиальном устном способе сохранения культурной истории. Устная традиция в дописьменных обществах включала в себя ритуалы, формулы обучения, рассказы, поэтические произведения, юридические и другие комментарии, социальная значимость которых нашла свое выражение в надежных системах передачи от поколения к поколению с минимальными искажениями. Деревенские носители устных преданий сохраняли свою общественную значимость вплоть до распространения практик семейного фотографирования: личные воспоминания и личные семейные предания становятся теперь стандартным типом не только устного, но и, одновременно, визуального свидетельствования. Устные рассказы связаны с традицией народного повествования, в которой жанровые различия между «достоверным» и «литературным» нарративами, между «событиями» и воображением достаточно условны. В типичные повторяющиеся структуры нормированного языка диалекты встроены как элементы коллективной памяти. Сюжет устного источника, т.е. способ, которым материал истории организован рассказчиком, обнаруживает отношение говорящего к собственной истории. Значение устного свидетельства определяется степенью выражения желаний рассказчика, символизмом рассказа, уровнем воображения. Устные воспоминания характеризуются личной вовлеченностью в событие. Большое значение в подобных описаниях имеет ирония. В то же время многие истории пересказываются снова и снова, обсуждаются, исправляются, модифицируются.

Были определены также и особенности национального и гендерного контекстов языка.

- Этничность. Этнические языковые коды подразумевают локальность языкового знания и обусловленного авторитетом языка мировидения и поведения. Языковая относительность может рассматриваться и как признак принадлежности к определенному социальному уровню, и как национальность. При всех различиях со-

держания этого термина, этнические коды являются социальными конструкциями, с помощью которых официальная доминирующая письменная культура определяет способы коллективной идентификации, ино-культурные по отношению к ней самой. В данном исследовании наиболее ярким примером такого кода является «трасянка», создающаяся игрой интерференции русского языка с элементами белорусского.

- Гендерная принадлежность. Взгляд на социальный пол как конструкцию отражается в концепции «doing gender». Посредством гендерных контекстов происходит процесс институционализации социальных отношений, взаимоотношений полов, жизненного пути. В гендерных языковых проявлениях объединяются социальные условия существования индивидов и воспроизводится социальное пространство и время. Жанр автобиографии наряду с жанрами дневников и мемуаров традиционно относится и к «женским» жанрам письма в литературном каноне «большой литературы». Основная задача автобиографического женского письма это задача самопрезентации гендерного Я. В этом смысле традиционное понятие auto-bio-graphy в феминистском литературном критицизме обозначается как auto-gyno-grafy. Отличием женского нарратива от мужского является то, что в женском автобиографическом письме вся жизнь достойна описания, а не только определяющие этапы этой жизни. Содержательно одной из основных тем женской автобиографии является тема дома и семьи, и именно семья признается основной моделью формирования гендерной идентификации. Еще одной особенностью женской автобиографии в отличие от традиционного автобиографического письма является апелляция к личному опыту не как отдельному, а как гендерному опыту группы. Кроме того, имеет место сознательное или бессознательное содержательное противопоставление своего внутреннего частного мира миру официальной истории. Автобиография по мнению Ш. Фельман («Чего хочет женщина? Чтение и сексуальное различие») - это не репрезентация, но речевой акт, риторическая сила которого является изначально перформативной. Так же и П. Бурдье отмечал, что именно женщины чаще всего пересылают семейные фотографии в процессе частной переписки, матери демонстрируют фотографии из альбома детям, попутно разъясняя, кто кому и кем приходится в сфере публичных и частных контактов семьи. В ходе осуществле-

ния указанных практик утверждается аффективное единство семьи, в чем и состоит, по мнению П. Бурдье, социальная функция фотографии.

Анализ полученные ранее в ходе полевых исследований интервью информантов-владельцев семейных фотографических альбомов показал, что коммуникация в процессе нарративного интервью строится по принципу коммуникации повседневности. Направленность рассказа задавалась интервьюером/исследователем с помощью вопросов, диалога и личных отношений с рассказчиком, что частично определяло содержание устного текста. В ходе последующей текстовой обработке полученных интервью перед группой исследователей была поставлена и решена задача построения гипотезы о том, «кто говорит», «что говорится» и «как говорится». В центре исследовательского внимания находились жизненная траектория рассказчика, события, в том числе так называемые исторические, о которых он сообщал, типы повседневных взаимодействий, соотношение биографии «отдельного» человека и изменения общества в целом. Исследовалась инкорпорированная логика автономного социального поля, которое определяет габитус индивида – то есть совокупность предрасположенностей поступать, думать, оценивать, чувствовать определенным образом. Способность индивида разворачивать нарративное биографическое повествование связана с определенной степенью его культурно-языковой компетентности, ключевым компонентом которой является уровень социализации. В ходе изучения интервью интерпретации подлежал не только биографический опыт, но и типы, и способы описания биографических событий. При письменной фиксации были выделены основные коды, использованные информантами в ходе повествования. Обнаружено, что литературные, художественные и фольклорные формы языка, влияя на биографическое повествование, создают области «общего знания».

В исследованиях социологов, антропологов и этнографов фотографическое изображение используется в документальных целях, в качестве дополнительного материала или иллюстрации к тексту в силу традиционного понимания его как отображения объективной реальности. Переход к интерпретативному подходу в исследовании феномена фотографии поставил задачу перед исследовательским коллективом разработать аналитический аппарат, позволяющий

описывать фотографию как символическую реальность, обладающую ре-презентативными свойствами. В ходе работы были использованы основные положения современной теории интерпретации, разработанной Р. Бартом, М. Бахтиным, Х.-Г. Гадамером, Ж. Делезом, согласно которой смысл любого текста находится не только «внутри» него, но и в контексте, а также в той позиции, с которой читатель/зритель/исследователь пытается понять этот текст. Понимание фотографического альбома как текста возможно только при пересечении нескольких смысловых горизонтов: позиции современного читателя/исследователя (его «близости» или «дистанцируемости» по отношению к исследуемому тексту), субъективно-оценочных суждений автора/респондента/владельца альбома и общего для них поля языковых значений, определяемых мировоззренческими, идеологическими, этническими, гендерными контекстами языка. Это связано с тем, что при исследовании любого рода текста необходимо учитывать те культурно-исторические условия, при которых этот текст создавался, особенности языкового творчества данной исторической эпохи, характер формирования социокультурных дискурсивных практик.

Изображения в семейных фотоальбомах исследовались в совокупности как в качестве коллекции снимков, обладающей некоторым информационным, смысловым потенциалом, так и в качестве единой формы организации снимков в структуре альбома. Подобные исследования проводились ранее А.Л. Уокером и Р. К. Мултоном. В ходе исследования также оказалось продуктивным использование идеи Р. Барта о совмещении денотативного и коннотативного пластов в фотографических сообщениях. Однако Р. Барт не предполагал использование предложенного им семиотического метода в социологических исследованиях. Исследовательской группой было выдвинуто и подтверждено предположение о том, что при анализе фотоальбома как некоего сообщения без сопровождающего биографического комментария интерпретация подобного рода текста является неполной. Нарративный ресурс» семейных фотографий обычно более ограничен, действительно, семейные фотографии зависят от дополнительного нарратива, который объясняет и дополняет образ. В силу специфического соотношения денотативного и коннотативного аспектов пропущенные пробелы чаще всего заполняются коннотативными сообщениями самого исследователя, что

является отходом от исследовательской позиции дистанцированности наблюдателя. Устный комментарий владельца, демонстрирующего фотоальбом, является уникальной нарратизацией его содержания. Один и тот же семейный альбом может сопровождаться различными друг от друга комментариями его хранителей. Доказано, что именно биографическое повествование, сопровождающее показ фотографического альбома, выполняет конструирующую функцию, т.е. упорядочивает порядок и смысл изображений. Анализ подписей на оборотах фотографических карточек или под ними на страницах альбома также имеет достаточно большое значение при интерпретации изображений. Он помогает проследить семейные и групповые связи, определить социальный статус пишущего и уровень его культурно-языковой компетентности, выделить общие риторические коды в рамках определенного исторического периода.

Изучение способов построения биографических и фотографических повествований позволило определить общие особенности этих способов письма. Биографическое повествование складывается как упорядоченность пережитых событий. Подобного рода описание включает в себя как реализованные связи, так и потенциальные. К реализованным связям относятся пережитые жизненные ситуации, в которых «я» в прошлом описывается иначе, чем «я» в настоящем, что создает возможность конструирования собственной идентичности и встраивания ее в существующие условия. Потенциальные связи придают смысл прошлому, наделяя его новыми значениями. Многие события при нарративизации не столько вспоминаются, сколько подгоняются под свою личную имплицитную теорию — концепцию повседневного знания о разных периодах личной жизни человека. Таким образом, биографическая наррация является способом конструирования авторской мифологизированной истории. Различные культурные традиции представляют собой запас сюжетов, которые могут быть использованы для организации событий жизни в подобного рода истории. По форме биографические повествования организованы так же, как и фольклорные тексты. В них используются как традиционные речевые фразеологизмы и выражения, так и «постфольклорные» прецедентные цитаты из общеизвестных произведений литературы и кинематографа, пропагандистские лозунги и слоганы. Так главным источником для биографического мифотворчества в советский период явилась ми-

фология высокой культуры. В биографических нарративах, относящихся к фотографическим изображениям 20-40-х гг., жизненные описания оказываются непосредственно связанными с крупными политическими и историческими событиями (участие в процессах индустриализации, коллективизации, Великой Отечественной Войне и восстановлении разрухи). Здесь повествование восходит к традиции европейского романа, часто используются литературные художественные текстовые коды. Фольклорные и постфольклорные коды дополняют стилистику высокой культуры, применяются идеологические штампы и выражения. В нарративах, относящихся к фотографическим изображениям 50-60-х гг., больше внимания уделяется приватной сфере: это описания многочисленных родственных связей, семейных событий и праздников. Появление этих мотивов можно объяснить легализацией частной жизни в послевоенном советском обществе. Биографические повествования, относящиеся к периоду 70-80-х гг. чаще принимают форму самопрезентации. В этот период появляются новые типы альбомов, такие как детский, школьных лет, армейский, комментарии к подобным альбомам строятся как личностные воспоминания, воссоздающие эмоциональные переживания, связанные с моментами фотографирования. Во всех случаях, когда рассматриваются биографические повествования советской эпохи, со временем увеличивается разрыв между логикой повседневного и официального дискурсов. Выдвинуто предположение о том, что такой разрыв прослеживается не только в советской, но и в европейской практике биографических повествований и связан с процессами формирования нового типа исторической субъектности.

Фотографическое сообщение может быть отнесено к типу идеограмм – неязыковых письменных знаков. Поскольку фотографическое изображение – это изображение техногенного типа, оно обусловлено особенностями технологии его создания. На первый взгляд фотография содержит высокий уровень точности передачи по отношению к тому, что она записывает и сохраняет. Технологическая точность воспроизводства во времени и сквозь время, придает ей качества подлинности и аутентичности.

Технические ограничения (резкость, ракурс, ближний/дальний план, тоновые/цветовые градации и т.п.) дополняются ограничениями социокультурными, такими как наличие навыков художествен-

ного и документального фотографирования, в которые, соответственно, встраиваются клишированные композиционные и сюжетные приемы. Так, портретная фотография, выполнявшаяся ранее в художественных фотостудиях, сформировала основные правила фотографирования персонажей в любительской съемке. С появлением жанра фоторепортажа в печатных изданиях связано распространение подобного типа фотографических повествований в семейных альбомах: это и обязательные «репортажи» о путешествиях во время семейного отдыха, и «дембельские» армейские альбомы, рассказывающие родным об отсутствующем члене семьи, и свадебные «фотосессии». Исторические изменения характера фотографических изображений в сторону интимности, приватности, индивидуализации (от семейных портретов, групповых праздничных снимков к единичным изображениям) свидетельствуют не о более свободном отношении к фотографируемому, но о появлении новых социальных и эстетических фотографических стереотипов. Фотографическое сообщение превращает каждую индивидуальную историю в серию отдельных событий. Повторяемость фотографируемых объектов или событий объясняется закрепленными внутри социальных групп повседневными практиками, которые имеют принудительный характер («как у всех», «мы не хуже других»). Подобным же образом визуализируются и социальные отличия между отличными друг от друга группами. Фотографические сообщения семейных альбомов являются частью символического семейного капитала, формой накопления семейного наследия. Альбомы предъявляются для просмотра не всем, а только тем, кто «достоин» - т.е. входит в поле социальных внутригрупповых связей. Фотографические практики включают в себя не только создание, собирание, хранение, рассматривание, но и дарение/обмен фотографий/ями. Регулярный обмен семейными снимками внутри одной родственной группы является особой формой символической коммуникации, актом групповой солидарности и связи между ее географически разнесенными частями.

Выделены общие особенности биографического и фотографического повествований:

- символический характер. Оба типа повествования являются символической конструкцией, абстрагированной от жизненного мира повседневности, они выстраиваются по определенным прави-

лам, сформированным в рамках биографических и фотографических практик;

- фольклорность. Выполняя функцию интеграции семьи, биография/фотография создает семейную легенду, передающуюся от поколения к поколению. Фотографические снимки подобно сувенирам конструируют и идеализируют реальность прошлых событий, тем самым подтверждают семейную групповую идентичность и способствуют поддержанию преемственных семейных мифов. Повторяемость рассказов при многократных просмотрах альбома усиливает их сходство с фольклорными типами текстов.

- клишированность. Как биографические, так и фотографические типы текстов подчиняются общим культурным стереотипам. В их задачи входит подтверждение социальной нормальности, т.е. соответствие установленным в обществе образцам поведения.

- конструирование самоидентичности. Фотографии собственной персоны, по сути, знакомят человека не с ним самим, и даже не с впечатлениями других людей от его вида, которым он многообразными способами дан. Он знакомится с тем, как он был дан камере и главное — как необратимо он будет дан другим в неопределенном будущем рассматривания. Оценочные суждения, сопровождающие показ фотографий, позволяют предъявлять себя другим надлежащим образом, моделировать свое прошлое, манипулировать с реальными фактами и событиями. Примером манипуляции такого рода служат разрезанные, разорванные фотографии, выступающие как защита человеком своей идентичности, или избирательность биографического рассказа. Проблема поддержания и сохранения идентичности в фотографических практиках оказывается связанной не столько с вопросами создания и сохранения дистанции между людьми и событиями, но с событиями производства фотографических артефактов. В современных условиях каждый может стать фотографом, не только производящим с минимальными усилиями фотографические образы, но и формирующим идентичность сквозь механические значения. Фотограф-любитель становится частью фотографируемого события, принимая в нем участие, и, одновременно, накладывает определенные значения на это событие в процессе создания фотоснимка. И эти значения, в свою очередь, отражают то, как фотограф конструируют реальность, в которую автоматически включается и его идентичность.

Были выделены основные отличия текстуальных биографических и фотографических практик.

- Биографические практики имеют последовательный повествовательный характер. Несмотря на то, что на биографический рассказ оказывают влияние оценочные суждения, последовательность случившихся событий сохраняется, хотя может быть несколько модифицирована. В фотоальбоме последовательный сюжетный принцип необязателен, и часто нарушен. Смысловые связи между отдельными семантическими конструкциями фотографических изображений в альбоме носят дискретный, фрагментарный характер. Фотоальбом обыкновенно имеет смысловые границы (помимо оформительских) только начала и конца. Начало альбома, как правило, совпадает с началом определенного временного периода, события в жизни владельца, а конец — с его завершением. Внутри альбома снимки располагаются согласно замыслу его владельца/хранителя, их расположение со временем может быть изменено.

- Биографический рассказ или автобиография всегда селективны, то есть избирательны. В ходе повествования сообщается не весь жизненный опыт, а лишь те события, которые имеют символическое значение и позволяют конструировать смыслы. Те события, которые носят повседневный, естественный характер, исключаются из нарратива в силу их «невидимости», то есть отсутствия значимости. Фотографические практики, напротив, позволяют выделить в потоке повседневности значимые моменты. Событием становится само фотографирование, оно накладывает вторичные значения на довольно обыденные «натуральные» действия. Фотографические ритуалы стандартизируют жизненные события, рубрицируя и выстраивая их иерархию.

- Авто/биографический импульс связан с необходимостью предъявления себя другим. Дистанцируя себя в ходе рассказа, рассказчик выстраивает в символическую конструкцию биографии собственную самоидентичность. Фотографическая активность порождает два разнонаправленных импульса. С одной стороны наблюдается дистанцирование человека по отношению к самому себе, происходящее и потому, что снимки сделаны в прошлом, и потому, что человек видит себя не своими глазами, а «со стороны». С другой стороны происходит акт символического присвоения: в

тот момент, когда человек смотрит на свое изображение на фотографии, он, тем самым, соотносит себя с символическим текстом и модифицирует свою будущую субъектность сообразно этому тексту (изымая «непохожие на себя» фотографии или принимая определенные «выгодные» позы и ракурсы при последующем фотографировании).

- В биографиях/автобиографиях продуцируется не только индивидуальный, но и коллективный смысл. Рассказанная личная история раскрывается на фоне общественной жизни, как противоречие коллективного и индивидуального. Фотоальбомы также способны выделять некоторые общественные тенденции, запечатлевая предметы, занятия, учреждения, ритуалы, виды активности, характерные для определенного исторического времени. Однако особенности фотографических кодов, такие как, натуралистичность и документальность, затрудняют идентификацию коллективных смыслов. Выделение коннотативных значений фотографических сообщений требует направленных усилий исследователя и знания всего репертуара риторических кодов советской исторической эпохи.

Развитие принципа индивидуации в жизненном мире, складывается через практики повествования о жизни (биография), в том числе и повествования о своей жизни (автобиография). Сами же повествования могут осуществляться через визуальные образные презентации, в том числе и, фотографические. Было рассмотрено строение фотографического опыта, который включает в себя репрезентацию себя и своей группы. Домашнее фотографирование в проекте рассматривалось с методологических позиций, предложенных П. Бурдьё, как важная социальная практика, выступающая средством и индексом семейной интеграции.

В ходе исследования выяснилось, что семейный фотоальбом представляет собой собрание визуальных репрезентаций, клишированность которых сближает их с явлениями фольклорной действительности. На материалах домашних фотоальбомов обнаружилась связь биографического письма о себе и фотографических повествованиях о себе, так как обе формы тесно связаны с мировоззрением человека. Как и фольклор в целом, фотоальбом, в первую очередь, связан с процессами социализации, так помогает выстраивать контекст и содержание собственно идентичности. Суть альбома не за-

ключается в нем самом, что заставляет исследовать практики, лежащие в основе бытования этой разновидности повествования, и те функции, которые этот артефакт выполняет. Исследовательской группой изучались коммуникативные аспекты фотографического опыта, делались попытки установить связь и различия использования фотографий в публичных коммуникациях и коммуникациях семейных, рассчитанных на локальное и приватное прочтение. Было доказано, что формы комментирования соответствуют определенным принципам социальной организации и предполагают значительную степень субъективной вовлеченности.

Применение нарратологического подхода к осмыслению феномена семейного фотографического альбома позволило рассмотреть фотографические изображения как семантические конструкции, а также соотнести их с текстами биографических комментариев информантов. Практика просмотра фотографического альбома и его комментирования респондентами в ходе проведения интервью показала, что пребывание в модусе воспоминания, с опорой на фотографию порождает дискретное биографическое повествование. Семейный альбом оказывается набором мемориальных пунктов, позволяющим восстановить содержание и контекст воспоминаний. Это подтвердило теоретическое предположение о совпадении фотографического и биографического импульсов. В то же время устная биографическая наррация зачастую не совпадает с изобразительной, так как в процессе повествования комментируются не все изображения, а только те, что имеют высокую степень собственной биографической значимости. При составлении фотографического альбома и при его показе, сопровождающемся комментариями автора, возникает возможность манипуляции биографическими фактами, конструирования, выстраивания личностной субъектности и групповой идентичности. Поскольку атрибуты субъектности и идентичности, такие как национальность, этничность, возраст, пол, социальный статус, классовая принадлежность, складываются в языке в ходе символического обмена, то значимыми они оказываются только в своем дискурсивном функционировании, в процессе проговаривания. Фотография выражает сложную смесь неразрывности и дискретности. Она является разбросанными моментами прошлого, дискретных цитат, изолированных от основного нарратива, но обладающих властью действовать как память и достаточно

интенсивно активизировать процесс воспоминания. В отличие от музейного или выставочного пространства, где фотографии воспринимаются как объекты, деконтекстуализированные от нарративов, семейные снимки, размещенные в альбомах или выставленные в рамках в домашних условиях, выполняют особую функцию сохранения прошлого как семейной истории.

Установлено, что фотографические повествования семейных альбомов являются частью символического семейного капитала, формой накопления семейного наследия. Регулярный обмен семейными снимками внутри одной родственной группы является особой формой символической коммуникации, актом групповой солидарности и связи между ее географически разнесенными частями. Альбомы предъявляются для просмотра не всем, а только тем, кто «достойн» - т.е. входит в поле социальных внутригрупповых связей. Тем самым, доказано, что фотография сама по себе имеет «перформативную» природу, организуя пространство для социальных мифов, ролей и отношений, таких например как «жизнь семьи», она создает новый тип «семейного взгляда».

Был проведен анализ основных существующих в социально-философском знании подходов к исследованиям фотографических практик: феноменологического, социологического, антропологического, семиотического, психоаналитического, нарратологического. На основе этих методов создана теоретическая база исследования. Разработана жанровая классификация фотоальбомов, полученная эмпирическим путем. На основе этой классификации проведена выборка изображений из фотографических альбомов и рубрикация этих изображений по отдельным темам.

Проведенное исследование позволило дать ответы на поставленные вопросы: в чем особенности социального и культурного изменений, связанных с введением фотографических практик в семейные институты, каким образом фотографические практики связаны с практиками биографическими, а также наметить дальнейшие поиски в определении роли домашнего фотографирования в процессах трансформации семейных и социальных отношений. Идентичность исследовалась как продукт социального взаимодействия и социального конструирования. В рамках исследований проекта обнаружена связь биографического повествования с процессом принятия и изменения идентичности. Биографическое повествование складывает-

ся из событий маркированных в качестве экстремальных. Само понятие «событие» связано с экстраординарностью как таковой. Оно подразумевает нечто необычное, иное по отношению к рутине. Характер указанной экстремальности такой, что некоторые события обозначены как необычные в рамках одной, отдельно рассматриваемой человеческой жизни: свадьба, рождение ребенка, участие в военных действиях. Но в перспективе сравнения обнаруживается, что события этого порядка являются массовыми, серийными и типичными. При этом не отменяется их маргинальность, поскольку рассказ всегда организован вокруг пределов, обозначающих жизнь человека, т.е. лиминальных событий.

Дистанция по отношению к самому себе, появляющаяся благодаря соотнесению биографических фактов к прошлому переносится на фотографические образы, потому что любая фотография отображает мгновения давнего и недавнего прошлого, даже если речь идет о фото, сделанном минуту назад. Усиливает дистанцированность и сам факт изображения человека: то, что видит себя на фотографии.

Поскольку пребывание в модусе воспоминания, с опорой на фотографию, или без нее, возвращает человека к некоторым историям, но не может дать видение всей жизни в целом, постольку невозможно преодолеть дискретность биографического повествования. Напротив, присутствие фотографии может сделать событие еще более дискретным, потому что память сохранит только то, что было сфотографировано. Возникает возможность манипуляции биографическими фактами.

Биография оказывается отмечена ритуалами. Для многих событий бывает недостаточно «естественных» обоснований. Есть необходимость символически их обозначать. Традиционное общество предлагает ритуалы, в которых все участвуют. Они формализованы, чтобы всем было понятно, что и с кем происходит. Ритуалы наполняют жизнь событиями, о которых есть, что рассказать.

Те события, которые люди стремятся запечатлеть на фото, включаются в биографическое повествование. Можно предполагать, что биографический импульс (В.Б. Голофаст) одновременно является и импульсом фотографическим. В силу буквальности их образов, фотографии служат пунктами, вызывающими отдельные воспоминания, которые, будучи выстроенными в некую систему, чаще всего темпорального характера, конституируют память.

Инструментом включения устных биографических повествований в такое пространство взаимного понимания выступает их жанровая тематизация, т.е. оформление рассказа о жизни в соответствие с литературными жанрами биографии и автобиографии. Наивные тексты стремятся к указанному жанровому подобию.

Литературные и фольклорные формы языка, влияя на биографическое повествование, создают области «общего знания». Тогда можно предполагать, что аналогичное повествование обнаруживается и в визуальной сфере. Сюжет и композиция снимка часто выстраивается в соответствие с привычными образцами. Типично организованы групповые и индивидуальные фотографии. Портретная фотография заимствует приемы портретной живописи. Но источником наибольшего объема заимствований является кинематограф, а в настоящее время образы, транслируемые печатными и электронными СМИ.

Анализ образцов такого рода можно проводить, опираясь на концепт народной эстетики, предложенный П. Бурдые. Элементы народной эстетики, частью которой является фотографическая эстетика, формируются под влиянием имплицитной модели, диктующей отбор объектов для фотографирования. Сюжетные и композиционные компоненты, а также способ хранения и демонстрации фотографий. Существование имплицитных моделей определяется системой ценностей, выраженных в правилах, которыми пользуются сообщества разного масштаба: группы, классы, неформальные образования. Прецедентные образы, из-за их соответствия принципам народной эстетики, становятся устойчиво воспроизводимыми, типичными и клишированными и, следовательно, попадают в сферу анонимности. В то же время, в каждом отдельном случае, они воспринимаются как персонализированные и имеющие глубокий личностный смысл.

Конкретная новизна основной гипотезы проекта заключалась в том, что идентичность рассматривалась сквозь призму биографических и фотографических повествований. Способы письма («биография» - письмо жизни, «фотография» - письмо света) позволяют судить о представлениях и идеалах людей, их отношениях к социальным и культурным явлениям, о способах проведения ими идентифицирующих границ, о специфике биографических представлений, социальных институтах - детстве, профессии, досуге,

праздниках и буднях, предметах увлечений и интересов, достойных семейной памяти.

Проработка теоретической базы исследования позволила сформулировать некоторые предположения о способах соотношения фотографий семейного альбома и рассказов о них. Во-первых, набор фотографий, с одной стороны, и повествования, которыми они сопровождаются, с другой, способствуют утверждению некоторых параметров идентичности. Во-вторых, в повествование включается то, соответствует преобладающей на момент повествования имплицитной теории и политике накопления и сохранения индивидуальной и коллективной памяти. В-третьих, существует тенденция следовать принятым и одобряемым прецедентным образам, представленным в поле культуры.

Предпринятое эмпирическое исследование по соотнесению биографического нарратива с фотографиями семейного фотоальбома позволило осуществить фокусировку на некоторых точках биографического повествования. Назовем следующие: соответствие стратегиям и тактикам накопления индивидуальной и коллективной памяти; степень биографической значимости; стремление обосновать пункты утверждаемой идентичности и в фотографических образах, и в устных нарративах; способы соотнесения фотографических изображений с правилами народной эстетики.

Как российским, так и белорусским коллективами проведены полевые работы по сбору материалов семейных архивов. В ходе полевых работ было исследовано около 100 семейных фотографических альбомов периода 1920-1980х гг. В работу с семейными архивами вошли:

- просмотр фотографических альбомов;
- проведение интервью с владельцами фотографических альбомов в форме показа информантами своих альбомов с комментариями;
- запись интервью на аудио и видеоносители и последующая текстовая обработка собранного материала;
- сканирование и перевод фотографий из альбомов в электронные изображения, редактирование плохо сохранившихся фотографий в программе “Adobe Photoshop”;
- создание каталогов;

- сопоставление изображений и текстовых описаний, обмен полученными материалами.

Создан фотографический архив, содержащий оцифрованные фотографические изображения из семейных фотоальбомов и краткие описания историй создания альбомов, а также основные этнические, социальные, религиозные, гендерные особенности семей, предоставивших фотоальбомы для исследования. Фотографические изображения рубрицированы по основным темам исследования.

Конкретным результатом работы явился собранный электронный архив фотографий и мультимедийное пособие на DVD, которое представляет собой теоретическую часть: описание основных методов визуальных исследований, библиотечный каталог, фрагменты оригинальных текстов по данной тематике, а также практическую: каталоги оцифрованных фотографических альбомов, экранные презентации («фотографический портрет», «практики семейного фотографирования: фото-ритуалы», «образы городского пространства на фотографиях»; «гендер и фотография»; «фотография и биография»), синхронизированные с авторскими текстами по основным темам. Данное пособие внедряется в учебный процесс участниками данного научного проекта – преподавателями кафедры философских учений Белорусского национального технического университета.

Результаты исследования в дальнейшем могут быть использованы как основа создания проекта виртуального фото-музея, а также при составлении и чтении спецкурсов для студентов и магистрантов по учебным дисциплинам «Философия» и «Философия и методология науки» на темы: «Основные методы современных визуальных исследований» и «Социальный смысл семейного фотографического альбома».

В перспективах дальнейшего исследования могут быть подняты темы динамики забывания и воссоздания таких форм социальной памяти как фотография. Социально-философские исследования в течение долгого времени в этой области основывались только на официальных документах. Огромное число фотографий сегодня уничтожено, выброшено, отредактировано или изъято. Семейные фотографии также могут быть полезными для социального познания, личные и семейные предания постоянно воспроизводятся на неофициальном уровне, но, в то же время, они не вполне свобод-

ны от публичных языковых и визуальных репрезентаций. Развитие понимания себя и общества, определение обстоятельств, которые определяют личностный выбор фотографируемых образов и ограничивают типы семейных фотографий, также могли бы объяснить способы конструирования фотоальбомов и фотографических опытов. Наше коллективно установленное прошлое помогает придать очертания нашим персональным воспоминаниям, в то же время и личные воспоминания могут повлиять на способ, с помощью которого мы обращаемся к коллективно установленному национальному прошлому.

Настоящее исследование было ограничено временными и социокультурными рамками определенного исторического периода существования советского государства. По существу, многие сформированные в то время визуальные стереотипы продолжают оказывать значительное влияние на современную белорусскую и российскую культуры, оставаясь образами общего культурного коллективного бессознательного. В перспективе дальнейшего исследования предстоит рассмотреть фото и биографические повествования, сформированные уже в настоящее время. Вместе с изменениями форм досуга, круга общения семьи, требований к жилью, интерьерам, меняются и формы потребления. Потреблению подлежат не только предметные формы, но и их изображения, таким образом, что второе может конкурировать с первым. Человек сегодня испытывает, по выражению Ж.-Л. Годара, «культурный голод» по изображению, который заставляет во всем искать следы искусства, то есть воспринимать повседневную реальность как бесконечное зрелище. Меняется баланс приватного и публичного, а также традиционные способы функционирования фотографических изображений – семейные собрания – альбомы. Становление современного массового общества связано с распространением техногенных медиа. Сегодня осуществляется переход к постфотографическим изображениям, так часто именуют дигитальные цифровые технологии. Семейные хроники сейчас выполняются в цифровом формате, их перестают печатать на бумаге, хранят на дисках, смотрят на больших экранах, современная техника позволяет получать изображения цветные, высокого класса, программы позволяют сохранять не только изображения, но и речь, музыку. Подобные коллекции пере-

станут быть предметом приватного семейного потребления, выставляются в Интернете.

Предстоит дать анализ новых способов оформления семейной памяти, возникновение видео и компьютерных коллекций семьи, размещение семейных хроник в сети Интернета. Люди никогда прежде не имели дела с таким количеством изображений, которые поставляют кино, ТВ, новейшие коммуникативные системы. Необходимо выработать методику анализа этого рода изображений. Что можно сказать о позиции автора изображения, как задается тематический план, каков иконический ряд, какие моменты интеракций в изображении представлены, что можно сказать об отсутствующей реальности, каков контекст создания хранения и использования изображений, каков принцип формирования коллекции и т.д. Новые цифровые технологии привели к трансформациям идентичности индивидов. Дальнейшее исследование новых типов идентичности на примере современных семейных фотоизображений позволит увидеть как социальные факторы (социальные институты, процессы, происходящие в обществе и т.д.) способствуют формированию различных видов идентичности, что приведет к более глубокому анализу изучения современных белорусского и российского социокультурных пространств. Интересным представляется изучение процессов, приводящих к принятию современных форм идентичности, а также процессов, разрушающих ее. Предстоит проанализировать новые формы социальной памяти и те способы, с помощью которых она внесена в особые социальные группы и сообщества. Многие города, как Беларуси, так и России имеют фотографические сайты своих любителей, с выставками, регулярными обновлениями, упорядоченным членством, откликами, обсуждениями. Они обретаются в более широком поле культуры, где будут и эксперты, и кураторы выставок, преподаватели фотографических школ, их студенты, редакторы журналов и т.д. С их участием складываются правила видения кадром, производимые продукты дифференцируются по жанрам, вырабатывается сам язык, на котором говорят о фотографии. Этот феномен современного общества также нуждается в социально-философском осмыслении.

По результатам исследований можем выделить общие особенности белорусской идентичности, такие как символический характер, фольклорность, клишированность, конструирование самоидентич-

ности. Были обнаружены основные отличия текстуальных биографических и фотографических практик:

- Биографические практики имеют последовательный повествовательный характер. Смысловые связи между отдельными семантическими конструкциями фотографических изображений в альбоме носят дискретный, фрагментарный характер.

- Биографический рассказ или автобиография всегда селективны, то есть избирательны. Фотографические практики, напротив, позволяют выделить в потоке повседневности значимые моменты.

- Авто/биографический импульс связан с необходимостью предъявления себя другим. Фотографическая активность порождает дистанцирование человека по отношению к самому себе и, одновременно, необходимость символического присвоения.

- В биографиях/автобиографиях продуцируется не только индивидуальный, но и коллективный смысл. В то же время особенности фотографических кодов, такие как, натуралистичность и документальность, затрудняют идентификацию коллективных смыслов.

Проведена работа по усовершенствованию терминологического аппарата, в частности проанализирована применимость таких понятий как фотографическое сообщение, биографическое повествование, наивное письмо. Проработка теоретического базиса исследования позволила сформулировать несколько предположений о способах соотношения фотографий семейного альбома и рассказов о них. Феномен семейного фотографического альбома может быть характеризован следующими особенностями:

- Семейный фотоальбом содержит взаимоотношения членов семьи, действия, в которых эти отношения выражаются, места, где эти отношения осуществляются, ритуалы, которые фиксируют эти отношения. Семейное фотографирование и традиция коллекционирования подобных фотографий способствуют утверждению определенных, нормативных в данном типе общества параметров идентичности, а также соответствуют стратегиям и тактикам накопления коллективной памяти.

- Фотографии из семейных альбомов следуют принятым и пространственным образам, сформированным в определенном социокультурном поле. Фотографические образы, из-за их соответствия принципам народной эстетики, становятся устойчиво воспроизводимыми, типичными и клишированными. Изучение фотоальбомов

периода 1920-80-х гг. показало, что и в городских семьях сохранены ценности крестьянского уклада жизни.

- Обнаружена связь биографического повествования с процессом принятия и изменения идентичности. Семейный альбом оказывается набором мемориальных пунктов, позволяющим восстановить содержание и контекст воспоминаний, структурирующих биографическое повествование. Литературные и фольклорные формы языка, влияя на биографическое повествование, создают области «общего знания». Инструментом включения устных биографических повествований в такое пространство взаимного понимания выступает их жанровая тематизация.

Осуществлен текстуальный анализ фотографических сообщений из семейных белорусских и российских архивов, выявлены философские основания «музеефикации» семейной фотографии.

Литература:

1. Вандельфельс Б. Мотив чужого. – Мн., 1999.
2. Деррида Ж. О грамματοлогии. – М., 2000.
3. Зиммель Г. //Новое литературное обозрение. 2000.
4. Лакан Ж. Семинары. Книга 1: Работы Фрейда по технике психоанализа. – М., 1998.
5. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. – М., 2003.
6. Мерло-Понти М. Око и дух. – М., 1995.
7. Ярская-Смирнова Е.Р. //Социологический журнал. 1997, №3.
8. Banks M. Viisual Methods in Social Research. – London, 2000.
9. Bourdieu P. Photography: A Middle – brow Art. – Cambridge, 1990.

Заключение.

Анализ коэволюционной динамики и стратегий инновационного развития Республики Беларусь показал, что осуществляемые на национальном уровне программы модернизации агропромышленного, машиностроительного, энергетического, горнодобывающего, нефтехимического комплексов дополняются стратегией развития высоких технологий и соответствующей его потребностям инфраструктуры. Значительные резервы развития Беларуси сконцентрированы в феномене идентичности. Они позволяют в русле реализации коэволюционной стратегии развивать этнокультурный и экологический туризм, санаторно-курортный комплекс.

Собственно методологические выводы монографии заключаются в констатации фактов углубленной проработки современными философами проблем модернизации, коэволюции, устойчивого развития, что достаточно хорошо видно в работах ведущих представителей экзистенциализма, психоаналитической философии, феноменологии, философии постмодернизма. Техногенез стал основной формой социокультурной эволюции. В этот процесс включена и Республика Беларусь через механизмы идентичности. В монографии отражены результаты совместной работы белорусских и российских исследователей в рамках совместного проекта РГНФ – БРФФИ №Г07Р-029, а также результаты активного сотрудничества профессора кафедры философских учений Старжинского Валерия Павловича с администрацией Парка Высоких Технологий в формировании методологических принципов деятельности, стратегии и тактики принятия и реализации управленческих решений.

Научное издание

ЛОЙКО Александр Иванович
СТАРЖИНСКИЙ Валерий Павлович
МУШИНСКИЙ Николай Иосифович
ЯКИМОВИЧ Елена Борисовна

КОЭВОЛЮЦИОННАЯ ДИНАМИКА
И СТРАТЕГИИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Монография

Подписано в печать 08.10.2010.

Формат 60×84^{1/16}. Бумага офсетная.

Отпечатано на ризографе. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 17,21. Уч.-изд. л. 13,45. Тираж 100. Заказ 1266.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Белорусский национальный технический университет.

ЛИ № 02330/0494349 от 16.03.2009.

Проспект Независимости, 65. 220013, Минск.